

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Национальный комитет византистов РФ

ЭРГАСТИРИЙ

**Сборник материалов Всероссийской летней
школы по византиноведению**

(г. Белгород, август 2017)

Белгород 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Национальный комитет византистов РФ

ЭРГАСТИРИЙ

**Сборник материалов Всероссийской летней
школы по византиноведению**

(г. Белгород, август 2017)

Белгород 2017

УДК 94(495)|04/09|

ББК 63.3(0)4-92

Э 74

Рекомендовано к изданию кафедрой всеобщей истории
Историко-филологического факультета Педагогического института
НИУ «БелГУ» (протокол № 2 от 03.10.2017 г.)

Ответственный редактор:

д.и.н. Н.Н. Болгов

Э 74 **Эргастирий:** сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август 2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – 143 с.

ISBN 978-5-9571-2393-4

В настоящее издание вошли материалы I летней школы молодых ученых по византологии в Белгороде, проведенной 14-17 августа 2017 г. Национальным комитетом византинистов РФ и Белгородским государственным национальным исследовательским университетом. Среди авторов сборника – преимущественно начинающие ученые, аспиранты и студенты. Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы византийской и позднеантичной истории и культуры.

УДК 94(495)|04/09|

ББК 63.3(0)4-92

ISBN 978-5-9571-2393-4

© НИУ «БелГУ», 2017

Содержание

I летняя школа по византологии в Белгороде (<i>М.М. Сеница, М.Ю. Лопатина</i>)	4
<i>Норкин К.В.</i> (Москва). Образ Севира Антиохийского в «Путеводителе» Анастасия Синаита	6
<i>Мирошниченко Е.И.</i> (Санкт-Петербург). Проблема авторской индивидуальности в «Письмах» Синесия Киренского: историографический обзор	14
<i>Ермак Е.С.</i> (Санкт-Петербург). Образ пророка Ионы. Отражение богословия телесного воскресения в иконографии раннехристианской скульптуры	23
<i>Назаров А.Д.</i> (Екатеринбург). Армия и император в III–V вв.: проблема лидерства в военном сообществе	33
<i>Данилов А.А.</i> (Нижний Новгород). Феномен столпничества в Ранней Византии	42
<i>Шушунова Е.В.</i> (Тула). Обряд «отмщения» в почитании предков на Боспоре (по материалам городища «Белинское» в Восточном Крыму)	53
<i>Синьковский Д.Ю.</i> (Тула). К вопросу о некоторых особенностях зарождения культа Девы Марии	62
<i>Богомаз Н.А.</i> (Белгород). Урбикий – препозит семи императоров	69
<i>Сеница М.М.</i> (Белгород). Иоанн Лид и Гесихий Милетский: специфика формирования антикварных интересов в Ранней Византии	76
<i>Руднева М.А.</i> (Белгород). Разрушение александрийского Серапеума	95
<i>Третьякова Н.Е.</i> (Белгород). Роль папы римского в управлении Африканским (Карфагенском) экзархатом	104
<i>Лопатина М.Ю.</i> (Белгород). Античная традиция в письменном наследии христианского ритора Хорикия Газского ...	109
<i>Кириллов В.М.</i> (Белгород). Сведения нецерковного характера в III–IV книгах «Церковной истории» Захарии Митиленского	119
<i>Родина Е.О.</i> (Белгород). Зарождение и ранние формы христианского паломничества	126
<i>Иоанн Малала. Хронография. Книга I. Перевод М.М. Сеницы</i>	132

I ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ВИЗАНТОЛОГИИ В БЕЛГОРОДЕ

М.М. Синица, М.Ю. Лопатина

14-17 августа 2017 г. в оздоровительном комплексе НИУ «БелГУ» «Нежеголь» прошла I всероссийская летняя византологическая школа под эгидой Национального комитета византистов РФЭ, при участии Белгородского отделения РОО «Византийский клуб». Модераторами школы выступили: в.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова, ответственный секретарь Национального комитета византистов РФ и журнала «Византийский временник» М.В. Грацианский, доц. МГУ им. М.В. Ломоносова П.В. Кузенков. Организаторы школы – заведующий кафедрой всеобщей истории НИУ «БелГУ» Н.Н. Болгов и преподаватели кафедры И.В. Денисова, М.Л. Рябцева, А.М. Болгова.

Участниками школы стали аспиранты и студенты, специализирующиеся на византологической тематике, из различных городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Тулы и Белгорода.

Выбор Белгорода в качестве места проведения школы был обусловлен динамикой развития византистики в НИУ «БелГУ», где сформирован научный центр по изучению позднеантичной и ранневизантийской тематики. Кроме того, Белгородчина является родиной выдающихся историков, внесших важный вклад в развитие отечественной византистики и медиевистики – академика Н.П. Кондакова, митрополита Макария (Булгакова), профессора И.М. Гревса.

В первый день школы прошёл заезд и знакомство участников в форме эссе о своём пути в науку, о выборе данной проблематики, были проведены вводные семинары и презентации. В последующие дни проходила защита исследовательских проектов участников школы, по которым проводилась краткая дискуссия. В рамках школы прошли семинары М.В. Грацианского и П.В. Кузенкова, на которых обсуждались основные проблемы византийской истории и отечественной византистики.

Участники защитили проекты по различным темам: наследию ранневизантийских писателей Синесия Киренского (IV-V вв.), Захарии Митиленского (V в.), Гесихия Милетского и Иоанна Лида (VI в.), Анастасия Синаита (VII в.), проблемам позднеантичного воинского этоса, паломничества и столпничества в ранней Византии, формированию культа Девы Марии, символике образа пророка Ионы в ранневизантийском искусстве, специфике погребальных религиозных обрядов на

Боспоре, языческо-христианской борьбе в Александрии Египетской в конце IV в., деятельности придворного V в. Урбикия.

На византологической школе также были представлены презентации, характеризующие специфику деятельности белгородской научной школы: зарубежные научные поездки преподавателей и студентов для ознакомления с материальным наследием поздней античности и Византии; методика изучения древнегреческого языка на историко-филологическом факультете и в проблемной группе; работа археологической экспедиции на античных и византийских памятниках, работа читательского клуба «LIBERE - VIVERE» на историко-филологическом факультете.

Итоговая дискуссия носила конструктивный характер. В целом было отмечено, что данный проект не только актуализирует многие важные проблемы византиноведения, но и развивает научные связи между различными византологическими центрами, между молодыми учеными. Было единодушно решено продолжить проведение школы, расширив тематику мастер-классов и лекций, а также обратить внимание на расширение общественного звучания современной византистики как основы отечественной цивилизационной традиции.

УДК 94(495).01

**ОБРАЗ СЕВИРА АНТИОХИЙСКОГО
В "ПУТЕВОДИТЕЛЕ" АНАСТАСИЯ СИНАИТА**

**THE IMAGE OF SEVIR THE ANTIOCHIAN
IN THE "GUIDE" OF ANASTASIUS SINAITA**

**К.В. Норкин
K.V. Norkin**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51*

*Moscow State University name M.V. Lomonosov
119991, Moscow, GSP-1, Leninskie Gory, 1, p. 51*

e-mail: norkin-kostas@yandex.ru

В настоящей статье мы проанализируем образ одного из основных монофизитских богословов – Севира Антиохийского, каким он представляется в "Путеводителе" Анастасия Синаита. Являясь главным героем данного произведения, патриарх Антиохии является средоточием еретического богословия для автора. Само изображение ересиарха подобным образом является частью полемической программы "Путеводителя" и существенной частью методологии Анастасия Синаита.

Ключевые слова: монофизитство, Сефир Антиохийский, патриарх, ересь, Анастасий Синаит.

In this article, we will analyze the image of one of the main monophysite theologians - Seviron of Antioch, as he appears in the "Guidebook" of Anastasius Sinait. Being the protagonist of this work, the patriarch of Antioch is the focus of heretical theology for the author. The very image of the heresiarch is similarly part of the polemic program of the "Guidebook" and an essential part of the methodology of Anastasius Sinaita.

Key words: Monophysitism, Savior of Antioch, patriarch, heresy, Anastasius Sinaita.

Творчество Анастасия Синаита является предметом исследования многих ученых, в частности, историков и богословов (С.Н. Саккос, М.В. Бибииков, К.–Х. Утеманн, Дж. Мюннитиз и др.). Его произведения рассматриваются в качестве памятника богословской мысли VII–VIII веков. «Путеводитель» (Ὁδηγός, *Viae dux*), написанный данным автором, оказался ценен не только как источник исторических и

богословских сведений о диспутах халкидонитов и монофизитов, но и как нравственный манифест, формулирующий духовные правила и условия жизни того общества, представителем которого является Анастасий. Русское название «Путеводитель» мы заимствовали из перевода первых трех глав трактата на русский язык, сделанного патрологом А.И. Сидоровым. Это наименование мы и будем использовать далее в нашей работе.

Письменное руководство в форме диалогов с оппонентами, которым является исследуемое произведение, становится объектом анализа и в монографии К.–Х. Утеманна, рассматривающего текст с точки зрения рукописной традиции и богословского содержания. Он опровергает точку зрения С. Н. Саккоса об атрибуции трактата Антиохийскому патриарху и датирует время жизни автора второй половиной VII века¹. Исследователь на основании подробного анализа всех имеющихся манускриптов устанавливает единство произведения и разбирает вопросы, связанные с другими текстами этого автора. Также он анализирует структуру «Путеводителя» и богословские аргументы Анастасия и определяет его источники. Кроме того, К.–Х. Утеманн устанавливает круг богословских оппонентов автора, описывает их идеи и реакцию на них самого Анастасия. Объектом его анализа становится терминология, использованная автором (с установлением ее источника), которую он вводит для выражения догматических истин в новых условиях.

Биографических сведений об авторе «Путеводителя» очень немного и они фрагментарны — в основном, исследователи черпают их из его произведений. Известно, что Анастасий Синаит — монах, а позже пресвитер, живший во второй половине VII в. в монастыре святой Екатерины на Синае², был родом с Кипра, потом поехал в Святую Землю, где, в конце концов, оказался на Синайской горе. Трудился врачом в монастырской больнице (исследователи это определяют по множеству медицинских данных в его творениях). В конце VII в. в Малой Азии и на Ближнем Востоке была эпидемия чумы³, рассуждения о которой (с точки зрения богословия и медицины) проанализировала М.–Е. Конгурдо, что и позволило ей установить наличие специальных медицинских знаний у синайского монаха. Эти данные объясняют и натурализм автора в некоторых описаниях, которые он делает в «Путеводителе» (создание им образа человечества Христа, например).

¹ *Uthemann K.-H.* Studien zu Anastasios Sinaites. Berlin, De Gruyter, 2017.

² *Ibid.*

³ *Congourdeau M.-H.* Médecine et théologie chez Anastase le Sinaïte, médecin, moine et didascale. Beauchesne, 2005.

С.Н. Саккос установил, что Анастасий Синаит жил «в глубокой пустыне», где у него отсутствовало достаточное количество писчего материала и возможность пользоваться библиотекой¹, что объясняет неточное цитирование христианских авторов (которых он приводит по памяти). После победы арабов из укрытий и пустынь вышла монофизитская иерархия во главе с патриархом Вениамином I (626-665), поэтому теперь вдали от своей кинонии скрываться приходится Анастасию, который жаловался, что у него нет в распоряжении книг (возможно, это отсылка к обстоятельствам написания «Путеводителя»)².

В целом, в рукописях трактат Анастасия помещают как среди догматических источников (творений Иоанна Дамаскина, отцов Каппадокийцев), полемических произведений, так и в числе душеполезной литературы (произведения отцов-аскетов и житий святых).

«Путеводитель» (Ὁδηγός, *Viae Dux*) — это сборник полемических трактатов, описаний диспутов с монофизитами, обращенных к последователям халкидонского богословия. Создатель критического издания «Путеводителя» и исследователь творчества Анастасия Синаита К.-Х. Утеманн считает, что название «Путеводитель» может основываться на самом тексте — в III. 1. 90-91 приведена цитата из евангелия от Иоанна: «Дух истины, он вас направит (ὁδηγήσει) на всякую истину» (Ин. 16, 13), но при этом это название — не авторское. Он же датирует трактат 686/689 — 701 годами на основании исторических данных, которые находят отражение в произведении.

К.-Х. Утеманн видит основной целью произведения наставление христиан-дифизитов на случай полемики с монофизитами, он отмечает также, что Церковь всегда прибегала к «Путеводителю», когда возникали новые споры в отношении христологической проблематики. Кроме этого, К.-Х. Утеманн указывает на то, что Анастасий Синаит в своей полемической литературе в целом пытается снова сформулировать православное богословие в новых условиях, когда Церковь под арабским господством оказалась вне ситуации, которая была определена христианской государственной властью в Византийской империи. Сам Анастасий имеет в виду новую реальность — подчиненность арабам-мусульманам, что находит отражение в «Путеводителе» (упоминание каких-то элементов вероучения ислама)³. Кроме того, указывает автор и на ложное представление арабов о христианстве, которое происходит от монофизитов.

¹ Σάκκος Σ. Ν. Περί Αναστασίων Σιναιτών. Θεσσαλονίκη, 1964.

² Uthemann K.-H. Studien zu Anastasios Sinaites. Berlin, De Gruyter, 2017.

³ Griffith S.H. Anastasius of Sinai, the Hodegos and the Muslims. The Greek Orthodox Theological Review, 32. 1987.

С этим мотивом связан образ Севира Антиохийского, который является единственным авторитетом и учителем монофизитов. И, таким образом, основа проблемы — это неправильные, плохие установки, которые он дал в своих трудах: «Сефир, их собственных учитель дурно создал им установления (XX, 1, 49). Именно поэтому так подробно, как мы увидим, создается и прорабатывается отрицательный образ Севира — именно он является главным оппонентом Анастасия. Только собственное имя «Сефир» встречается в трактате 120 раз, оно даже становится источником словообразования: еретики называются «σευηρολαράδοτοι» (XII, 4, 11) — придерживающиеся традиции Севира, в противоположность сторонникам православного предания. В одной из бесед Анастасий отмечает и сильный интерес монофизитов к Кириллу, но толкует изучение его трудов в негативном ключе, поскольку они не включают александрийского богослова в более широкий контекст православного предания: «Сверху донизу изучают блаженного Кирилла размышляющие по-севировски; туда-сюда его слова носят и выносят, к другим отцам даже не приступая» (X.2, 7, 47–51).

В VI главе Анастасий рассматривает историю появления самой ереси монофизитов, являющейся «ядом древних драконов (ересей)» (см. VI, 1, 5). История ее начинается с Евтиха, который изучил книги манихеев, валентиниан, маркионитов и ариан — и оттуда взял учение о единой природе Христа, а от него уже научился и Диоскор. После низложения их обоих на Халкидонском соборе произошел раскол между Александрией и Египтом. Затем появляется епископ Александрийский Тимофей Элур, который пишет против Халкидона и Томоса Льва, папы Римского (который упоминается впервые). Противником Элуря выступает Иоанн Кесарийский, Грамматик, и другие, изложения веры которых — самые истинные (ἀληθέστατοι). В ответ на опровержения Иоанна Грамматика и пишет Сефир, изгнанный к тому времени из Антиохии «за лукавые учения против Халкидона» (VI, 1, 25) и пришедший в Александрию, «гнездо змей — врагов кафолической Церкви» (VI, 1, 26).

Принцип работы Севира объясняется через метод Акилы в переводе Ветхого Завета, где он извратил и урезал пророчества и свидетельства о Христе, и таким образом иудеи получили ложную версию текста (πεπλαυμένην ἔκδοσιν). Сефир прямо называется учеником Акилы и в целом последователем «особого народа Александрии». Севиру даже приписывается достоинство Антихриста в том, что он «становится судьей и критиком святых отцов и учителей» (VI, 1, 44): те изречения, которые можно ложно истолковать, он считает аутентичными, а иные — подложными и лживыми «из-за удаленности страны

или другого языка» (VI, 1, 47). Тут Анастасий признает, что это все же — случай редкий.

Образ Севира активно сводится к судье, законодателю и критику, чтобы подвести его под определение антихриста на основании тут же приведенной цитаты «Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну» (Ин. 5, 22) — таким образом, Севир показан претендующим на роль Христа. Как судья он ведет себя и по отношению к признанным авторитетам («Григориям, Иоанну, Кириллу, Афанасию, Амвросию, Проклу и другим» VI, 1, 50): в некоторых случаях он их «извиняет» («συγγνώμην παρέχει»), а в других — просто выбрасывает то, что ему неудобно. И даже написание им книги, где он сводит высказывания отцов — это хиротония самого себя в чин судьи живых и мертвых: одних авторов он приводит, других — отвергает.

Усиливается этот образ описанием того, как относятся монофизиты к книге Севира: они ставят ее выше евангелия от Иоанна, с ней сверяют высказывания Петра и Павла и других авторитетных богословов. Тем самым Севира они считают «учителем учителей, судьей чудотворцев, испытателем и оценщиком богоносных мужей» (VI, 1, 108).

В VII главе «Путеводителя» Анастасий начинает опровержение своего оппонента. В начале даются слова Севира (VII, 1, 1–24), а затем делается их разбор. Здесь мы видим Севира глупцом, который сам себя опровергает, и Анастасию ничего не остается делать, как просто подчеркивать эти промахи. Вначале он с иронией рукоплещет еретику, радуясь, что нашел себе сторонника и противника миафизитства, которого «не купишь и за множество талантов», затем отмечает, что Севир, признавая за Кириллом слова о двух природах, сдает свою позицию — Кирилл оказывается на стороне дифизитов. А потом заключает, что «грешник был пойман на словах своих же уст» (VII, 1, 44) и изображает Севира запевалой десятирогого (соотнесение с Антихристом) хора еретиков (VII, 1, 50) — это прозвище автор повторит еще несколько раз (например, VII, 2, 3). Мотив глупости Севира Анастасий использует и в других речах: он вводит слова Севира в VIII, 3, 68 уничижительным тоном: «Как об этом несет вздор Севир», а в VIII, 4, 22 обращается к нему: «Итак, пусть скажет мне безголовый».

Далее Севир вначале несколько раз именуется «ритором», которому противопоставляются «отцы» и «учителя». Анастасий постоянно говорит о нем с иронией: «этот крупный ритор» (VII, 1, 36), «ведь действительно очень смешно, как укрылся ритор за своими словами» (VII, 1, 56).

Затем Анастасий начинает использовать судебную лексику: Севир — это судья, выносящий обвинительный приговор

(καταδικάσας, ἀλόφασιν καὶ ψῆφον ἐκτίθεται) отцам, но при этом судья нечестивый (ὁ ὄντως δυσσεβῆς) и с бесстыдным языком (γλώττη ἀναίσχυντα). На этом же суде Севир является и никого не боящимся обвинителем, к которому, впрочем, приложен ироничный эпитет «многомудрый» (ὁ πολύσοφος τῶν διδασκάλων ἀντίδικος).

Против него выступает сонм святых отцов, образ которых не оставляет сомнения в превосходстве православной партии: Дионисий — муж апостольский, Иринея — топор ересей, Климент — ветвь Христова, Иустин — своей кровью письменно свидетельствующий о приходах Христа, Евстафий — подвижник, Григорий — чудотворец, Василий — создатель христианского сообщества (πολιτεία), которого боялись и демоны, Григорий — посрамитель эллинов, Иоанн — гроза императоров, а Кирилл — печать отцов (VII, 1, 87–103).

Затем Анастасий переходит к образу лунатика, который под воздействием небесного тела считает Христа то двуприродным, то одноприродным (очевидно, до и после соединения), будто Он похож на месяц, то убывающий, то возрастающий. И в этом размышлении он представляет Севира говорящим хулу: «пусть скажу и нечто кощунственное: это как у беременных женщин: то две души, то после родов — опять одна» (VII, 1, 114).

После Анастасий считает необходимым уличить оппонента во лжи и коварстве и начинает отрицать (от имени святых отцов) учение о том, что Христос, как хамелеон, меняет внешний вид и природы в соответствии с луной. При этом автор не оставляет своей иронии, обращаясь к Севиру: «философ» (ὁ φιλόσοφος Σευῆρος) (VII, 2, 21), «благочестивый десятник» (σεμνὸς οὗτος δέκαρχος) (VII, 2, 32) «мудрейший» (ὁ σοφώτατε) (VII, 2, 36). В своем частичном цитировании Кирилла Севир является учеником иудеев, эллинов и арабов, так же поступают и манихеи (VII, 2, 117). И поскольку Севир считает, что «дана ему всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18), то он является Антихристом, отвергающим отцов и писания, и необходимо сломать ему его десять рогов (VII, 2, 139).

В VIII главе автор «Путеводителя» описывает суд Бога.

Христос на нем выступает в качестве председателя в окружении ангелов, патриархов, пророков, евангелистов и апостолов, в руках у них досочки (μετὰ χειρας τὰς τῆς παλαιᾶς καὶ καινῆς διαθήκης δέλτους ἐπιφερομένων). Собравшуюся на суде группу Анастасий называет «хором отцов» (ὁ τῶν ἁγίων πατέρων χορός) (VIII, 1, 51), «собранием святых апостолов и пророков» (ἡ τῶν ἁγίων προφητῶν καὶ ἀποστόλων ὁμήγυρις) (VIII, 2, 4).

По очереди святые выходят в центр (εἰς μέσον) и рассуждают (приводятся выдержки из их творений), а затем следуют ремарки Анастасия, где он подчеркивает нужные ему идеи.

Первый — Моисей с выдержкой из книги Бытия о том, что травы, птицы, пресмыкающиеся, животные были произведены «по роду их» (κατὰ γένος αὐτῶν) (Быт. 1, 20–25). Анастасий отмечает, что Моисей рассуждает богословски, разделяя роды, то есть — природы существ (διάφορα γένη ἤτοι φύσεις), а не по Аристотелю или Гомеру, которые различают лица, а не природы (VIII, 1, 30). Противопоставление философии и богословия Анастасий продолжает в ремарке, напоминая, что Павел учил афинских философов, что Христос нам единосущен по плоти (VIII, 1, 38). Вывод делается в словах автора: Севир против Моисея и Павла.

Дальше Севира постыжает апостол Иаков, брат господень, который в цитате Бытия на месте слова «род» (γένος) использует слово «природа» (φύσις) (Иак. 3, 7) (VIII, 1, 43). Тут Анастасий сам вступает в диалог, обращаясь к Севиру: «Вот ясно тебе брат Христов разные роды назвал разными природами» (VIII, 1, 49).

После него «в центр божественнейшего и господского зала заседания» выходит Соломон — его Анастасий называет «первым всеумудрейшим» (ὁ πρῶτος πάνσοφος) — и приводит цитату: «Суетны по природе все люди, не знающие Бога» (μάταιοι πάντες οἱ ἄνθρωποι φύσει οἱ ἔχοντες ἀγνωσίαν θεοῦ) (Прем. 13, 1).

В ремарке Анастасий толкует слово «по природе» (φύσει) как «реальная истина». Затем он предлагает заменить слово «природа» на слово «лицо»: «Суетны по лицу все люди, не знающие Бога» — и отмечает, что смысл явно меняется, а следовательно — эти понятия не тождественны.

Следующим в центр выходит «божественный ритор» — апостол Павел и цитирует Рим. 2, 14: «Ибо когда народы, не имеющие закона по природе, его исполняют». Анастасий прибегает к уже описанному примеру, предлагая заменить слова «по природе» на слова «по лицу». Но автор не выдерживает до конца образ заседания суда и плавно переходит к описанию того, как он пишет свой «Путеводитель» — апостол Павел из центра подходит к писателю: «Когда я все это сказал и спешил письменно представить другие доказательства, мою руку остановил снова священный апостол, подавая мне его Первое послание к Коринфянам, в котором он нас ясно учит, что природа не значит ничего другого, как только саму истину вещей» (VIII, 2, 64–70).

После Анастасий Синаит подводит итог: «Но риторы — запевалы десятиртого Севира — об этом (всем вышесказанном) не поду-

мали; ни Моисея, ни Соломона, ни Христа, ни Иакова, ни Павла в словах о природе, ипостаси и лице не вспомнили. Ибо если бы они, все это прочитав, знали, то не хулили бы Христа славы» (VIII, 2, 79–84).

Образ суда подытоживается кардинальной сменой ролей: «Итак, стали осужденными судившие — севиры и диоскоры, начавшие тяжбу о личном нечестии, и все сборище десятирогой их суеты» (IX, 1, 20–23).

В некоторых случаях создание самого образа является аргументом в полемике: описание монофизитов как грешников, впавших во все страсти, противопоставлено постулатам о том, что богословием может заниматься только очищенный от пороков человек. То же самое можно сказать и об образе Христа, нарочито «очеловеченном» и максимально погруженном в контекст повседневной жизни, что само по себе дает возможность наглядно показать ошибочность представлений монофизитов без введения каких-то богословских построений.

Подобный образ создается с целью реализации оценки автором вводимых аргументов стороны монофизитов, представляющих чаще всего прямую речь героя. Некомпетентность, глупость, греховность оппонентов в дальнейшем будут противопоставлены иконографическим образам святых отцов, которые своими монументальными высказываниями разрушают монофизитские построения. Такая функция образов, конечно, не призвана напрямую служить аргументом, но создает определенный эмоциональный фон, не позволяющий внимательно и серьезно относиться к приводимым доводам оппонентов.

Библиография

- Congourdeau M.-H.* Médecine et théologie chez Anastase le Sinaïte, médecin, moine et didascale. Beauchesne, 2005.
- Griffith S.H.* Anastasius of Sinai, the Hodegos and the Muslims. The Greek Orthodox Theological Review, 32. 1987.
- Uthemann K.-H.* Anastasios Sinaites. Byzantinisches Christentum in der ersten Jahrzehnten unter arabischer Herrschaft. Berlin, De Gruyter, 2015.
- Uthemann K.-H.* Studien zu Anastasios Sinaites. Berlin, De Gruyter, 2017.
- Σάκκος Σ. Ν.* Περὶ Ἀναστασίων Σιναιτῶν. Θεσσαλονίκη, 1964.

УДК 94 (495). 01

ПРОБЛЕМА АВТОРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В «ПИСЬМАХ» СИНЕСИЯ КИРЕНСКОГО: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

THE PROBLEM OF AUTHOR'S INDIVIDUALITY IN 'THE LETTERS' OF SYNESIUS OF CYRENE: HISTORIOGRAPHICAL SURVEY

Е.И. Мирошниченко
E.I. Miroshnichenko

*Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7-9*

*Saint-Petersburg State University
199034, St. Petersburg, Universitetskaya emb. 7-9*

e-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

В статье рассматривается проблема соотношения авторской индивидуальности и общепринятого в эпоху поздней античности и ранней Византии эпистолярного этикета. Статья является историографическим обзором, таким образом, имея вводный характер для изучения данной темы. На примере «Писем» Синесия, по мнению автора, можно рассматривать тему авторской индивидуальности в ранневизантийской эпистолографии.

Ключевые слова: византийская эпистолография, Синесий Киренский, авторская индивидуальность, византийские интеллектуалы.

The article investigates the problem of correlation between author's individuality and epistolary etiquette which was in use in Late Antiquity and Early Byzantium. This article is historiographical survey and thereby has a prefatory character for this subject. The problem of author's individuality in Early Byzantium epistolography is regarded on the example of Synesius' Letters.

Key words: Byzantine epistolography, Synesius of Cyrene, author's individuality, Byzantine intellectuals.

Собрание писем Синесия Киренского всегда было образцом эпистолярного жанра для последующих literati. Уже Евагрий Схоластик удостаивает их своей похвалой¹. Фотий восхищается красноречи-

¹ Historia Ecclesiastica I, p. 25, 11-28 // TLG 2733-001.

ем писем и изяществом¹. Восторженный, хотя по обычаю этого автора и сухой, отзыв о письмах мы встречаем также в словаре Суды². В том же ключе говорят о письмах и активно цитируют их последующие византийские интеллектуалы, среди которых мы встречаем и таких выдающихся личностей, как Михаил Пселл, Никита Хониат и Феодор Метохит³. Свойственная письмам популярность сформировала в умах исследователей образ Синесия, мастера, следующего эпистолярному этикету с такой тщательностью, что его письма византийцы берут за образец эпистолярного жанра⁴. Впрочем, заметим, что Синесий, как и другие эпистолографы его времени, далеко не всегда придерживался соответствующих правил, изменяя устоявшиеся формулы, оживляя письма бытовыми зарисовками и сообщениями личного характера. Далеко не всегда письма Синесия соответствуют этикету и с точки зрения объёма, в некоторых случаях весьма далеко выходя за пределы общепринятой краткости. Тем не менее, по этим письмам историки и филологи восстанавливают эпистолярный этикет того времени, используют эти письма для реконструкции жизни Ливии как византийской провинции (а для Ливии того времени письма Синесия источник уникальней).

Мало кто обращал внимание на то, что Синесий одним из первых активно выходил за рамки эпистолярного этикета. Он не только использовал различные риторические приёмы для передачи своих чувств, в искренности которых мы едва ли можем сомневаться, но и часто обходился вовсе без риторики. Игнорирование риторических украшений, заметим, является для эпистолографии скорее нормой, чем исключением (по крайней мере, соответствующие учебники того времени придерживались именно этой точки зрения: так, например, 228 глава знаменитого учебника риторики Деметрия Фалерского требует от эпистолографа прежде всего ясности и простоты в стиле). Впрочем, практика далеко не всегда следовала теории. Риторика, конечно, активно использовалась в деловых письмах, что согласуется с правилами жанра, часто проникала и в наставительные письма (ср., например,

¹ Bibliotheca, Codex 26 Bekker, p. 5b // TLG 4040-001.

² Lexicon, 1511 // TLG 9010-001.

³ Psellus Michael. *Opuscula psychologica*, p. 109, 110 // TLG 2702-011; Nicetas Choniates. *Historia*, p. 287 // TLG 3094-001; Theodorus Metochites. *Miscellanea* / ed. G. Müller, M. Kiessling. Leipzig, 1821. P. 130-141.

⁴ *Roques D. Introduction // Synésios de Cyrene. Correspondance. Tome II: Lettres I-LXIII. Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques. Paris, 2000. P. XIV.*

изысканные периоды у Иоанна Златоуста¹), но в целом пути теории и эпистолярной практики во времена Синесия разошлись настолько, что использование позднеантичных пособий по эпистолярному этикету для анализа эпистолярной практики вызывает существенные трудности. Впрочем, у нас всё же есть возможность обнаружить за топосами и фигурами речи индивидуальность автора, и не только обращаясь к моментам выхода за пределы официальных предписаний. Совершенно очевидно, что существовал также и негласный эпистолярный этикет, меняющийся в зависимости от той или иной эпистолярной ситуации и от адресата.

Письма Синесия изучались сравнительно часто и глубоко, начиная с середины XIX в. Можно выделить три этапа в истории изучения писем Синесия, или если угодно – три волны, потому что интерес к Синесию временами угасал, а временами вспыхивал вновь, и при этом достаточно ярко. Первая волна приходится на конец XIX – начало XX вв., вторая на 30-60 гг. XX в., а третья, возникшая, по-видимому, в связи с выходом полного критического издания «Писем» в 2000 г., приходится на наше время.

В основном, письма Синесия рассматривались в контексте изучения личности Синесия и его эпохи. Специальных исследований, посвящённых письмам Синесия, однако, не так много, как мы могли бы ожидать, а работ, в которых рассматривается в той или иной мере проблема авторской индивидуальности Синесия, практически нет.

Впервые историко-филологический анализ писем Синесия Киренского мы обнаруживаем в труде немецкого учёного Рихарда Фолькмана². Фолькман заложил традицию рассматривать письма по преимуществу в историческом ключе, а не в филологическом. Вслед за Фолькманом в том же ключе исследовали письма французские³ и британские⁴ учёные конца XIX – начала XX вв. Некоторый уклон в сторону филологического анализа писем делают немецкие учёные конца

¹ *Пролыгина И.В.* Технический инструментарий позднеантичной риторики в текстах Иоанна Златоуста. Автореф. ... канд. филолог. наук. М., 2008. С. 18-20.

² *Volkman R.* Synesius von Cyrene. Berlin, 1869.

³ *Lapatz F.* Lettres de Synésios. Traduites pour la première fois et suivies d'études sur les derniers moments de l'Hellénisme. Paris, 1870; *Druon H.* Études biographique et littéraire // Oeuvres de Synesius, trad. entièrement, pour la première fois en français. Paris, 1878.

⁴ *Gardner A.* Synesius of Cyrene: philosopher and bishop. London, 1886; *Nicol J.S.* Synesius of Cyrene: his life and writings. Cambridge, 1887; *Crowford W.S.* Synesius the Hellen. London, 1901; *Glover T.R.* Life and Letters in the Fourth century. Cambridge, 1901. P. 320-356.

XIX в. и начала XX¹. Характерным примером является работа В. Фрица², посвященная аттицизм в языке писем Синесия. Некоторые интересные замечания о юморе в письмах Синесия мы находим в работе В. Кроуфорда³. Также любопытные замечания о стиле и топосах, употребляемых Синесием в письмах, можно найти в работах А. Гарднер, Т. Гловера и А. Дрюона. В том же историческом ключе исследователи Синесия рассматривали его письма и в период второй волны интереса к этой личности⁴. Исследователи изучают письма как исторический источник, как источник по реконструкции эпистолярного этикета, но не замечают какого бы то ни было выхода за рамки этого этикета. Авторская индивидуальность Синесия рассматривается только через призму его риторичности. Возникает ощущение, что Синесий нигде не выходит за рамки этой риторичности. Именно поэтому личность Синесия в их исследованиях растворяется в эпохе, являясь иллюстрацией к эпохе, а не чем-то уникальным и самоценным. Итогом этого направления исследовательской мысли явилась вышедшая в 1989 г. работа Дениса Рока, посвященная хронологии «Писем», в которой окончательно исследование писем Синесия переходит в русло формальных историко-хронологических изысканий⁵. Правда, некоторые из вышеперечисленных исследователей обращали внимание на присущую письмам Синесия искренность и живость⁶, а Симеон впервые выделил среди писем Синесия тип частного письма и противопоставил его официаль-

¹ *Seeck O.* Studien zu Synesius // *Philologus*, 52, 1894. P.446-487; *Fritz W.* Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV und V Jahrhundert. Leipzig, 1898; *Grützmacher G. K.* Sinesius von Kyrene: Ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenismus. Leipzig, 1913.

² *Fritz W.* Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV und V Jahrhundert. Leipzig, 1898.

³ *Crowford W.S.* Synesius the Hellen. P. 299-339.

⁴ *Simeon P.X.* Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. Padeborn, 1933; *Hermelin I.* Zu den Briefen des Bischofs Synesios. Diss. Uppsala, 1934; *Pando J.C.* The Life and Times of Synesius of Cyrene as Revealed in His Works. Washington D.C., 1940; *Lacombrade C.* Synesios de Cyrene: Hellen et chretien. Paris, 1951; *Marrou H.* Synesius of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism // *Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century* / Ed. by A. Momigliano. 1963. P. 126-150; *Bregman J.* Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. University of California Press, 1982.

⁵ *Roques D.* Etudes sur la Correspondance de Synesios de Cyrene. Bruxelles, 1989.

⁶ *Pando J.C.* The Life and Times of Synesius of Cyrene. P. 153; *Lacombrade C.* Synesios de Cyrene...

ным письмам¹. Но проблема соотношения синесианской искренности в рамках этих двух типов писем, официального и частного, с особенностями эпистолярного этикета этими исследователями поставлена так и не была.

Решительный прорыв в деле исследования личности Синесия был совершён малоизвестным бельгийским историком и психологом Б.-А. Русом, написавшем на английском языке замечательную по своей глубине работу с характерным названием: «Синесий Киренский: Исследование личности»². На наш взгляд, эта работа (незаслуженно игнорируемая исследователями за историко-психологический уклон) – одна из лучших работ, что были написаны о Синесии Киренском.

Эту работу можно по праву считать основополагающей в вопросе изучения психологии личности Синесия и её проявления в его письмах. В основу своей работы автор берёт психобиографический метод. Именно подход с точки зрения психологии позволил Русу сформулировать интересующую нас проблему, впервые в истории исследования писем Синесия. «Некоторые из писем Синесия, - пишет Рус, - наиболее подходящий источник информации о его личности <...>. Однако письма были также и частью риторической традиции. Так насколько же они были «личными», а насколько «условными»?»³. Впрочем, этот вопрос не становится основным вопросом исследования Руса, а если Рус и пытается на него ответить, классифицируя и анализируя письма Синесия, то почти исключительно с историко-психологической точки зрения. В этом смысле литературная, филологическая сторона вопроса оказалась у Руса за рамками исследования. Рус отметил характерную и важную особенность писем Синесия: его риторические приёмы вовсе не исключают искренних чувств автора. Действительно, было бы заблуждением считать, что риторика им используется исключительно в официальных целях и не имеет под собой никакого основания, никакого реального чувства. С другой стороны, для человека всесторонне образованного, для представителя *literati*, было бы странно писать личные письма так, как их писали необразованные люди. Использование риторики – совершенно нормальное дело, ничуть не мешающее искренним чувствам проявлять себя, а скорее наоборот, помогающее облечь эти чувства в достойную и прекрасную форму.

¹ *Simeon P.X. Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. S. 82-83.*

² *Roos B.-A. Synesius of Cyrene: a Study in his personality. Lund, 1991.*

³ *Ibid. P. 20.*

Помимо исследования Руса, была ещё одна работа, посвященная письмам Синесия, которая осталась и вовсе неизвестной последующим исследователям. Если на Руса всё же ссылаются некоторые исследователи, то диссертация австралийского исследователя Рунии¹, как кажется, не была замечена никем. Работа эта была опубликована за 15 лет до выхода книги Руса, но уже имела в своей основе революционный для того времени подход. Руния ещё до Руса формулирует интересующий нас вопрос: «Мы должны исследовать, до какой степени Синесий следует эпистолярному этикету (*epistolographical conventions*) своего времени и, что более интересно, до какой степени он приспособливает эти правила для своих собственных целей»². И далее, ещё более ясно: «До какой степени Синесий выходит за рамки формальных правил?»³.

Руния обращает внимание на то, что Синесий не только свидетельствовал о том, каким был эпистолярный этикет его времени, но и в некоторых случаях, при необычных обстоятельствах, сам его создавал, меняя установившиеся к тому времени нормы⁴. Правда, Руния объясняет это социальным контекстом, которому уже не соответствовал сложившийся к тому времени свод правил эпистолярного жанра. В то же время, Руния исследует именно индивидуальные черты автора писем, т.е., по существу, отходит от историзма предшествующей традиции. Именно поэтому его исследование (наряду с работой Руса) может считаться основополагающим в вопросе изучения проблемы соотношения индивидуального и общепринятого в письмах Синесия.

В начале 2000 г. Денис Рок и Антонио Гарциа подготовили критическое издание текста писем. В обширном предисловии Рок подвёл итоги литературоведческого исследования писем, однако его обзор⁵ не отражает картину полностью (так, он обходит стороной работы Брегмана и – что важнее всего – Руса; про Рунию он тоже ничего не знает). Сам Рок предложил рассматривать письма с двух точек зрения: во-первых, как корпус, которого природа и сущность связаны с историческим контекстом и социальными конвенциями своего времени; а во-вторых, как вневременное произведение искусства⁶. В первом случае

¹ *Runia D.T.* Studies in the Letters of Synesius. Thesis submitted for the Degree of Master of Arts at the University of Melbourne. Melbourne, 1976.

² *Ibid.* P. 12.

³ *Ibid.* P. 13.

⁴ *Ibid.* P. 12.

⁵ *Roques D.* Introduction // *Synésios de Cyrene. Correspondance. Tome II: Lettres I-LXIII. Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques.* Paris, 2000. P. L-LXX.

⁶ *Ibid.* P. L.

Рок следует сложившейся до него традиции (начинающейся с Фолькмана), реконструируя сам эпистолярный этикет поздней античности и особенности социального бытования эпистолярного жанра, используя письма Синесия. Во втором случае Рок переходит непосредственно к исследованию эпистолярного искусства Синесия. На основе формального и содержательного анализа текста писем Рок рассматривает непосредственно вопрос выхода за рамки общепринятого эпистолярного этикета, проявление эмоций и самой личности Синесия в письмах. В итоге тщательного анализа писем с этой точки зрения Рок приходит к выводу, что различные риторические приёмы, которые использует Синесий, не мешают ему выражать искренне и глубоко переживаемые им чувства и эмоции. В целом же Рок считает, что Синесий не отступает от риторичности стиля и от эпистолярного этикета своего времени.

После Рока исследование писем взяли в свои руки немцы, опубликовав ряд статей по этой теме¹. Эти исследователи окончательно сформулировали проблему соотношения эпистолярного этикета поздней античности и авторской индивидуальности в письмах Синесия. Наибольшее внимание уделяется в их работах теме образа Синесия в письмах, способах обращения к адресатам и мотивам дружбы в письмах Синесия. Так, Шмидт анализирует психологический образ Синесия, представленный, в том числе, в его письмах, с целью понять, почему Синесий обратился от философии к христианству и принял епископский сан. Роби рассматривает образ Синесия как путешественника, повидавшего Афины в период их упадка, – образ чрезвычайно популярный в эпоху средней и поздней Византии. Лухнер анализирует традиционную тему дружбы в рамках эпистолярного этикета у Синесия.

¹ *Schmitt T.* Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsraume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropolit von Ptolemais. Muenich, Leipzig, Saun, 2001; *Rhoby A.* Synesios von Kyrene als literarisches Vorbild: ep. 135 (Garzya) und der Ausgangspunkt der Athenklage // *L'epistolographie et la poesie epigrammatique: projets actuels et questions de methodologie. Actes de la 16e Table ronde organisee par Horandner W. et Grunbart M. dans le cadre du XXe Congres international des Etudes byzantines, College de France. Sorbonne, Paris 19-25 Aout 2001.* Paris, 2003. P. 85-96; *Hose M.* Synesios und seine Briefe. Versuch einer Analyse eines literarischen Entwurfs // *Wurzburger Jahrbucher fur die Altertumswissenschaft*, 27 (2003). S. 125-141; *Luchner K.* Freundschaft und Freundschaftsbrief bei Synesios // *Synesios von Kyrene: Polis, Freundschaft, Jenseitsstrafen.* Tubingen, 2010. S. 89-118; *Harich-Schwarzbauer H.* Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene // *Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie / Ed. By H. Seng and L.M. Hoffmann.* Turnhout, 2013. S. 96-109.

Наибольший интерес с точки зрения проблемы авторской индивидуальности в письмах Синесия для нас представляют две статьи, Хозэ и Харих-Шварцбауэр. В статье Хозэ разбирается проблема саморепрезентации Синесия (то, что по аналогии с библеистикой, получило наименование проблемы «исторического Синесия»). Хозэ считает, что Синесий выстраивает в своих письмах литературную модель, образец для чего он черпает в произведениях Диона Хризостома. Этот образец – философ и мыслитель, не лишённый красноречия. В какой-то степени он отражает авторскую индивидуальность, но не является копией исторического Синесия.

Критический взгляд на возможность постигнуть «исторического Синесия» выразила и Генриетта Харих-Шварцбауэр в своей статье 2013 г. о характере писем Синесия. Она считает, что спасти исторического Синесия невозможно из-за большой риторичности и формализма собрания писем, которое она рассматривает как целостное литературное произведение. Харих-Шварцбауэр уверена, что письма Синесия – это хорошо организованный эпистолярный корпус, который имеет только видимость собрания повседневной корреспонденции, на самом же деле является литературным произведением. На наш взгляд, однако, эта точка зрения, хотя и имеет право на существование, не выдерживает критики, поскольку основана не на фактах, а на интерпретации одних и тех же формул, встречающихся в письмах.

Мы считаем, что письма Синесия могут быть поняты в совершенно ином ключе: их литературность может быть интерпретирована как окно, соединяющее мир читателя с миром автора, а не как стена, отгораживающая их друг от друга.

Библиография

- Bregman J.* Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. University of California Press, 1982.
- Crowford W.S.* Synesius the Hellen. London, 1901.
- Druon H.* Études biographique et litteraire // Oeuvres de Synesius, trad. entièrement, pour la première fois en français. Paris, 1878.
- Fritz W.* Die Briefe des Bischofs Synesios von Kyrene: ein Beitrag zur Geschichte des Atticismus im IV und V Jahrhundert. Leipzig, 1898.
- Gardner A.* Synesius of Cyrene: philosopher and bishop. London, 1886.
- Glover T.R.* Life and Letters in the Fourth century. Cambridge, 1901.
- Grützmacher G. K.* Sinesius von Kyrene: Ein Charakterbild aus dem Untergang des Hellenismus. Leipzig, 1913.
- Harich-Schwarzbauer H.* Zum Werkcharakter der Briefe des Synesios von Kyrene // Synesios von Kyrene. Politik – Literatur – Philosophie / Ed. by H. Seng, L.M. Hoffmann. Turnhout, 2013. S. 96-109.

- Hermelin I.* Zu den Briefen des Bischofs Synesios. Diss. Uppsala, 1934.
- Hose M.* Synesios und seine Briefe. Versuch einer Analyse eines literarischen Entwurfs // *Wurzburger Jahrbucher für die Altertumswissenschaft*, 27 (2003). S. 125-141.
- Lacombrade C.* Synesios de Cyrene: Hellen et chretien. Paris, 1951.
- Lapatz F.* Lettres de Synésios. Traduites pour la première fois et suivies d'études sur les derniers moments de l'Hellénisme. Paris, 1870.
- Luchner K.* Freundschaft und Freundschaftsbrief bei Synesios // Synesios von Kyrene: Polis, Freundschaft, Jenseitsstrafen. Tübingen, 2010. S. 89-118.
- Marrou H.* Synesios of Cyrene and Alexandrian Neoplatonism // *Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century*. Ed. by A.Momigliano. 1963. P.126-150.
- Nicol J.S.* Synesios of Cyrene: his life and writings. Cambridge, 1887.
- Pando J.C.* The Life and Times of Synesios of Cyrene as Revealed in His Works. Washington D.C., 1940.
- Rhoby A.* Synesios von Kyrene als literarisches Vorbild: ep. 135 (Garzya) und der Ausgangspunkt der Athenklage // *L'épistolographie et la poésie épigrammatique: projets actuels et questions de methodologie*. Actes de la 16e Table ronde organisée par Horandner W. et Grunbart M. dans le cadre du XXe Congrès international des Etudes byzantines, Collège de France. Sorbonne, Paris 19-25 Aout 2001. Paris, 2003. P. 85-96.
- Roos B.-A.* Synesios of Cyrene: a Study in his personality. Lund, 1991.
- Roques D.* Etudes sur la Correspondance de Synesios de Cyrene. Bruxelles, 1989.
- Roques D.* Introduction // *Synésios de Cyrene*. Correspondance. Tome II: Lettres I-LXIII. Texte établi par A. Garzya, traduit et commenté par D. Roques. Paris, 2000.
- Runia D.T.* Studies in the Letters of Synesios. Thesis submitted for the Degree of Master of Arts at the University of Melbourne. Melbourne, 1976.
- Schmitt T.* Die Bekehrung des Synesios von Kyrene. Politik und Philosophie, Hof und Provinz als Handlungsraume eines Aristokraten bis zu seiner Wahl zum Metropolit von Ptolemais. Muenich, Leipzig, Saun, 2001.
- Seeck O.* Studien zu Synesios // *Philologus*. 52. 1894. P.446-487.
- Simeon P.X.* Untersuchungen zu den Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. Padeborn, 1933.
- Volkman R.* Synesios von Cyrene. Berlin, 1869.

УДК 7.032.4 (046)

**ОБРАЗ ПРОРОКА ИОНЫ. ОТРАЖЕНИЕ БОГОСЛОВИЯ ТЕ-
ЛЕСНОГО ВОСКРЕСЕНИЯ В ИКОНОГРАФИИ РАННЕХРИ-
СТИАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ**

**THE IMAGE OF JONAH. THE REFLECTION OF RESURREC-
TION THEOLOGY IN THE ICONOGRAPHY OF EARLY CHRIS-
TIAN SCULPTURE**

Е.С. Ермак

E.S. Ermak

*Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи,
скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии
художеств
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб, 17*

*Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture
of St Petersburg
199034 St Petersburg, Universitetskaya embankment, 17*

e-mail: Hel-Erm@yandex.ru

В статье анализируются иконографические особенности образа Ионы в раннехристианской скульптуре. Памятники III–IV вв. рассматриваются в тесной связи с современными им богословскими источниками. Комплексный подход актуализирует отдельные аспекты и позволяет, в том числе, прочитывать визуальный образ в контексте темы телесного Воскресения, раскрывая его многомерное значение и обнаруживая в изучаемых предметах элементы формирования специфического изобразительного языка, присущего христианскому искусству в последующие времена.

Ключевые слова: пророк Иона, раннехристианская скульптура, иконография, телесное Воскресение, богословие.

The aim of this article is to research the iconographic features of Jonah's image in early Christian sculpture. The monuments, dating to the III–IV centuries, are considered with the connection of the theological texts, which were written in the period. The complex approach foregrounds the separate aspects and allows to treat this image in the context of the theme of Resurrection. It reveals the polysemy of image and permits to see the origins of forming of special pictorial language, which later becomes peculiar for Christian art.

Key words: Prophet Jonah, early Christian sculpture, iconography, the Resurrection of the body, Christian theology.

Образ Ионы, наряду с Добрым Пастырем, наиболее часто встречается в искусстве III–IV вв. В основе изображения лежит ветхозаветная «Книга Ионы», в соответствии с которой воспроизведение представляет собой развернутую последовательность сцен, что само по себе, как особый принцип, является уникальным в тот период. Столь подробная разработка темы в живописи катакомб, а затем и в рельефах саркофагов, говорит о важной роли данной иконографии в указанное время.

С конца XIX в. образ Ионы присутствует в исследованиях о раннехристианском и византийском искусстве, где авторы отмечают его прообразовательную связь с Христом и Воскресением, определяют этапы становления иконографии, а также ее локальные типы. Одним из последних русскоязычных обращений к теме является статья Я.Ю. Иваницкой, где акцентируется сотериологическое прочтение истории Ионы и ее важность для христиан в период гонений¹. Учитывая поставленную цель, – анализ отражения богословия телесного Воскресения в иконографии скульптуры – значение образа раскрывается с новой стороны. Сходный взгляд имеет С. Дэвис, но, подтверждая свою теорию, он обращается лишь к саркофагам IV в.² В итоге, можно предположить, что ракурс, выбранный в данном случае, в научной литературе еще не был показан.

В Евангелии от Матфея сам Христос отмечает прообразовательное значение истории пророка: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф.12:40). Так Спаситель предрекает собственную гибель и сошествие во Ад, осуществив которое Он поправ саму смерть, сделав Воскресение основой христианской веры.

В искусстве III–IV вв. изображение важнейшего Свершения обладает особенной спецификой. Значительное влияние на формирование ее свойств оказал и факт отсутствия описания Действа в канонических текстах. Позднее Анастасис будет передаваться посредством обращения к разным иконографическим типам, в том числе, через «Сошествие во ад», во времена же становления религии подобное было вряд ли возможно по многим причинам. Так право иконы на существование и ее особое понимание были закреплены лишь на Втором Никейском соборе в 787 г., до этого вопрос об изображении Спасите-

¹ *Иваницкая Я.Ю.* К истории древнехристианской скульптуры (саркофаги, авории) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология. 13 (108): 2011. С. 39–45.

² *Davis S.J.* Jonah in Early Christian Art: Allegorical Exegesis and the Roman Funerary Context // Australian Religion Studies Review, 13. 2000. P. 72–83.

ля, Богоматери, а также Святых, оставался спорным. С одной стороны, это могло быть связано с указанным отношением к образу (εἰκόνη), с другой, – с исторической обстановкой, в которой происходило становление религии до принятия Миланского эдикта (313 г.). Поэтому новая культура, зародившаяся в недрах поздней античности, применяет для отражения Истины более привычный язык символов и аллегорий. Так Евсевий Памфил (ок. 263–340 гг.), называя «символами» (τὰ σύμβολα) статуи Доброго пастыря и Даниила в Константинополе¹, свидетельствует, что первый из них есть лишь указание на Христа, второй же представляет собой «прообраз» будущей иконографии. Так и образ Ионы в скульптуре III–IV вв. вряд ли является репрезентацией пророка, а аллегорически указывает на Воскресение. В этом контексте сукцессивное воспроизведение может соотноситься с событиями страстного цикла, отсутствующего в катакомбах. В таком случае сцена, представляющая пророка, ввергаемого в пучину, прообразует Распятие и Сошествие во Ад, а его возвращение на сушу и возлежание под кущей являют свершившееся Воскресение и пребывание в Раю, который был вновь дарован человечеству.

В то же время, основанием для понимания Ионы как прообраза Воскресения стала погребальная молитва (II в.), записанная Киприаном Антиохийским (III - нач. IV вв.): «Спаси, как Ты спас Иону из чрева китова, трех юношей из печи огненной, Даниила из рва львиного, Сусанну от старцев»². Это же становится главным аргументом сепулькральной теории, в которой моление – это прошение о рождении души для жизни вечной, об обещанном Воскресении. Данное предположение не противоречит направленности страстного цикла, однако вводит второй уровень прочтения, допуская, что сцены метафорически передают бытие праведника, включающее смерть, Воскресение и пребывание в Раю. В этом контексте может восприниматься и саркофаг (IV в.) из Британского музея, в рельефе которого образу Ионы приданы портретные черты умершего и погребенного в нем человека³, а тема телесного Воскресения конкретизируется присутствием символа павлина, обладающего, следуя текстам Физиолога, нетленной плотью.

¹ Eusebius Werke // Die griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte: Eusebius Werke. Bd.1. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902. S. 98.

² Grabar A. Christian Iconography: a Study of its Origins. A.W. Mellon Lectures in the Fine Arts, 1961. P. 218.

³ Dinkler E. Abbreviated representations // Age of spirituality. Late Antique and Early Christian art, III to VII. Princeton: University press, 1979.

Исходя из этого, памятник, как и сама молитва, превращаются в прошение о милости для конкретного верующего.

Мысли о смерти и возвращении к жизни высказывались и античными философами, однако новая религия обладает иным пониманием Действа, в основе которого рождение души в вечность. Особенно пристально вопрос о телесности души, свойственной ей в новой жизни, рассматривается в текстах апологетов, направленных на утверждение центральной идеи. Так по Татиану (112–185 гг.) душа, если познает Бога, даже отрешившись на время, воскресает при конце мира¹. В этом смысле смерть уподобляется погружению в сон, за которым следует пробуждение – Воскресение. Последнее особенно актуально в связи с образом Ионы, иконографическим прототипом которого стал Эндимион – юноша, согласно мифологии, заснувший навечно. Сохраняют общее композиционное решение, христианские мастера изображают пророка бодрствующим, «пробуждая» языческий идеал телесной красоты к новой христианской жизни. Вероятно, причина такого выбора глубже, чем простое совпадение позы, тем более, что так представляются и Вакх, и Селена. Как пишет С. Дэвис, в воспроизведении пророка сливаются две концепции: с одной стороны, через совершенный облик Эндимиона выражается эсхатологическая надежда – упование на обретение тела Воскресения, с другой, – визуализируется идея покоя перед Страшным Судом². Так как становление иконографии современно апологетическим текстам, вероятно, через наготу в скульптуре отображается свершившееся Воскресение, ибо Иона, как пишет Тертуллиан, (150/170–220/240 гг.) «вышел из чрева рыбы без всякого вреда для той и другой субстанции, плоти и духа»³.

Тема Воскресения раскрывается и в рельефе саркофага (III в.) из Латеранского музея, где через изображения Ионы и Ноя акцентируется роль воды, открывающей путь к Спасению. Так, подобно иудейскому народу, который во время Исхода вошел в Красное море угнетенным и покинул его освобожденным (Исх.14–15), через воду происходит и переход к новой жизни в истории Ионы. Апостол Павел представляет пересечение Красного моря как крещение народа Израиля (1Кор.10:1–2), схожая связь просматривается и в книге Ионы, которая

¹ Татиан. Речь против Эллинов / Пер. Д.Е. Афиногенова // Раннехристианские апологеты II–IV вв.: переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 100.

² *Davis S.J. Jonah in Early Christian Art: Allegorical Exegesis and the Roman Funerary Context // Australian Religion Studies Review, 13. 2000. P. 80.*

³ Тертуллиан. О воскресении плоти / Пер. Н. Шабурова, А. Столярова // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения / Сост. и ред. А.А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 216.

имеет лексическую близость с указанным эпизодом¹. Кроме того, изображения Исхода и Ионы соседствуют во фресках некрополя эль-Багават (V в.). В рельефе саркофага тема поддержана воспроизведениями Пастыря и ловли рыбы, отсылающей к тексту Евангелия: «Идите за мной, и я сделаю вас ловцами человеков» (Мф.4:19, Мк.1:17). Так Иона уподобляется Христу, открывшему своим Учением верующим путь к Спасению.

Возникает и еще одна параллель, ведущая к Крещению - Таинству, в котором человек принимается в лоно Церкви, т.е., по сути, умирает для плотского существования и перерождается для духовной жизни, что вполне укладывается в обозначенную концепцию, связанную с бытием праведника. Однако существует и другое мнение², в соответствии с которым, молитва II в. связана с историческими реалиями общины и является прошением о Спасении в земной жизни, и в таком случае живопись катакомб, в отличие от саркофагов, визуализирует избавление от гонений, которым подвергались христиане в то время. Действительно, сохранившиеся памятники не всегда имеют погребальную направленность: Иона воспроизведен в базилике Аквилеи (IV в.), на золотодонных чашах, геммах и в керамике Северной Африки, но здесь образ может выражать упование верующего на будущую жизнь вечную и связываться с темой надежды на Воскресение через совершающиеся Таинства – Евхаристию и Крещение, являющиеся «вратами» к Спасению. В таком случае нагота Ионы подобна обнаженности Адама до грехопадения³ и, как и в Крещении, отсылает к рождению для новой жизни: «Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6:4).

Иона также воспроизведен в горельефе баптистерия Неона в Равенне (V в.) и на саркофаге в Санта-Мария Антикава (III в.), где соседствует с «Крещением». По сравнению с обобщенным решением фигур в «Крещении» и Добрым Пастырем, в последнем случае образ пророка напоминает Эндимиона, представленного на предмете из музея Метрополитен (III в.), особенно характером пластической моделировки. Так олицетворение телесной красоты, важнейшей ценности античного искусства, преобразуется в аллегорическую передачу три-

¹ Lunn N.P. «Raised on the third day according to the scriptures»: Resurrection typology in the genesis creation narrative // Journal of the evangelical theological society, 3 (57). 2014. P. 527.

² Jensen R.M. Living water. Images, symbols and settings of early Christian baptism. Leiden, Boston: Brill, 2011. P. 32.

³ Ibid. P. 167.

умфа над смертью, центральной идеи новой религии. Принцип мимесиса, оставаясь в рамках того же художественного языка, обретает иное звучание. Концепция Платона, утверждающая, что мир земной есть тень небесного, а изображение, становясь тенью тени, отражает сквозь призму земных явлений мир Горний, пересматривается в христианском мировоззрении, основанном на откровении Преображения – явлении земному миру божественной природы Спасителя. Позднее этот взгляд ляжет в основу византийского богословия иконы, на данном же этапе образы представляют собой скорее персонификации каких-либо идей, и, тем не менее, в текстах тема Воскресения начинает непосредственно связываться с Боговоплощением и Преображением. Так Ириней (130–202 гг.), определяя природу тела Воскресения, говорит, что плоть «смертная и тленная делается бессмертной и нетленной»¹. Тертуллиан, развивая его идеи, утверждает: «Преобразит тело нашего унижения сообразно телу славы Своей»². Следуя этому, тело Воскресения по природе сообразно святейшей плоти Спасителя, просиявшей на горе Фавор. В таком случае различия в трактовке фигур Ионы, прообраза Воскресения, и языческих мореплавателей, заметные в рельефе, не только акцентируют внимание на телесной неповрежденности пророка³, но и могут свидетельствовать о попытках отображения особой телесности и начале становления индивидуального изобразительного языка. Позднее мастеру, воспринявшему традицию античности, чтобы выявить специфику изображения придется использовать иные пластические средства. Отсюда будут проистекать в истории церковного искусства формальные отличия, связанные со стремлением к «дематериализации» образов, решаемые в живописи способом уплощения и уменьшения иллюзии объемности и трехмерности, усиления плоскостности и линейности. Для скульптуры осуществление подобной задачи окажется затруднительным, ибо наличие массы и объема материала естественно и неизбежно. Вероятно, поэтому на раннем этапе римский мастер, находясь в тесной связи с исконной художественной традицией, акцентируя главное, оперирует привычными изобразительными средствами и прибегает к условной трактовке во

¹ Ириней Лионский. Пять книг против ересей / Пер. П. Преображенского. СПб., 1900. С. 472.

² Тертуллиан. О воскресении плоти / Пер. Н. Шабурова, А. Столярова // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения / Сост. и ред. А.А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 231.

³ Davis S.J. Jonah in Early Christian Art: Allegorical Exegesis and the Roman Funerary Context // Australian Religion Studies Review, 13. 2000. P. 72–83.

второстепенном, преображая неувядающую красоту Эндимиона в «полное благодати и истины» тело по Воскресении.

В отличие от раннехристианских художников Тертуллиан отвергает Эндимиона как возможную аллегория христианского упокое-ния: «В эфире усение наше <<...>, или около Луны с Эндимионами стоиков? «О нет, <<...> в раю»¹. Несмотря на годы, проведенные в Риме, своим толковательным подходом автор стоит ближе к Антиохийской школе богословия², которая, в отличие от Александрийской, проповедует историческое понимание Писания, отрицая его аллегоризацию. Однако живопись катакомб, а затем и скульптура саркофагов, по характеру выбора сцен скорее тяготеет к Александрии и интерпретации Слова по учению Филона (25 г. до н.э.–50 г. н.э.). Вероятно, этим объясняется указанное несоответствие, а также то, что в искусстве с конца III в., наряду с изображениями обнаженного пророка, характерными для римских памятников, встречаются произведения, в основном, связанные с Сиро-Палестинским регионом, в которых присутствуют одежды, не только скрывающие, но и подчеркивающие его телесность. Таким он явлен в малоазийских скульптурах из музея в Кливленде (III в.), в латеранской эпитафии (III в.), текст которой восходит к сирийским надписям³, а позднее в сирийском Евангелии Раввулы (VI в.)⁴. В соответствии с развитием богословия, можно предположить, что это не только «восточный (сирийский) тип» изображения Ионы, но и следующий этап в становлении иконографии, переходный на пути в понимании того, как связаны образ и его подобие, свойственное византийскому искусству позднее – когда изображенный образ (εἰκόνη), наследует черты того или иного Святого. Как верно подмечает Й. Стржиговский, было бы ошибочным полагать, что раннехристианское искусство возникло лишь на почве Рима и Константинополя, так как влияние на его формирование, оказанное Александрией и Антиохией, отрицать невозможно⁵. Последняя не только сыграла значительную роль в эволюции теологических взглядов, но и во многом

¹ Тертуллиан. О душе / Пер. А.Ю. Братухина. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. С. 132.

² *Nasri A.* Christian Iconography and Biblical Interpretation // *Art Alchemy*, 4 (17). 2016. P. 53.

³ *Morey C.R.* Notes on East Christian Miniatures. New York: New York University, 1929.

⁴ *Кондаков Н.П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1876.

⁵ *Стржиговский Й.* Равенна как отрасль арамейского искусства // София. М., 1914. Вып. 6. С. 7.

определила стилистические и иконографические черты. Так, в отличие от скульптурной группы из Кливленда, в рельефе римского саркофага (III в.) из Латеранского музея пророк обнажен, стилистически же памятник (судя по глубокой проработке буравом и общему решению композиции) соответствует тому типу скульптуры, который Д.В. Айналов именует «живописным» и связывает с александрийским искусством¹. С одной стороны, это свидетельствует о восточных влияниях в италийской скульптуре, с другой, – согласуется с высказанным предположением. Типы изображений, ориентированные на два центра, в дальнейшем сохраняются в византийском искусстве, в том числе, присутствуют на полях Псалтирей и в Минологии Василия II (X в.)².

Примечательно, что в памятниках из Кливленда пророк одет в тунику лишь в сценах моления и возлежания под кущей, а при поглощении и извержении, как и на римском предмете, обнажен. В этом случае облачение может пониматься в том же контексте, что и белые одежды в Крещении, которые надевали неопиты в конце обряда. Ефрем Сирин (ок. 306–373 гг.) говорит: «Среди обитателей рая нет обнаженных», затем упоминает ризы, утраченные Адамом при грехопадении, которые по Воскресении будут возвращены праведникам³. Этот же образ он использует в мимре на книгу Ионы, повествуя о духовном преображении ниневитян после покаяния⁴. Значение облачения в Крещении также может восходить к белизне одежд Христа в Преображении (Мф. 17:2). Кроме того, символ широко распространен в иудейской экзегезе⁵, оказавшей влияние на Александрийскую школу, в частности, через учение Филона, и особенно на Антиохийскую. Тем самым, в малоазийских предметах образ Ионы также связан с темой свершившегося Воскресения и последующего пребывания в Раю, но его иконография формируется под влиянием местной теологической мысли.

В соответствии с вышеизложенным можно предположить, что через образ Ионы в раннехристианской скульптуре отражается бого-

¹ Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900.

² Ошарина О.В. Образ пророка Ионы в ранневизантийском искусстве // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. Севастополь–Екатеринбург, 2004. С. 223–225.

³ Ефрем Сирин. Творения. Т.5. М.: Отчий дом, 1995. С. 274.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Фомичева С.В. О некоторых христианских символах в мимре «Об Ионе» Ефрема Сирина // Вестник Санкт-Петербургского университета, 4 (9). 2017. С. 115–124.

словие телесного Воскресения, неразрывно связанное с Боговоплощением и Преображением. Последнее делает скульптуру, по причине ее особых материальных и специфических художественных качеств, наиболее актуальным предметом в изучении темы. В этом контексте и на указанном пути обращение к раннехристианским предметам позволяет не только размышлять о памятниках конкретного времени, но искать точку отсчета, определившую позднее существенные различия средневекового искусства Запада и Востока в выборе и развитии скульптуры монументальных и малых форм.

Библиография

- Айналов Д.В.* Эллинистические основы византийского искусства. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900. 230 с.
- Ефрем Сирий. Творения. Т.5. М.: Отчий дом, 1995. 522 с.
- Иваницкая Я.Ю.* К истории древнехристианской скульптуры (саркофаги, авории) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология. 13 (108): 2011. С. 39–45.
- Иринеи Лионский. Пять книг против ересей / Пер. П. Преображенского. СПб., 1900. 548 с.
- Кондаков Н.П.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1876. 276 с.
- Ошарина О.В.* Образ пророка Ионы в ранневизантийском искусстве // Россия–Крым–Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). Севастополь–Екатеринбург, 2004. С. 223–225.
- Стржиговский Й.* Равенна как отрасль арамейского искусства // София. М., 1914. Вып. 6. С. 6–24.
- Татиан. Речь против Эллинов / Пер. Д.Е. Афиногенов // Раннехристианские апологеты II–IV вв.: переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 93–118.
- Тертуллиан. О душе / Пер. А.Ю. Братухина. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2004. 256 с.
- Тертуллиан. О воскресении плоти / Пер. Н. Шабурова, А. Столярова // Квинт Септимий Флорент Тертуллиан. Избранные сочинения / Сост. и ред. А.А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 188–249.
- Фомичева С.В.* О некоторых христианских символах в мимре «Об Ионе» Ефрема Сирина // Вестник Санкт-Петербургского университета, 4 (9). 2017. С. 115–124.
- Davis S.J.* Jonah in Early Christian Art: Allegorical Exegesis and the Roman Funerary Context // Australian Religion Studies Review, 13. 2000. P. 72–83.
- Dinkler E.* Abbreviated representations // Age of spirituality. Late Antique and Early Christian art, III to VII. Princeton University press, 1979. P. 396–404.
- Eusebius Werke // Die griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten

drei Jahrhunderte: Eusebius Werke. Bd.1. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1902. 460 S.

Grabar A. Christian Iconography: a Study of its Origins. A.W. Mellon Lectures in the Fine Arts, 1961. 341 p.

Jensen R.M. Living water. Images, symbols and settings of early Christian baptism. Leiden, Boston: Brill, 2011. 305 p.

Lunn N.P. «Raised on the third day according to the scriptures»: Resurrection typology in the genesis creation narrative // Journal of the evangelical theological society, 3 (57). 2014. P. 523–535.

Morey C.R. Notes on East Christian Miniatures. New York: New York University, 1929. 103 p.

Nasri A. Christian Iconography and Biblical Interpretation // Art Alchemy, 4 (17). 2016. P. 44–55.

References

Aynalov D.V. Ellinisticheskie osnovy vizantiyskogo iskusstva. SPb.: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1900. 230 s. (in Russian).

Efrem Sirin. Tvoreniya. T.5. M.: Otchiy dom, 1995. 522 s. (in Russian).

Ivanitskaya Ya.Yu. K istorii drevnekhristsianskoy skulptury (sarkofagi, avorii). In: Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 13 (108). 2011. S. 39–45 (in Russian).

Iriney Lionskiy. Pyat' knig protiv eresey. Per. P. Preobrazhenskogo. SPb., 1900. 548 s. (in Russian).

Kondakov N.P. Istoriya vizantiyskogo iskusstva i ikonografii po miniaturam grecheskikh rukopisey. Odessa: tip. Ul'rikha i Shul'tse, 1876. 276 s. (in Russian).

Osharina O.V. Obraz proroka Iony v rannevizantiyskom iskusstve. In: Rossiya–Krym–Balkany: dialog kul'tur. Nauchnye doklady mezhdunarodnoy konferentsii (Sevastopol', 6–10 sentyabrya 2004 g.). 2004. S. 223–225 (in Russian).

Strzhigovskiy Y. Ravenna kak otrasl' arameyskogo iskusstva // Sofiya. M., 1914. V. 6. S. 6–24 (in Russian).

Tatian. Rech' protiv Ellinov. Per. D.E. Afinogenov // Rannekhristsianskie apologety II–IV vv.: perevody i issledovaniya. M.: Ladomir, 2000. S. 93–118 (in Russian).

Tertullian. O dushe. Per. A.Yu. Bratukhina. SPb.: Izd. Olega Abyshko, 2004. 256 s. (in Russian).

Tertullian. O voskresenii ploti. Per. N. Shaburova, A. Stolyarova // Kvint Septimiy Florent Tertullian. Izbrannye sochineniya. Sost. i red. A.A. Stolyarova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1994. S. 188–249 (in Russian).

Fomicheva S.V. O nekotorykh khristianskikh simvolakh v mimre «Ob Ione» Efrema Sirina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, 4 (9). 2017. S. 115–124 (in Russian).

УДК 94(37).08 + 94(495).01

**АРМИЯ И ИМПЕРАТОР В III–V ВВ.:
ПРОБЛЕМА ЛИДЕРСТВА В ВОЕННОМ СООБЩЕСТВЕ¹**

**THE ARMY AND AN EMPEROR IN THE THIRD–FIFTH CENT.:
THE PROBLEM OF LEADERSHIP IN THE MILITARY SOCIETY**

**А.Д. Назаров
A.D. Nazarov**

*Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Российская Федерация, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, 620083*

*Ural Federal University,
Russian Federation, Yekaterinburg, 51 Lenina Av., 620083*

e-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Статья посвящена аксиологическим аспектам взаимоотношений между римскими императорами и армией в позднеантичную эпоху. Внутриполитические конфликты и внешние войны в период «кризиса III века» способствовали росту военного фактора в жизни государства и, как следствие, привели к усилению значения армии в обществе. По этой причине особенно важно было поддерживать как боеспособность вооруженных сил, так и их лояльность императору. Более того, изменение принципов комплектования воинских контингентов привело к появлению провинциалов и нероманизованных варваров в армейских рядах. Очевидно, что при взаимодействии с ними опоры на традицию было недостаточно. Автор статьи приходит к выводу, что проблема военного лидерства, имевшая целью поддержание авторитета августа в солдатской среде, была одной из наиболее важных для императоров.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, римская армия, императорская власть, военное лидерство.

The article is devoted to axiological aspects of relationship between the Roman emperors and the army in Postclassical period. Civil and foreign wars of “the Crisis of the third century” contributed to growth of the military factor in life of the state and, as a consequence, led to increasing of value of the army within the society. For this reason, it was especially important to support both combat effectiveness of the armed forces and their loyalty to an emperor. Moreover, changes in principles of the troops’ recruitment led to appearance of provincials and non-romanized barbarians in rank and file. It is apparent, that reliance on tradition was not enough in interaction with them. The author concludes that the problem of military leadership,

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-31-00027.

aimed at maintaining authority of the emperor within the soldier environment, was one of the most important for the rulers.

Keywords: Late Roman Empire, Early Byzantium, Roman army, imperial power, military leadership.

В позднеантичную эпоху, сопровождавшуюся постоянными вооруженными конфликтами, римские императоры были вынуждены уделять военной сфере первоочередное внимание. По этой причине возросло значение одной из важнейших прерогатив императорской власти – верховного командования вооруженными силами, имевшее целью обеспечение управления армейскими подразделениями во время военных кампаний. Не менее значимой для августов была проблема военного лидерства. Поддержание авторитета императора как военачальника зачастую посредством демонстрации личного мужества должно было способствовать укреплению боевого духа воинов. Важность этого аспекта была связана с тем, что в римской армии со времен Принципата происходили процессы профессионализации и провинциализации, а также постепенного увеличения иноземного элемента в ее рядах. Очевидно, что у провинциалов и нероманизированных варваров были иные представления о природе лидерства и власти, поэтому императорам приходилось учитывать эти факторы при планировании военной политики.

Взаимоотношения между римскими правителями и вооруженными силами в позднеантичную эпоху рассматривались еще в трудах Э. Гиббона и Я. Буркхардта. Эти историки заявили, что отдаление армии от гражданской общины превратило ее в мощную политическую силу, диктующую свою волю императорам¹. Однако Дж. Хэлдон отметил, что нельзя рассматривать римские вооруженные силы как структуру, аналогичную армиям современных государств. Он подчеркнул: «Представляется наиболее полезным рассматривать солдат сначала как индивидов, созданных социальной и культурной средой, а затем как агломерации людей, составляющих сегмент общества в целом»². Как следствие, в современном антиковедении, чтобы раскрыть уникальность римской военной организации, большее внимание уделяется культурологическому аспекту. В частности, несколько специальных

¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 1 / пер с англ. М., 2008. С. 275–276; Буркхардт Я. Век Константина Великого / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2003. С. 13–14.

² Haldon J.F. Ideology and Social Change in the Seventh Century: Military Discontent as a Barometer // *Klio*. 1986. Bd. 68. P. 140–142.

исследований посвящено императорской армии периода Принципата, однако отдельные их положения актуальны для позднеримского и ранневизантийского периода¹. Следует отметить также работу Д. Ли, в которой он анализирует символические коммуникации между римским правителем и солдатами в IV–VI вв.² Целью нашего исследования, в свою очередь, является изучение взаимоотношений между императорами и вооруженными силами в контексте кросскультурного взаимодействия, происходившего в реалиях позднеантичной эпохи.

Проблематика военного лидерства восходит к представлению о полководце как первом среди равных. Такой феномен характерен для множества культур древности, среди которых следует назвать и культуру античного Рима. Войны эпохи Ранней Республики способствовали милитаризации римского менталитета. Кроме того, наивысшей ценностью в *civitas* признавалась служба *res publica Romana*, в том числе, и на поле брани. Неудивительно, что многие политические деятели республиканской эпохи от Авла Постумия до Гая Юлия Цезаря не только возглавляли войска в военных кампаниях, но и лично вели легионы в бой. Однако во времена *pax Romana* императоры непосредственно командовали армией значительно реже. Тем не менее, были и исключения. Достаточно упомянуть Марка Ульпия Траяна (98–117), который руководил кампаниями против даков и парфян, или Марка Аврелия (161–180), воевавшего с германцами на Дунае. Внутривнутриполитические конфликты и внешние войны в период «кризиса III века» способствовали росту военного фактора в жизни Римской империи и привели к увеличению авторитета вооруженных сил. Нестабильная политическая ситуация вынуждала правителей постоянно прибегать к силовому методу решения проблем, что требовало постоянного присутствия императоров при действующей армии.

Изменение принципов комплектования способствовало притоку в римскую армию представителей иных культур. Так, например, в германских племенах вождь избирался из наиболее опытных в военном деле людей, обладавших значительным влиянием среди соплеменников (Tac. Ger. 7; Caes. BG. VI. 23). Известно, что подобная практика была характерна для большинства народов на этапе становления раннеклассового общества, в том числе, и для населения Паннонии, уроженцы которой славились своей воинственностью (Herod. II. 9. 11;

¹ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006; Lendon J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford, 1997. P. 252–265.

² Lee A.D. War in Late Antiquity: A Social History. Malden, 2007. P. 51–66.

Dio Cass. LXXII. 25. 1; Solin. 21)¹. После прихода к власти Септимия Севера (193–211) они получили доступ к ключевым должностям в вооруженных силах. Именно благодаря «иллирийским императорам» Рим сумел преодолеть «кризис III века». Весьма примечательно, что они выдвинулись из числа наиболее видных командиров дунайских легионов. Аврелиан (270–275) даже получил от своих сослуживцев прозвище *manu ad ferrum* («рука на рукояти») (SHA. Aurel. 6. 2). К числу выходцев из Иллирии относились также некоторые правители IV–VI вв.: Константин I, Валентиниан I и Валент, Юстин I и др. Таким образом, ценностная система жителей придунайских провинций оказала существенное влияние на позднеримский воинский этос.

Как следствие, в III–IV вв. среди прочих качеств правителей более всего ценились компетентность в военных делах и значительный опыт командования армейскими подразделениями. Так, именно благодаря боевым заслугам Феодосий I (378–395) был избран Грацианом соправителем в самый разгар войны с вестготами (Zos. IV. 16. 6). Энт. Бёрли также писал, что «по мере того, как ситуация в империи становилась отчаянной, армии принуждали брать власть любого кандидата, способного наилучшим образом защитить их от внешней угрозы»². Это касается, например, Ингенуя, в 258/260 г. провозглашенного императором мезийскими и паннонскими легионами из-за неспособности Галлиена (253–268) ликвидировать угрозу нашествия сарматов (SHA. XXX тит. 9. 1). Более того, воины, возмущенные решением Александра Севера (222–235) купить мир у германцев, убили принцепса (Herod. VI. 7. 10; 9. 7; Ioann. Ant. fr. 164. 1).

Когда вандалы в 407 г. вторглись в Галлию, дислоцированные там римские части следом за британской армией провозгласили императором простого солдата Константина. По словам Орозия, он облачился в пурпурное одеяние «благодаря одному лишь имени и без каких-либо надлежащих добродетелей» (VII. 40. 4). Созомен также полагал, что на воинов большое впечатление произвело его имя, вследствие чего солдаты и командиры решили, что Константин III будет успешным полководцем (IX. 11). Олимпиодор, в свою очередь, писал, что Константин стал императором по принуждению воинов (fr. 12). В этом случае решающую роль сыграли коллективные образы прошлого: память о выдающихся государственных и военных деятелях передавалась из поколения и поколение, и даже символическое родство с ними было весомым аргументом в пользу претендента на власть.

¹ См. также: Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 32, 38.

² Birley A.R. Making Emperors: Imperial Instrument or Independent Force? // Companion to the Roman Army / ed. by P. Erdkamp. Malden, 2007. P. 391.

Упомянем также, что в IV в. значительную роль играла принадлежность претендента на императорский пурпур к правящей династии. Во времена политической стабильности войны были заинтересованы в сохранении за ними привилегий, и обеспечить это была призвана преемственность власти. Характерно, что после смерти Феодосия I и вплоть до времени правления Ираклия (610–641) византийские императоры не принимали непосредственного участия в военных кампаниях, хотя большинство из них имело армейское прошлое. Поскольку их контакты с армией существенно сократились, ситуация требовала выстраивания иных подходов к взаимоотношениям с вооруженными силами. Однако эта проблема заслуживает специального изучения, выходящего за рамки данной статьи.

Таким образом, если император стремился получить поддержку армии, он был обязан являть собой, прежде всего, успешного военного лидера. Того, кто сможет повести за собой войска в бой. Того, кто способен разделить с солдатами тяготы походной жизни. Того, кто пользуется милостью высших сил. По этой причине августы различными способами старались создать иллюзию близости с армией. Непосредственные контакты правителя с воинами и другие пропагандистские акции позволяли добиться солдатских симпатий, а также обеспечить их преданность. Помимо этого, по замечанию М. Стюарта, «сосредоточивая представления о героической мужественности в фигуре императора, имперская идеология создала портрет идеального императора как модель “истинной” мужественности для всех стремящихся подражать мужчинам»¹. Как отмечалось ранее, демонстрация личного примера военным лидером была важным инструментом морально-психологического воздействия на солдат. Примечательны свидетельства Геродиана о том, что легионеры восхищались Каракаллой (211–217), обходившимся простой пищей и наряду с ними принимавшим участие в воинских упражнениях (IV. 7. 4). Юлиан (361–363) в присутствии воинов совершенствовал навыки ближнего боя, довольствовался солдатским рационом, заботился о подчиненных (Amm. Marc. XXI. 2. 1; Lib. Or. XVIII. 216; Zos. III. 5. 3).

Дж. Лендоном отмечалось, что «солдаты лучшим образом сражались в присутствии полководцев и императоров» не только для того, чтобы продемонстрировать свою преданность и самоотверженность, но также ради наград и повышений по службе². Известно, что штурмовавшие Безабду римляне сняли шлемы, чтобы Констанцию II

¹ Stewart M.E. The Soldier's Life: Early Byzantine Masculinity and the Manliness of War // *Βυζαντινά Σύμμεκτα*. 2016. Vol. 26. P. 22.

² London J.E. Empire of Honour... P. 259.

(337–361) было проще запомнить отличившихся бойцов (Amm. Marc. XX. 10. 12). Показателен пример Максимиана Фракийца (235–238): в критический момент сражения с германцами он ринулся в болото, увлекая за собой солдат, в итоге переломив ход битвы (Herod. VII. 2. 6–7; SHA. Max. duo. 12. 1). Юлиан также лично принимал участие в штурме персидской крепости Пирисаборы, воодушевляя воинов (Amm. Marc. XXIV. 2. 14). Напротив, нежелание заниматься военными вопросами или неудачные решения полководца могли вызвать недовольство воинов. Так, тот же Юлиан, страшась обвинений со стороны подчиненных в трусости, стал энергичнее действовать против Констанция II (Amm. Marc. XX. 10. 1).

В глазах рядовых солдат император был олицетворением высших сил и гарантом успеха вне зависимости от их вероисповедания. Как писал неизвестный панегирист, воздавая хвалу цезарю Констанцию Хлору, «воины думали не о численности своих войск и не о человеческой силе, а о могуществе ваших божеств. После того, как начато любое сражение, гарантия успеха заключается не столько в уверенности воинов, сколько в счастье военачальников» (Pan. Lat. IV. 15. 4; пер. И.Ю. Шабаги). Следовательно, поражение свидетельствовало о том, что полководец утратил расположение богов, а это делало мятеж против неудачливого лидера вполне обоснованным. Болезни и увечья в представлении солдатских масс также указывали на то, что высшие силы отвернулись от императора. Так, озабоченные здоровьем Септимия Севера центурионы провозгласили августом его старшего сына Каракаллу. За этот проступок они были подвергнуты наказанию, а принцепсу пришлось лично выступить перед войском с проникновенной речью, преодолевая боль (Aur. Vict. 20. 25–26).

Личные обращения к армии перед сражениями, на сходках или во время коронации также были важным способом добиться одобрения воинов. Неслучайно, что право на речь перед всем войском было исключительной прерогативой августов (Amm. Marc. XVI. 12. 29). Порой императорам приходилось прибегать и к искусству убеждения. В частности, Констанций II сумел благодаря ораторскому мастерству и щедрым дарам убедить солдат узурпатора Ветраниона низложить своего лидера. Характерно также, что в этой речи Констанций II подчеркивал свою принадлежность к роду Константина I. Он напомнил воинам, что другой узурпатор – Магненций – повинен в убийстве его брата Константа I. Далее император напомнил о подарках, которые солдаты получали от Константина I (Zos. II. 44. 3–4). В итоге, используя эти понятные большинству воинов риторические приемы, он сумел убедить войско сохранить лояльность правящей династии.

Разумеется, материальный стимул имел важнейшее значение для военнотружущих: правитель должен проявлять щедрость к своему войску, рассчитывая на его верность. По словам Диона Кассия, Септимий Север, умирая, завещал сыновьям: «Живите дружно, обогащайте воинов, а на всех остальных не обращайтесь внимания» (LXXVII. 15. 2; пер. А.В. Махлаюка). Именно августи выступали гарантами благополучия воинов — даже цезарям было запрещено раздавать подарки (Amm. Marc. XVII. 9. 6). С другой стороны, не подкрепленные другими действиями денежные раздачи были ненадежным способом добиться расположения солдатской массы. Примером тому является судьба Эмилиана, который после щедрых выплат воинам был провозглашен императором в 253 г. Однако вскоре легионеры потребовали новых подарков, но не получив ничего, убили своего правителя (Aug. Vict. 31). Галльский император Постум (260–269) также пал от рук солдат, недовольных тем, что тот не позволил им разграбить Могонциак (Eutrop. IX. 9. 1). Упомянем также инцидент, произошедший во время кризиса системы тетрархии, когда Максенций подкупил мавританские легионы Галерия и Флавия Севера (Zos. II. 10. 1). В целом, подобные случаи характерны для периодов политической нестабильности, сопровождавшихся утратой авторитета императором и командирами и, как следствие, падением дисциплины в войсках.

Тем не менее, измена или переход воинов на сторону противника не всегда были мотивированы стремлением к обогащению. Так, узурпатор Прокопий переманил на свою сторону некоторые подразделения армии Валента (364–378), напомнив им о своем родстве с династией Константина I (Amm. Marc. XXVI. 7. 15–17). Следует согласиться с А.В. Махлаюком, что «измена одному военному лидеру или императору могла расцениваться солдатами как проявление особой лояльности по отношению к другому лидеру, претендовавшему на власть, верности своему воинскому долгу»¹. В панегирике, посвященном Константину I (306–337), подчеркивалось, что «надежным и вечным является лишь тот страж государства, кого воины любят ради него самого, кому служит не низкое и продажное раболепие, а простая и искренняя преданность» (Pan. Lat. VII. 16. 6; пер. И.Ю. Шабаги).

Лояльность армии императору закреплялась через принесение присяги. Когда Юлиан был провозглашен августом, «солдаты, приблизив мечи к своим шеям, клялись по формуле со страшными закланиями переносить за него всякие беды до последнего издыхания» (Amm. Marc. XXI. 5. 10; пер. Ю.А. Кулаковского). На рубеже IV–V вв. Ве-

¹ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи... С. 269.

геций писал, что новобранцы «клянутся именем Бога, Христа и Святого духа и величием императора» (II. 5). Сакральный характер присяги подразумевал, что нарушение ее было святотатством.

Подводя итог, следует отметить, что в периоды внутривосточной нестабильности и непрерывных внешних войн императорам было принципиально важно обеспечить лояльность вооруженных сил. Сохраняя управление войсками, правитель мог гарантировать стабильность в государстве. Определенное «сокращение дистанции» между государем и воинами следует объяснить стремлением августов лично контролировать армию, что выдвигало проблему военного лидерства на первый план. Однако одного личного авторитета императора зачастую было недостаточно, что вынуждало правителей и их ближайшее окружение использовать различные методы пропаганды, представлявшие августа как воплощение воинских добродетелей. Отметим также, что ситуация усложнялась по мере проникновения в римский армейский этос ценностей варварских народов.

Библиография

Burkhardt J. Век Константина Великого / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: в 7 т. Т. 1 / пер с англ. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008.

Колосовская Ю.К. Паннония в I—III вв. М.: Наука, 1973.

Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филол. факультет СПбГУ; Акра, 2006.

Birley A.R. Making Emperors: Imperial Instrument or Independent Force? // Companion to the Roman Army / ed. by P. Erdkamp. Malden: Blackwell Publishing, 2007. P. 379–395.

Haldon J.F. Ideology and Social Change in the Seventh Century: Military Discontent as a Barometer // *Klio*. 1986. Bd. 68. P. 139–190.

Lee A.D. War in Late Antiquity: A Social History. Malden: Blackwell Publishing, 2007.

London J.E. Empire of Honour: The Art of Government in the Roman World. Oxford: Clarendon Press, 1997.

Stewart M.E. The Soldier's Life: Early Byzantine Masculinity and the Manliness of War // *Βυζαντινά Σύμμεικτα*. 2016. Vol. 26. P. 11–44.

References

Burkhardt J. Vek Konstantina Velikogo / per. s angl. L.A. Igorevsky. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2003.

Gibbon E. Istorija upadka i razrushenija Velikoj Rimskoj imperii: Zakat i padenie Rimskoj imperii / per. s angl. Moscow: TERRA — Knizhnyj klub, 2008. Vol. 1.

Kolosovskaja Ju.K. Pannonija v I–III vv. Moscow: Nauka, 1973.

Makhljuk A.V. Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaja mental'nost'. St.-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Akra, 2006.

УДК 94(495).01

ФЕНОМЕН СТОЛПНИЧЕСТВА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ
THE PHENOMENON OF STYLITISM IN EARLY BYZANTIUM

А.А. Данилов
A.A. Danilov

*Национальный Исследовательский Нижегородский Государственный
 Университет имени Н.И. Лобачевского. Институт международных
 отношений и мировой истории
 603950, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23*

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
 Institute of international relations and world history
 603950, Russia, Nizhni Novgorod, Prospekt Gagarina, 23*

E-mail: AndAIDanilov@yandex.ru

Статья посвящена феномену столпничества, появившемуся в начале V века в Византийской империи. Данный феномен слабо изучен в западной историографии и практически не изучен в отечественной науке. Наиболее проблемными остаются вопросы о степени распространения столпничества, механизме проведения данной аскетической практики, проблематики самого понятия столпник, а также религиозного и социального смысла столпничества. Вопрос о причинах, подвигнувших первого столпника взойти на столп, занимает особую позицию. Поиск ответа на данный вопрос вызвал глубокий спор среди исследователей. В данной работе мы попытаемся дать представление о столпниках и различных взглядах исследователей на феномен столпничества.

Ключевые слова: столпничество, поздняя античность, аскетизм, Византийская империя.

The article is devoted to the phenomenon of stylitism, introduced at the beginning of the V century BC in the Byzantine Empire. This phenomenon is poorly studied in western historiography and has not been studied in national science. The most problematic questions remain about the extent of stylitism, of mechanism for this ascetic practices, mainstreaming of the concept of the Stylite, and religious and social meaning of stylitism. The question of which forced first Stylite to ascend to the pillar occupies a special position. The search for the answer to this question has caused deep dispute among researchers. In this paper we will try to give an idea of the Stylites and the different views of researchers on the phenomenon of stylitism.

Keywords: stylitism, late antiquity, asceticism, Byzantine Empire.

Столпничество представляло собой экстремальную форму аскетизма, заключающуюся в том, что столпники проводили свою жизнь, находясь на высоком каменном столбе (столпе)¹. Традиция столпников длилась долго и пользовалась огромным уважением. Начало этой традиции можно связать с Симеоном Столпником, который поднялся на столп впервые в 415 г.² Как явление столпничество развивалось на протяжении многих веков, начиная с V в. и до XI в., с некоторыми перерывами, особенно после 900 г.³

Благодаря сохранившимся источникам, сегодня можно проследить с достаточной точностью расположение наиболее известных мест столпников. Калат–Симан - место подвижничества Симеона Столпника, переводится с арабского как «крепость Симеона». Оно находится на горе в 35-37 км от сирийского города Алеппо, если ехать на северо-запад по дороге в город Африн.

Столпник Даниил подвизался в пустынном месте недалеко от города Анапл⁴ - предместье Константинополя. Это поселение находится на территории современной Турции, в провинции Стамбул, в городе Арнагукёй, на северо-запад от Стамбула.

Симеон Младший взшел на столп на Дивной горе. Сейчас это место называется Samandağ, что можно перевести как искаженное «гора Симеона». Оно находится неподалеку от одноименного поселения на юго-западе Турции, у побережья Средиземного моря.

Столпник Авраам и его брат Маро(н), известные благодаря произведению «Жизнь восточных святых» Иоанна Эфесского⁵, жили в

¹ Высота столпа Симеона Старшего достигала 17,64 м. См. *Schachner L.A. The archaeology of the stylite // Religious Diversity in Late Antiquity (Late Antique Archaeology 5) / Eds. D. Gwynn, S. Bangert. Leiden – Boston, 2007. P. 337.*

² *The Lives of Simeon Stylites / Translated, with an Introduction, by Robert Doran. Foreword Susan Ashbrook Harvey. Kalamazoo, Michigan: Cistercian Publications, 1992. P. 5.*

³ Исторический обзор столпничества и распространение его во времени см.: *Delehaye, Hippolyte. Les saints stylites (Subsidia Hagiographica 14). Brussels: Société des bollandistes, 1923. P. clxxvii, clxxx, clxxxi.*

⁴ *Three Byzantine Saints: Contemporary Biographies of St. Daniel the Stylite, St. Theodore of Sykeon and St. John the Almsgiver / trans. Elizabeth Dawes, introductions and notes by Norman H. Baynes. London, 1948. P. 65.*

⁵ *John of Ephesus. I // Lives of the Eastern Saints / E.W. Brooks / PO 27. Paris: Firmin-Didot, 1923. T. 17. P. 56–84.* Также: *Дьяконов А. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. М.: Книга по Требованию, 2011.*

VI веке в пределах Армении, подвизались на столпах в районе Инджилин¹.

Столпник Алипий родился в Адрианополе в 522 г. в провинции Пафлагония². Алипий несколько раз пытался удалиться из родного города, но в итоге все же остался жить неподалеку, на языческом кладбище, где и подвизался на столпе.

Симеон третий столпник («Симеон Олив») подвизался в монастыре недалеко от города Нисибис до момента его посвящения в епископы в 700 году³.

Тимофей, столпник из Кахушты, поселения, расположенного недалеко от Антиохии, жил в VIII-IX вв.⁴ и подвизался на столпе в своем родном поселении⁵.

Также известны и многие другие места подвижничества столпников⁶. В большинстве таких мест были основаны монастыри.

Столпники находились на столбе на протяжении всей жизни. Однажды взойдя на столп, подвижник проводил все время на вершине, день и ночь, независимо от погодных условий. Время нахождения

¹ *Schachner L.A.* The archaeology of the stylite // *Religious Diversity in Late Antiquity (Late Antique Archaeology 5)* / Eds. D. Gwynn, S. Bangert. Leiden – Boston, 2007. P. 332.

² *Filimon, Florin.* Pillar of the communites: the lives of the alipius the stylite. Budapest: Central European university, 2015. P. 19; *Kuper, Charles N.* Life of Alypius the Stylite / BHG 65 / <https://brynmaur.academia.edu/CKuper> (2016): 1–19.

³ *Schachner L.A.* The archaeology of the stylite. P. 332. Переводом его жития сейчас занимаются Andrew Palmer и Jack Tannous из Калифорнийского университета, США.

⁴ *Милакович Ж.В., Моисеева С.А.* Забытый сирийский столпник Тимофей из Кахушты // *Вестник ПСТГУ. 3: Филология.* 2014. Вып. 5(40). С. 45-54; *The Life of Timothy of Kakhusha* / J. Lamoreaux, C. Cairala, eds., transl. Turnhout, 2000. P. 439–467 (*Patrologia orientalis*; T. 48. Fasc. 4). Также: Тимофей Антиохийский, неизвестный сирийский деятель VIII в. / К. Кекелидзе, изд. // *Моамбе (Вестник) / Институт языка, истории и материальной культуры имени Н. Я. Марра.* Тбилиси, 1940. Вып. 7. С. 9–150 (на груз. яз.).

⁵ *Милакович Ж.В., Моисеева С.А.* Забытый сирийский столпник Тимофей из Кахушты // *Вестник ПСТГУ. 3: Филология.* 2014. Вып. 5(40). С. 45-54: подробно описано, стоял ли Тимофей на столпе, или нет.

⁶ Подробный анализ расположения таких мест сделан в работе: *The Archaeology of the Stylite // Religious Diversity in Late Antiquity* / ed. by D. Gwynn, S. Bangert. Leiden, 2010. P. 329–397.

ния на столпе было значительным - некоторые провели там более 50 лет¹.

Понятие «столпник» – στῦλος, στυλίτης, стоящий на столпе, не дает нам исчерпывающей характеристики данного феномена. Если мы обратимся к Андре Жану Фестьюжьеру и Ипполиту Делайе², первым исследователям столпничества, которые основывались на письменных свидетельствах, то увидим сходство между понятием «pillar of a stylite» - столп, и неким местом, обозначенным как «stylite martyria». Они сравнили столп как сооружение с понятием непосредственного жизнепроявления. Ж. Ламоро, издатель арабского жития столпника Тимофея³, дал уточнение: Тимофей поселился как затворник (habis) в некоем месте (habs). Здесь стоит отметить что само понятие pillar of a stylite, по сути, равнозначно сирийскому «umūd al-Habīs», что можно перевести на русский язык как «столп праведника», или затворника, которое является двусмысленным. Сирийское слово «столп» («estuna») можно также перевести как «башня». Почти все столпники *estunāyē* или *estunārē* имели сирийское происхождение, поэтому различие понятия «башня» –«estuna» и понятия «столп» стерлось. Другими словами, столп как сооружение не являлся неким примитивным изваянием или простой возвышенностью. Вполне вероятно, что столп был сложной конструкцией. В житии святого Луки Столпника сказано: они (столпники) отказались жить на земле, и подняли себя на башню, как на столп (*pyrgoideis*)⁴. Другими словами, само понятие «столп» имело двойственное значение в текстах, с одной стороны, это столп или башня, с другой стороны, это место, где поселился затворник.

Непосредственно столп представлял собой сооружение из камней с различной высотой. Наверху столпа находилась небольшая площадка. В некоторых случаях на площадке устраивался навес для защиты от дождя и зноя. Столп, по сути, состоял из трех частей: первая - это основание, на котором собственно и ставился столп, который являлся второй составной частью, и третья часть — это платформа, на которой жил сам столпник. Имелась также и лестница, которая была

¹ Столпник Алипий прожил на столбе 53 года; см. *Filimon, Florin*. Pillar of the Communities: The Lives of Alypius the Stylite. MA Thesis in Medieval Studies. Budapest: Central European University, 2015. i–v. P. 1–102.

² *Delehaye, Hippolyte*. Les saints stylites (Subsidia Hagiographica 14). Brussels: Société des bollandistes, 1923; *Festugière A. J.* Antioche païenne et chrétienne: Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie (Bibliothèque des écoles françaises d’Athènes et de Rome 194). Paris, 1959.

³ *Life of Timothy of Kākhushṭā*. 2000. P. 468–525.

⁴ *Life of Luke the Stylite*. 1962. P. 195–237.

нужна скорее для того, чтобы облегчить сообщение между столпником и людьми, чем для личных нужд столпника. Все основания представляют собой либо квадратную, либо цилиндрическую поверхность, на которой, как на фундаменте, стоял столп. Основание можно описать как предельно простое сооружение. Столп в диаметре был очень маленьким относительно его высоты, он всегда был либо в форме цилиндра, либо в форме конуса. В некоторых случаях использовались хомуты или кольца для лучшего удержания столпа в целостности¹. В различных источниках упоминается о том, что у святого Симеона была лестница, по которой к нему поднимались люди. У столпа святого Даниила была сооружена спиральная лестница, для того чтобы снять его со столпа после смерти. Однако гораздо чаще лестница была не постоянная, а только выдвигаемая. И хотя нет никаких вещественных доказательств того, что такие лестницы существовали, было бы логичным, что если столп высокий, то выдвигаемая или ленточная лестница - более разумный вариант чем строить лестницу от земли. Существовали и более сложные лестницы². В связи с тем, что никаких свидетельств существования платформы не осталось, мы можем только строить догадки об общем виде платформы. Но если мы исследуем остатки колонн в Самандаге или Калат Симане, то можем составить представление, о связи столпа и платформы. Мы можем составить некоторое представление об этом, исходя из письменных свидетельств; например, Феодорит рассказывает, что Симеон жил на платформе, не превышающей 2 локтя, то есть около 0,28 м². Исходя из данных по диаметру колонны, можно сказать что Феодорит немного неточен, площадь платформы была скорее где-то около 1 м². В любом случае это говорит о весьма малом размере платформы. Так первоначально был изучен столп Симеона младшего, и платформа его была около 9 м², что потом признали ошибкой. Позже исследовали колонну Алипия, и при реконструкции решили, что его колонна была примерно 1,72 м².

В связи с большой популярностью, жизнь столпников всегда проходила без отрыва от общества, к ним всегда приходили люди за советом. Поэтому нельзя не оценить социальную роль, которую играли столпники для своего времени. В своей статье «The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity» Питер Браун показал, что роль столпников была схожа с ролью сельского старосты³. Доказывая это, он указывал на то, что Симеон решал споры, проводил обуче-

¹ *Schachner L.A.* The archaeology of the styliote. P. 338.

² Там же.

³ *Brown, Peter.* The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity // Journal of Roman Studies. 61. 1971. P. 92.

ние и выносил приговоры¹. То же самое можно сказать и про любого другого столпника. Питер Браун после публикации своей работы², написанной им в 1971 г., в широком смысле обратил интерес ученых к столпникам и сделал модным изучение этих подвижников. Такая тенденция прослеживается вплоть до сегодняшнего дня, свидетельством чему могут служить исследования профессора Открытого Европейского Университета в Будапеште Фолькера Менца («Transformation of saintly paradigm: Simeon the Elder and the Legacy of Stylitism»)³, а также профессора Гарвардской школы Богословия Чарльза Стэнга («Digging Holes and Building Pillars: Simeon Stylites and the “Geometry” of Ascetic Practice»)⁴.

Главной особенностью столпничества можно считать необычность выбранного способа проведения аскетической практики. Никогда до Симеона подобного рода христианского подвижничества не наблюдалось⁵. Часто в описании жизни столпников мы замечаем некое противостояние столпников языческим культам. Так мы видим, что столпниками разрушаются языческие идола⁶, столпники часто селятся на языческих кладбищах⁷, представляющих собой пещеры. Вполне вероятно, что первый мотив Симеона был связан с некоторой языческой практикой.

Первым такую связь усмотрел Жюль Тутен в его статье 1912 года «La légende chrétienne de Saint Siméon et ses origines païennes».⁸ В

¹ Блаженный Феодорит Кирский. История Боголюбцев. С. 186.

² *Brown, Peter*. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity // *Journal of Roman Studies*. 61. 1971. P. 80-101.

³ *Menze, Volker*. The Transformation of Saintly Paradigm: Simeon the Elder and Legacy of Stylitism. Continuity and change // *Religious Identities in the Levant from Alexander to Muhammed*. Danish Institute in Damascus, 2010. P. 213-226.

⁴ Наиболее важные работы относительно столпничества: *Wright G.R.H.* The Heritage of the Stylites // *AJBA*. 1. 1970. P. 82-107; *Delehaye, Hippolyte*. Les saints stylites (Subsidia Hagiographica 14). Brussels: Société des bollandistes, 1923.

⁵ Подробный анализ связей столпничества с языческой традицией можно найти в работе: *Frankfurter, David*. Stylites and Phallobates: Pillar Religions in Late Antique Syria // *VC*. 44. 1990. P. 168-198.

⁶ Имеется в виду сюжет, когда Симеон младший разрушил языческий идол, начав подвизаться на горе, или сюжет, когда Даниил Столпник поселился на языческом кладбище, специально, узнав о страхе местных жителей перед этим местом. См.: Блаженный Феодорит Кирский. История Боголюбцев. М.: Паломник, 1996. С. 82.

⁷ Евагрий Схоластик. Церковная история. М., 1997. С. 22.

⁸ *Toutain, Jules*. La légende chrétienne de Saint Siméon et ses origines païennes. P., 1912. P. 171-177.

своём исследовании Тутен придерживался мнения, что столпничество являло собой продолжение языческой практики, а точнее «выжившей» языческой практикой¹.

Усиление этой позиции было предпринято следующим исследователем столпничества Г.Р.Х. Райтом в его работе «The Heritage of the stylites»². Райт сравнил изображение столпника Симеона, находящегося на столпе и получающего венец от птицы, с приставленной лестницей к его столпу, с изображением «священного дерева», которое схоже по изображению. Таким образом, Райт пытается связать столпничество с древней сирийско-хеттской практикой, причем он не утверждает, что Симеон являлся прямым последователем языческой традиции, но усматривает в иконографии Симеона некое сходство с культом «священного дерева».

Связь столпничества с языческими культами многие специалисты усматривают исходя из анализа работы Лукиана Самосатского «Сирийская богиня» (*De Dea Syria*)³. Его работа была посвящена культу богини Атаргатис в Гиерополе. Здесь Лукиан обращает внимание на некий обряд, проходивший возле храма сирийской богини. Там были построены два идола, которые Лукиан называл *phalloi* – на один из таких идолов взбирался человек, с помощью веревки и проводил там неделю, предположительно, предаваясь молитве⁴. Языческий обряд не мог стать началом столпничества в его прямом выражении, в связи с чем Якоб Буркхардт сделал предположение в своей книге «Век Константина», что святые столпники были единственным возможным способом искоренить постыдный языческий обряд.⁵ Столпничество, таким образом, являло собой искупление греха через жертву. Этого же мнения придерживался и еще один исследователь столпничества Х. Дрийверс⁶. Исследователь, в отличие от Райта, не нашел никаких прямых

¹ Там же. С. 176.

² Wright G.R.H. The Heritage of the Stylites // AJBA. 1. 1970. P. 82–107.

³ Lucien of Samosata, On the Syrian Goddess, 266–269; Wright G. R. H. The Heritage of the Stylites // AJBA. 1. 1970. P. 82–107; Simeon's Ancestors // AJBA. 1. 1968. P. 41–49; Frankfurter, David. Stylites and Phallobates: Pillar Religions in Late Antique Syria // VC. 44. 1990. P. 168–198.

⁴ Frankfurter, David. Stylites and Phallobates: Pillar Religions in Late Antique Syria // VC. 44. 1990. P. 174.

⁵ Burkhardt, Jacob. The Age of Constantine. New York: Pantheon, 1949. P. 132; Wright G. R. H. The Heritage of the Stylites // AJBA. 1. 1970. P. 94–95.

⁶ Drijvers, Han J. W. Spätantike Parallelen zur altchristlichen Heiligenverehrung unter besonderer Berücksichtigung des syrischen Stylitenkultus // Aspekte frühchristlicher Heiligenverehrung (Oikonomia: Quellen und Studien zur orthodoxen Theologie 6). Erlangen: Universität Erlangen, 1977. P. 54–76.

связей столпничества с язычеством, и считал, что столпники своей практикой подражали Христу.

В следующей исследовательской работе, «The Sense of a Stylite», Сьюзан Эшбрук Харви¹ было выражено несогласие с двумя предыдущими мнениями о смысле столпничества. Харви указывала на отсутствие в иконографии столпников крестообразных образов столпа, символизирующих их сходство с Господом.

Дэвид Франкфутер критикует работу Райта и указывает на то, что Райт слишком обобщает и упрощает видение Сирии в VI веке, сравнивая столпничество с языческим обрядом². По свидетельству автора видно, что культовые столпы в Гиерополе стояли вне храма Атаргатис, и, тем самым, вполне возможно, что были посвящены другому культу. Лукиан мог попросту смешать несколько культов в один, что, конечно же, являлось грубой ошибкой. И здесь Лукиана вполне можно понять, ведь его произведение было сатирическим, и в первую очередь, преследовало цель высмеять религиозные обряды. Поэтому Франкфутер предлагает рассматривать Лукиановские *phalloi* как общий символ столпа, присутствующий в сирийской символике на протяжении долгого времени. Можно согласиться с аргументами, приводимыми всеми исследователями, однако все эти работы поднимают более серьезный вопрос, могут ли имеющиеся источники дать возможность сделать окончательный вывод о мотивах Симеона, подвигнувших его взойти на столп, и был ли вообще у Симеона какой-то мотив. Несмотря ни на что, мы с уверенностью можем сказать, что Симеон совершил нечто, вызвавшее в начале шок у современников, но после долгих лет непрестанной молитвы и поста Симеон смог ввести столпничество в структуру христианского подвижничества.

После рассмотрения основных особенностей изучаемого нами явления мы можем сделать вывод, что столпничество зародилось в Сирии, и постепенно распространилось в другие регионы империи. Стоит также отметить, что первые столпники все были родом из ближайших друг к другу регионов – Киликии, Евфратесии, Сирии, и подвизались они на некотором удалении от крупных городов, таких как Антиохия, Константинополь, Эфес, Нисибис и других.

Столпничество было крайне суровым видом аскетизма и предполагало собой пожизненный подвиг. Это значит, что человек,

¹ Harvey, Susan Ashbrook. The Sense of a Stylite // VC. 42. 1988. P. 376–394.

² Frankfurter, David. Stylites and Phallobates: Pillar Religions in Late Antique Syria // VC. 44. 1990. P. 176.

желавший подвизаться на столпе, как правило, стоял на нем до конца жизни¹.

Важным фактором в распространении столпничества, на наш взгляд, является принцип построения столпа. Конструкция столпа была достаточно сложна, и соорудить его в одиночку представлялось отнюдь не легким занятием, к тому же, весьма затратным. Видимо, этот факт отпугивал многих подвижников, предпочитавших либо уединяться в пустынях, либо выбирать какой-либо иной вид аскезы.

Социальная роль столпников была обширна в связи с большим кругом вопросов, решаемых столпником. Так, к столпникам, прежде всего, шли за советом, как поступить в той или иной ситуации, причем ситуации варьировались от родов жены и вплоть до военно-политической ситуации в мире.

По нашему мнению, столпничество являлось новым видом аскетизма, целиком и полностью связанным с личностью первого столпника Симеона. Тяжелейшие физические условия, в которые он себя поставил, больше походили на добровольное мученичество. Главным здесь, на наш взгляд, является то, что, построив столп и взойдя на него, столпник условно поставил себя на постамент, то есть на лобное место, представив себя Богу открыто, как бы полностью. В таком понимании стояние на столпе идеально подходило Симеону. Столпничество сделало место его жизни алтарем.

Библиография

Блаженный Феодорит Кирский. История Боголюбцев. Вст. ст. и нов. пер. А.И. Сидорова. М: Паломник, 1996.

Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I-VI / пер. с греч., вступ. ст., комм., прил. и указ. И. В. Кривушина. СПб.: Изд. О. Абышко, 2010.

Иеромонах Алексей (Кузнецов). Юродство и столпничество. Религиозно – психологическое исследование. СПб.: Изд. Тип. В.Д. Смирнова, 1913.

Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха / Пер. с греч. Прот. М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 19152 (Троицкая библиотека, кн. 1) репринт: б. м., б. г. (М., 1991). 657 с.

Милакович Ж.В., Моисеева С.А. Забытый сирийский столпник Тимофей из Каушты // Вестник ПСТГУ. 3: Филология 2014. Вып. 5(40). С.45-54.

Тимофей Антиохийский, неизвестный сирийский деятель VIII в. / К. Кекелидзе, изд. // Моамбе (Вестник) / Институт языка, истории и материаль-

¹ В «Луге Духовном» мы читаем, что были столпники, сходявшие со столпа. См. Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха / Пер. с греч. Прот. М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 1915 (Троицкая библиотека, кн. 1) (репринт М., 1991). С. 520.

ной культуры имени Н. Я. Марра. Тбилиси, 1940. Вып. 7. С. 9–150 (на груз. яз.).

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980.

Assemani, Stephano Evodio. Acta sanctorum martyrum Orientalium et Occidentalium in duas partes distributa (Adcedunt Acta S. Simeonis Stylitae). Rome: Collini, 1748. Т. 2. P. 268–398.

Brown, Peter. The Rise and Function of the Holy Man in Late Antiquity // The Journal of Roman Studies. Vol. 61. 1971. P. 80–101.

Delehaye, Hippolyte. Les saints stylites (Subsidia Hagiographica 14). Brussels: Société des bollandistes, 1923.

Drijvers, Han J. W. Spätantike Parallelen zur altchristlichen Heiligenverehrung unter besonderer Berücksichtigung des syrischen Stylitenkultus // Aspekte frühchristlicher Heiligenverehrung (Oikonomia: Quellen und Studien zur orthodoxen Theologie 6). Erlangen: Universität Erlangen, 1977. P. 54–76.

Festugière A. J. Antioche païenne et chrétienne: Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome 194). Paris, 1959.

Frankfurter D. Stylites and phallobates: pillar religions in late antique Syria // VigChr 44. 1990. P. 168–198.

Harvey, Susan Ashbrook. The Sense of a Stylite // VC. 42. 1988. P. 376–394.

John of Ephesus. I // Lives of the Eastern Saints / E. W. Brooks. Paris: Firmin-Didot, 1923. Т. 17. 854 p. (Patrologia Orientalis).

Menze, Volker. The Transformation of Sainthood: Simeon the Elder and Legacy of Stylitism. Continuity and change // Religions Identities in the Levant from Alexander to Muhammed. Danish Institute in Damascus, 2010. P. 213–226.

Peña P. Castellana, Fernandez R. Les Stylites Syriens (SBF Coll. Minor, 16). Milano, 1975.

Schachner L.A. The archaeology of the stylite / Religious Diversity in Late Antiquity (Late Antique Archaeology 5) / Eds. D. Gwynn, S. Bangert. Leiden – Boston, 2007.

The Life of Timothy of Kakhusha / J. Lamoreaux, C. Cairala, eds., transl. Turnhout, 2000. P. 439–467 (Patrologia Orientalis; T. 48. Fasc).

The Lives of Simeon Stylites / Translated, with an Introduction, by Robert Doran. Foreword Susan Ashbrook Harvey. Cistercian Publications Kalamazoo Michigan, 1992. 66 p.

Three Byzantine Saints: Contemporary Biographies of St. Daniel the Stylite, St. Theodore of Sykeon and St. John the Almsgiver / trans. Elizabeth Dawes, and introductions and notes by Norman H. Baynes. London, 1948.

Wright G. R. H. The Heritage of the Stylites // AJBA. 1. 1970. P. 82–107.

References

Blazhennyj Feodorit Kirskij. Istorija Bogoljubcev. Vst. st. i nov. per. A.I. Sidorova. M: Palomnik, 1996.

Evagrij Sholastik. Cerkovnaja istorija. Knigi I-VI / per. s grech., vstup. st., komm., pril. i ukaz. I. V. Krivushina. SPb.: Izd. O. Abyshko, 2010.

Ieromonah Aleksij (Kuznecov). Jurodstvo i stolpnichestvo. Religiozno – psiholo-gicheskoe issledovanie. SPb.: Izd. Tip. V.D.Smirnova, 1913.

Lug duhovnyj. Tvorenie blazhennogo Ioanna Mosha / Per. s grech. Prot. M. I. Hitrova. Sergiev Posad, 19152 (Troickaja biblioteka, kn. 1) reprint: b. m., b. g. (M., 1991). 657 s.

Milakovich Zh.V., Moiseeva S.A. Zabytyj sirijskij stolpnik Timofej iz Kahušty // Vestnik PSTGU. 3: Filologija 2014. Vyp. 5(40). S.45- 54.

Timofej Antiohijskij, neizvestnyj sirijskij dejatel' VIII v. / K. Kekelidze, izd. // Moambe (Vestnik) / Institut jazyka, istorii i material'noj kul'tury imeni N. Ja. Marra. Tbilisi, 1940. Vyp. 7. S. 9–150 (na gruz. jaz.).

Chichurov I.S. Vizantijskie istoricheskie sochinenija: «Hronografija» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij. M., 1980.

УДК 94(3)

**ОБРЯД «ОТМЩЕНИЯ» В ПОЧИТАНИИ ПРЕДКОВ НА БОСПО-
РЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ»
В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ)**

**"VENGEANCE" RITE IN HONOURING ANCESTORS ON BOS-
PORUS (ON THE MATERIAL OF THE "BELINSKOYE"
ANCIENT SETTLEMENT IN THE EASTERN CRIMEA)**

**Е.В. Шушунова
E.V. Shushunova**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125*

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin Prospekt, Tula, 300026, Russia*

e-mail: schuschunova.elena@yandex.ru

В статье исследуется выявленный на некрополе городища «Белинское» ритуал с кровавым возлиянием. По мнению автора, он неразрывно связан с культом почитания предков и погребальным обрядом. Подобные возлияния и жертвоприношения являлись не только отражением верований о продолжении жизни после смерти, с их помощью предполагалось достичь наилучшей участи в загробном мире. Автор подчеркивает, что возлияние крови жертвенного животного через слив переносного алтаря явно совершалось с целью обеспечения божественного отмщения за раннюю смерть, всепроникающей и сверхъестественной силой синкретического божества Зевса-Гелиоса-Сераписа.

Ключевые слова: почитание предков, обряд «отмщения», погребальный культ, бог Гелиос.

The article touches upon ritual of a bloody libation found in the necropolis of the "Belinskoye" ancient settlement. In the author's view, the ritual of bloody libation cannot be considered beyond the burial cult and the closely related cult of veneration of the ancestors. Such libations and sacrifices were not only a consequence of the beliefs on continuing life in the Afterworld, but it was intended to achieve the best possible fate in the afterlife. The author emphasizes that the libation of the sacrificial animal blood through the draining of the portable altar used in the ritual of the bloody libation, the tomb was clearly carried out on the rock surface with the aim of providing divine revenge by a pervasive and supernatural force syncretizing divinity of the Zeus-Helios-Serapis.

Keywords: veneration of ancestors, «vengeance» rite, funeral cult, The God Helios.

Некрополь городища «Белинское», площадь которого составляет около 8 га, расположен в Восточном Крыму, в районе северного участка Узунларского вала. Археологической экспедицией под руководством проф. В.Г. Зубарева на центральном участке некрополя был обнаружен и исследован склеп № 19 (датированный авторами раскопок концом II - серединой III вв. н.э.). Данный склеп относится к типу грунтовых вырубных склепов с полуциркульным перекрытием погребальной камеры.

Схожие склепы на Боспоре хорошо известны еще с эллинистической эпохи¹. Н.И. Винокуров рассматривает склепы подобного типа как долговременные конструкции, в которых производились «захоронения аристократической, наиболее зажиточной и родовитой прослойки населения крепости»². В склепе № 19 на некрополе городища «Белинское» были обнаружены останки 22 человек. Авторы раскопок связали это массовое захоронение с трагическими событиями нападения Гейрана на Боспор в 275 г.³

Среди погребального инвентаря особо выделяются фрагменты дна и венчика блюда с рельефным изображением Гелиоса на квадриге в круглом медальоне и переносной алтарь. Блюдо с рельефным изображением Гелиоса представляет собой наиболее раннюю форму краснолаковой керамики⁴. Переносной алтарь, обнаруженный *in situ* на полу погребальной камеры, располагался справа от закладной плиты рядом с тайником. В его центре на дне было специально пробито сквозное отверстие – слив⁵. Подобные алтари встречаются и на других памятниках Восточного Крыма и Северного Причерноморья. Например, алтарь, найденный на территории городища «Артезиан», был также изготовлен из прямоугольного камня, по центру которого рас-

¹ Гайдужевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 293-294.

² Винокуров Н.И. Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища Артезиан) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 237.

³ Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период Поздней Античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула, 2015. С. 129-138.

⁴ Зубарев В.Г., Пономарев Д.Ю., Ефименок В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 257.

⁵ Зубарев В.Г., Пономарев Д.Ю., Ефименок В.А. Ук. соч. С. 258.

полагалось сквозное отверстие, предназначенное для стока жертвенной крови и других возлияний в землю¹. Схожие по функциональности алтарики для жертвенных возлияний на могилах были обнаружены и во время раскопок некрополя Танаиса². Эти примеры свидетельствуют о том, что алтарь, обнаруженный на некрополе городища «Белинское», не частный случай, а, скорее всего, неотъемлемый инвентарь широко распространенной традиции, связанной с заупокойным культом. Очевидно, что данные алтари использовались в обрядах возлияния или даже сопровождали ритуалы жертвоприношений.

Подобные ритуальные действия (поминальные обряды с возлияниями) не являлись редкостью и были достаточно широко распространены среди населения Северного Причерноморья, хотя религиозное обоснование подобных действий до сих пор остается не совсем ясным.

Согласно верованиям древних греков, живые обязаны были удовлетворять потребности умерших в пище и питье. Для совершения тризны древние греки использовали специальные культовые сооружения - алтари, ямы, канавки. Алтари ставили рядом с надгробиями или возле могил³. На алтарях совершали возлияния или сожжения жертвенной пищи в честь умерших⁴. Поминальные обряды происходили над могилой, либо рядом на специально отведенном месте, где и устанавливался алтарь⁵. По мнению Н.И. Винокурова, обряды возлияний проводились до окончательной засыпки могилы⁶. По нашему мнению, совместное использование в погребальном обряде данных предметов

¹ Винокуров Н.И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб., 2002. С. 191.

² Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997. С. 47-50.

³ Вегнер В. Эллада. Очерки и картины Древней Греции для любителей классической древности и для самообразования. СПб., 1900. С. 282.

⁴ Папанова В.А. Урочище Сто могил - некрополь Ольвии Понтийской. Киев, 2006. С. 199.

⁵ Редина Е. Античная погребальная традиция в формировании сакрального пространства греческого некрополя IV-III вв. до Р. Хр. у с. Кошары // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб., 2007. С. 99.

⁶ Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999-2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014. С. 45.

может пролить свет на некоторые неизвестные до этого аспекты погребального культа античного населения Боспора.

Не так давно А.В. Соколов уже обратил внимание на связь культа бога Гелиоса с массовым захоронением на некрополе городища «Белинское»¹. На блюде с некрополя городища «Белинское» с изображением этого бога последний представлен достаточно нетрадиционно, в левой руке бога полыхает факел, а колесница устремлена скачущей на зрителя². Создается впечатление, что необходимость в посуде с таким изображением, в первую очередь, возникла именно у тех, кто занимался погребением, так как только они могли выступить инициаторами обращения к этому богу. Смысл же таких действий, скорее всего, традиционен, ведь с древних времен была известна функция Гелиоса как мстителя, обладающего способностью ослеплять людей (Plat. Legg., 887; Eur. Hec. 1068; Soph. El. 825).

С массовым захоронением убитых женщин и детей согласуется не только вера в божественное возмездие Гелиоса, но и обнаруженный там же переносной алтарь со сливом. Обряд возлияния, совершенный в склепе № 19, может иметь непосредственное отношение к самому культу Гелиоса. Правда, такое соответствие очень сложно установить, так как в первых веках нашей эры указанный бог трансформируется в достаточно сложное синкретическое божество, о культе которого нам почти ничего не известно. Например, в надписях этого времени Гелиос нередко отождествляется с Сераписом³, происхождение культа которого до сих пор остается предметом споров. Возможно, этому богу поклонялись в Египте, главным образом, как греческому воплощению Зевса⁴ (слияние Зевса с Осирисом).

Сближение культа Зевса-Гелиоса с культом Сераписа и Исиды не могло не отразиться на обрядовой стороне почитания этих богов. Известно, что в первые века н.э. в погребальном инвентаре на территории Северного Причерноморья отмечается увеличение количества сосудов, предназначенных для еды и питья. Для сравнения, в эллини-

¹ Соколов А.В. Особенности почитания Гелиоса на территории Понта в римский период // Кондаковские чтения – V. Античность-Византия-Древняя Русь. Белгород, 2016. С. 52-56.

² Зубарев В.Г., Леонтьева В.А., Пономарев Д.Ю. Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н.э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // Боспорские чтения. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. Вып. XIV. С. 207, 212.

³ Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009. С. 87-89.

⁴ Мюллер М. Египетская мифология. М., 2006. С. 286. Прим. 19.

стический период такой тенденции не наблюдалось. Из надписей богов на этих предметах особо выделяются имена Сераписа и Исиды. Данные сосуды явно использовались для обряда возлияния и кормления души. Выбор жидкости для подобных ритуалов был не случаен. Считается, что в подобных ритуалах использовали молоко, вино, мед, воду или их смесь (Horn., Od., X, 24; Eur. Iph., 143-147). Например, обряд с использованием меда, вина и молока был связан с дионисийским культом, так как Дионис имел хтонические черты и связь с загробным миром. Греки считали, что этот бог мог превращаться в молоко и нектар, которые являлись его символами¹. Вода в обрядах посвящения также имела очистительную роль. Обряд омовения, который соблюдали родственники умерших в Афинах, включал в себя возлияние воды над ровом, вырытым с западной стороны могилы (Athen. IX, 410). Вода, по мнению древних, ограждала живых от мертвых².

Тем не менее, в обрядах возлияния духам предков нередко использовалось и вино, с помощью которого человек приводил себя в состояние экстаза и таким образом приобщался к божеству, сливался с ним. В.М. Зубарь считает, что истоки этой веры следует искать в священных пиришествах, широко распространенных в античном мире. В ходе такого пиришества потребность в общении с божеством удовлетворялась едой, на которую приглашалось и само божество, и от которой ему уделялась определенная часть³. Возлияния и жертвоприношения совершались на кладбище и являлись не только следствием верований в продолжение жизни в потустороннем мире, но с их помощью предполагалось достичь наилучшей участи в загробном мире⁴.

Судя по изречению 156-й главы «Книги мертвых», именно обращения к верованиям цикла Осириса, и, в частности, к богини Исиде, позволяло даже после смерти защитить умершего, в первую очередь, «... от того, кто способен совершить против него отвратительные деяния»⁵. Богиня не только играла видную роль в заупокойном культе, но даже могла воскрешать мертвых. Однако в ее ритуале принципиально

¹ Воеводский Л. Ф. Каннибализм в греческих мифах. СПб., 1874. С. 317.

² Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 66.

³ Зубарь В.М. Ук. соч. С. 383.

⁴ Панайотова К. Поминовение усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. II. С. 4.

⁵ Пяничук О.А. Культ богини Исиды в античном мире // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 91.

должна была фигурировать кровь, символом которой являлся специальный амулет Исиды. Он делался из золота и материалов красного цвета и клался на шею покойного. Считалось, что этот амулет защищал силой крови Исиды и обеспечивал умершему доступ в любое место подземного мира¹. Учитывая экстраординарность массового захоронения на некрополе городища «Белинское» и то, что никакого амулета Исиды в склепе обнаружено не было, очевидно, что основным компонентом для возлияния в данном погребальном ритуале должна была выступить именно кровь. Обнаруженные *in situ* в склепе № 19 кости животного, в том числе, непосредственно внутри переносного алтаря со сливом², безусловно, свидетельствуют о совершенном здесь ритуальном жертвоприношении с обрядом возлияния крови.

Гелиос, Зевс и Гея олицетворялись у греков со справедливостью и обращение к ним, как правило, представлялось в виде своеобразной клятвы или обета³. Однако нам ничего не известно о совершенных кровавых возлияний в их честь. Все это косвенно свидетельствует в пользу нашего предположения о том, что Гелиос на Боспоре, так же, как и в Малой Азии, к III в. н.э. стал восприниматься в качестве сложного синкретического божества, неразрывно слившегося с греко-восточным культом Сераписа. Скорее всего, именно пласт верований этого культа, связанного с Исидой, требовал подтверждения клятвенной формулы непосредственным кровавым возлиянием, что, возможно, и отражает материал с некрополя городища «Белинское».

Таким образом, обряд возлияния кровью жертвенного животного, зафиксированный на некрополе городища «Белинское», условно относясь к верованиям, связанным с почитанием предков, являлся важнейшей частью ритуала отмщения при обращении к могущественному синкретическому божеству, олицетворявшему справедливость и неотвратимость божественного наказания за совершенное злодеяние.

Библиография

Вегнер В. Эллада: Очерки и картины Древней Греции для любителей классической древности и для самообразования. СПб.; М.: Т-во М.О.Вольф, 1900.

Винокуров Н.И. Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымско-

¹ Там же. С. 90-91.

² *Зубарев В.Г., Пономарев Д.Ю., Ефименко В.А.* Ук. соч. С. 256.

³ *Зубарь В.М.* Ук. соч. С. 15-16.

го Приазовья) // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 189-194.

Винокуров Н.И. Греко-варварское взаимодействие в Крымском Приазовье в римское время (по материалам некрополя городища Артезиан) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 236-244.

Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999-2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014.

Воеводский Л. Ф. Канибализм в греческих мифах. СПб.: Типография В.С. Балашева (Большая Садовая ул., д. № 49-2), 1874.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.

Зубарев В.Г., Леонтьева В. А., Пономарев Д.Ю. Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н.э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // Боспорские чтения. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. Вып. XIV. С. 204-212.

Зубарев В.Г., Пономарев Д.Ю., Ефименко В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // Боспорские исследования / Отв.ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 248-269.

Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев: Наукова думка, 1990. С. 61-84.

Мюллер М. Египетская мифология. М.: Центрполиграф, 2006.

Панайотова К. Поминовение усопших в некрополе Аполлонии Понтийской в м. Калфата // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. II. С. 3-7.

Папанова В.А. Урочище Сто могил - некрополь Ольвии Понтийской. Киев: Знания Украины, 2006.

Пяничук О.А. Культ богини Исиды в античном мире // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009.

Редина Е. Античная погребальная традиция в формировании сакрального пространства греческого некрополя IV-III вв. до Р.Хр. у с. Кошары // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 95-99.

Сапрыкин С.Ю. Религия и культуры Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009.

Соколов А.В. Особенности почитания Гелиоса на территории Понта в римский период // Кондаковские чтения - V. Античность – Византия – Древняя Русь / отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. С. 52-57.

Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: Серии б/и, буква Т, 1997. С. 47-50.

Ярцев С.В. Греко-варварский Крым в период Поздней античности (III-IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе) / С.В. Ярцев, В.Г.Зубарев, А.Ю. Бутовский; Науч. ред. А.А. Масленников. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2015.

References

Vegner V. Ehllada: Oчерки i kartiny Drevnej Grecii dlya lyubitelej klassicheskoj drevnosti i dlya samoobrazovaniya. Spb.- M.: T-vo M.O.Volf, 1900.

Vinokurov N.I. Fenomen chelovecheskih zhertvoprinoshenij v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nyh zahoronenij Krymskogo Priazov'ya) // Bosporskij fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha: materialy mezhdunar. nauch. konf. CH. 1. SPb.: Izd-vo Gos. Ehrmitazha, 2002.S. 189-194.

Vinokurov N.I. Greko-varvarskoe vzaimodejstvie v Krymskom Priazov'e v rimskoe vremya (po materialam nekropolya gorodishcha Artezian) // Bosporskij fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty. SPb.:Nestor-Istoriya, 2011. S. 236-244.

Vinokurov N.I. Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999-2007 gg.): Monografiya. Simferopol'; Kerch', 2014.

Voevodskij L. F. Kannibalizm v grecheskih mifah. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva (Bol'shaya Sadovaya ul., d. № 49-2),1874.

Gajdukevich V.F. Bosporskoe carstvo. M.; L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1949.

Zubarev V.G., Leont'eva V. A., Ponomarev D.Yu. Nekotorye voprosy istorii Evropejskogo Bospora vo vtoroj polovine III v. n.eh. (po materialam raskopok sklepa № 19 nekropolya gorodishcha «Belinskoe») // Bosporskie chteniya. Arheologicheskij ob'ekt v kontekste istorii. Kerch', 2013. Vyp. XIV. S. 204-212.

Zubarev V.G., Ponomarev D.YU., Efimenok V.A. Novyj sklep s polucirkul'nym perekrytiem rimskogo vremeni iz raskopok nekropolya gorodishcha «Belinskoe»// Bosporskie issledovaniya: sbornik. Vyp. XXX / Otv.red. V.N. Zin'ko. Simferopol'-Kerch', 2014. S. 248-269.

Zubar' V.M. O nekotoryh aspektah ideologicheskoy zhizni naseleniya Heronesesa Tavricheskogo v pozdneantichnyj period // Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy. K.:Naukova dumka, 1990. S. 61-84.

Myuller M. Egipetskaya mifologiya. M.: Centrpoligraf, 2006.

Pancjotova K. Pominovanie usopshih v nekropole Apollonii Pontijskoj v m. Kalfata // Bosporskij fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. SPb.:Izd-vo Gos. Ehrmitazha, 2002. CH. II. S. 3-7.

Papanova V.A. Urochishche Sto mogil - nekropol' Ol'vii Pontijskoj: Monografiya. Kiev: Znaniya Ukrainy, 2006.

Pyanichuk O.A. Kul't bogini Isidy v antichnom mire // Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. 2009. Belgorod: BelGU, 2009.

Redina E. Antichnaya pogrebal'naya tradiciya v formirovanii sakral'nogo prostranstva grecheskogo nekropolyaIV-III vv. do R.Hr. u s. Koshary // Bosporskij fenomen: sakral'nyj smysl regiona, pamyatnikov, nahodok: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii CH. 2. SPb.: Izd-vo Gos. Ehrmitazha, 2007. S. 95-99.

Saprykin S.Yu. Religiya i kul'ty Ponta ehllinisticheskogo i rimskogo vremeni. M.; Tula, 2009.

Sokolov A.V. Osobennosti pochitaniya Geliosa na territorii Ponta v rimskij period // Kondakovskie chteniya - V. Antichnost' – Vizantiya – Drevnyaya Rus': sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. N.N. Bolgov. Belgorod: NIU «BelGU», 2016. S. 52-57.

Sorokina N.P., Usacheva O.N. Ritual'nye kamennye pamyatniki iz Kepskogo nekropolya na Tamanskom poluostrove // Arheologicheskij sbornik. Pogrebal'nyjobryad. M.: Serii b/i, bukva T, 1997. S. 47-50.

Yarcev S.V. Greko-varvarskijKrym v period PozdnejAntichnosti (III-IV vv. n.eh.: ot morskikh pohodov do bitvy pri Adrianopole): Monogr. / S.V. Yarcev, V.G. Zubarev, A.Yu. Butovskij; Nauch. red. A.A. Maslennikov. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo, 2015.

УДК 94(495).01

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАРОЖДЕНИЯ
КУЛЬТА ДЕВЫ МАРИИ**

**ON SOME PECULIARITIES OF ORIGIN
OF THE CULT OF THE VIRGIN MARY**

**Д.Ю. Синьковский
D.Yu. Sinkovsky**

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125*

*Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy,
125 Lenina St., Tula, 300026, Russia*

E-mail: sd-pandorabox@yandex.ru

Статья посвящена некоторым особенностям зарождения культа Девы Марии. Основываясь на тщательном анализе основного источника по данной проблеме - «Протоевангелия Иакова», автор приходит к выводу, что в этом произведении, возникшем на греческой (эллинистической) почве, отразились верования, связанные с почитанием античных женских божеств, безусловно, сохраняющиеся в подсознании новообращенных язычников. Таким образом, в основу зарождающегося культа Девы Марии легли не только древние христианские предания о матери Иисуса, но и мотивы плодородия, переплетенные с культовыми образами женских богинь прошлого.

Ключевые слова: Культ, дева Мария, Протоевангелие Иакова, Элевсинские мистерии.

The article is devoted to some peculiarities of the origin of the cult of the virgin Mary. In the article the author considers the written source of the "Gospel of James" as a reflection of the psychological perception of a pagan traditional belief of the people of his time. The basis of which lay not only the ancient Christian give about the mother of Jesus, but the explanation of fertility is intertwined with the iconic images of female goddesses of the past.

Key words: The cult, virgin Mary, Protevangelium of James, the Eleusini-an mysteries.

Култ почитания девы Марии - относительно поздний, он зарождается уже после появления первых христианских общин и неизбежно приобретает черты, по словам И.С. Свенцицкой, в соответствии с психологическим настроем современников. Такое запоздалое обра-

щение христиан к важнейшей для них теме не случайно. Ведь необходимость защиты Марии появилась только после усиления оскорбительных нападок на мать Иисуса. Используя то обстоятельство, что Мария лишь эпизодически упоминается в канонических Евангелиях, враги христианства стали обвинять мать Иисуса в том, что она была блудницей, а, соответственно, самого Иисуса – сыном блудницы и плотника. Очевидно, что это предпринималось специально, так как незаконное рождение Иисуса выводило Его за пределы ортодоксального иудейства: согласно Второзаконию, сын блудницы (и даже пятое поколение его), как и евнух, не может войти «в общество Господне» (Втор. 23, 1-2).

Главным источником по данной проблеме является сочинение, более известное как Протоевангелие Иакова, в котором в ответ на обвинения врагов христианства подробно рассказывается о детстве и рождении Марией Иисуса Христа. Уже в раннем Средневековье текст этого сочинения был переведен на сирийский, коптский, армянский и славянские языки¹. Исходя из того, что с данным произведением был знаком Ориген и, возможно, Иустин Мученик, его необходимо датировать первыми веками нашей эры. Во всяком случае, V египетский папирус Бодмера, на котором сохранился текст Протоевангелия, относят ко II в. н.э. Видимо в это время и возник этот апокриф².

Не вызывает сомнений, что данный источник представляет собой сложную компиляцию, основанную на различных сведениях, включая и собственно христианские предания. Однако установить точное происхождение того или иного исходного материала, включенного в текст Протоевангелия, очень сложно. Особенно это касается одного из самых загадочных мест указанного сочинения, связанного с чудесным пребыванием Марии в течение нескольких лет в закрытом храме без обычной пищи и воды. Исходя из текста, как только Марии исполнилось три года, ее родители Иоаким и Анна отнесли девочку в храм. После этого «ушли ее родители, удивляясь и вознося хвалу Господу, что дитя их не повернуло назад. Находилась же Мария в храме Господнем как голубка, и пищу принимала из рук ангела. Когда же ей исполнилось двенадцать лет, стали советоваться священники, говоря: вот исполнилось Марии двенадцать лет в храме Божиим, что будем делать с ней, чтобы она каким – либо образом не осквернила³ святынь?» (Protoevangelium Iacobi, VIII).

¹ *Свенцицкая И.С.* Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 206-207.

² *Деревенский Б.Г.* Иисус Христос в документах истории. СПб., 2001. С. 206.

³ Речь идет о наступлении месячных (Там же. С. 211. Прим. 132).

На первый взгляд перед нами обычное описание традиционного обета из Книги Самуила, на что обращала внимание еще И.С. Свенцицкая. Тем не менее, исследовательница прекрасно понимала всю уязвимость такого предположения, ведь помещение девочки в Свята́х Святы́х совершенно немислимо с точки зрения верующего иудея¹. Еще одна идея ученого, о связи особой пищи Марии с необычной пищей Иисуса, о которой рассказывал гностик Валентин², также вызывает серьезные сомнения, так как не учитывает то, что в рассказе Прото-евангелия период пребывания девочки без обычной человеческой пищи в закрытом от людей храме почему-то заканчивается только с достижением ею детородного возраста. По нашему мнению, данная особенность рассказа не может быть случайной.

Обратим внимание, что в отличие от канонических новозаветных Евангелий, основу нашего источника составляет не религиозное учение Иисуса, которое отступает в тексте на задний план, а различные чудеса, подвиги и победы над противниками. Даже если в Прото-евангелии и преследуются определенные теологические цели, они, как справедливо считается, достаточно вульгарны и примитивны³. Другими словами, сочинения, подобные Протоевангелию Иакова, которые были призваны исключительно восполнить пробелы в канонических Евангелиях, резко отличаются от новозаветных образцов и даже противостоят им. Герои таких сочинений обрета́ют черты, которыми обычно наделялись сверхъестественные герои и античные божества. Поэтому если в первых Евангелиях, опирающихся в большей степени на иудейскую традицию, подробностям жизни Богородицы не нашлось места, то в Первоевангелии Иакова, которое возникло уже не на иудейской, а на греческой (эллинистической) почве, появились эпизоды, явно уводящие читателя в традиционный мир почитания античных женских божеств, безусловно, сохраняющийся в подсознании новообращенных язычников⁴.

По нашему мнению, то обстоятельство, что почитание Богоматери возникло в эллинистической среде именно во II в. н.э., позволяет обратить внимание на специфику одного из самых популярных в это время культов богини плодородия Деметры и ее дочери Коры. Дело в том, что в указанный период данные верования переживают невиданный подъем, причем на территории практически всего римского мира. Этот религиозный всплеск был напрямую связан с поддержкой

¹ Свенцицкая И.С. Ук. соч. С. 209.

² Там же. С. 209.

³ Деревенский Б.Г. Ук. соч. С. 205.

⁴ Деревенский Б.Г. Ук. соч. С. 205-207; Свенцицкая И.С. Ук. соч. С. 207.

данного культа на самом высшем уровне. После разгрома костобочками в 166 г. священного города Деметры – Элевсина, императору Марку Аврелию пришлось восстановить разоренное святилище и не только ввести ряд новшеств в проведение Элевсинских мистерий, но и самому дойти в них до высшей ступени посвящения¹. На некоторую схожесть христианских обрядов с элевсинскими уже указывалось в литературе². Мы же не исключаем, что и в основе рассказа о длительном чудесном пребывании Марии вдали от людей и человеческой пищи лежит хорошо известный миф о Деметре и Коре. Напомним, что в нем вслед за похищенной Плутоном Корой перестала интересоваться человеческим миром и Деметра. В образе старухи она странствовала по миру, пока не пришла в Элевсин. Здесь Деметра нашла приют в доме местного царя и стала нянчить его маленького сына. Погруженная в горе богиня плодородия перестала заботиться о растениях, все вокруг увяло, пропала пища, и для людей наступил голод. Тогда Зевс распорядился вернуть матери Кору, но с условием, что одну треть года она будет проводить с супругом в его подземном царстве. В то время, когда Деметра грустит в разлуке с дочерью, жизнь растений зимой замирает³. Заметим, что на связь рассказа о пребывании девочки Марии в храме без пищи и воды с указанным мифом, указывает не только отождествление ее в христианском сочинении с голубкой – известным символом Деметры⁴. Главное, на что здесь, по нашему мнению, следует обратить внимание, это то, что знаменитые Элевсинские мистерии заканчивались тем, что Кора возвращалась к Деметре, богиня отправляла Триптолема учить людей земледелию, а перед людьми разыгрывалось представление в честь священного брака Деметры, включая рождение ребенка (Hippol. Ref., V, 9).

Напомним, что именно деторождением заканчивается и сюжет христианского Протоэвангелия, в котором Мария после длительного нахождения в храме без обычной человеческой пищи, достигнув брачного возраста⁵, вскоре зачинает от Святого Духа и рождает Иисуса. Символическое рождение ребенка являлось наиболее важной частью мистериального культа. В эллинской терракотовой пластике хорошо

¹ Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев, 2009. С. 77-80.

² Лауэнштайн Д. Элевсинские мистерии. М., 1996. С. 27.

³ Скржинская М.В. Ук. соч. С. 76.

⁴ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. С. 323.

⁵ На Востоке женщины выходили замуж очень рано (*Деревенский Б.Г.* Ук. соч. С. 211. Прим. 132).

известны фигуры Деметры и Керы с маленьким Плутосом (олицетворением богатства и хлеба) или Иакхом (под которым обычно подразумевают юного Диониса). Причем в римское время, скорее всего, все же речь должна идти об Иакхе. Ведь с развитием виноградарства и включением Диониса в олимпийскую религию в элевсинских таинствах важную роль стал играть именно Иакх. Согласно орфическим учениям, Дионис под именем Загрей был рожден Персефоной (или Деметрой) от Зевса, растерзан тиранами и вновь рожден смертной Семелой, которую возмужавший Дионис вернул из подземного мира на Олимп. В Элевсинских мистериях с факелами и возлияниями Загрею дали новое имя Иакх, якобы по созвучию с Вакхом¹, хотя, конечно, представление, связанное с рождением ребенка в Элевсинских мистериях, безусловно, имеет более глубокие религиозные корни, ведь сам по себе культ богини плодородия, как и появление новой жизни, неразрывно связаны между собой априори. Даже праздник Деметры – Фесмофории – имел прямое и непосредственное отношение к деторождению. Известное граффито на терракоте сидящей богини из Борисфена недвусмысленно свидетельствует о трех главных составляющих просьб к богине: «Хлеба, воды, сына»². Третий день праздника Деметры назывался Каллигенея, когда женщины, сидя и лежа на земле, получали от нее надежду на счастливое рождение детей. В религиозной взаимосвязи плодородия земли и женщины проповедовалась одна из наиболее популярных функций Деметры Каллигенеи – Производящей прекрасное, что являлось в широком понимании вообще основой жизни людей на земле³.

О значительном отражении в рассказе Протоевангелия Иакова традиций почитания античных женских божеств свидетельствует и то обстоятельство, что в момент, когда Мария получила от ангела надежду на рождение ребенка, она занималась прядением: «... взяв пурпур, стала прясть его. И тогда предстал перед ней ангел Господень и сказал: не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога и зачнешь по слову его ... сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Всевышнего» (Protoevangelium Iacobi, XI). Известно, что у практически всех индоевропейских народов мотив прядения был напрямую связан с вопросами рождения и смерти, жизни и судьбы⁴. Более того, само по себе веретено и круглое с отверстием пряслице

¹ Русяева А.С. Религия понтийских эллинов ... С. 318.

² Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 84.

³ Там же. С. 326-327.

⁴ Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990. С. 69-76.

явно обозначали в культовой практике слияние, возрождение и, таким образом, появление новой жизни¹. Роль прядения и ткачества, как и орудий этих ремесел, однозначно соотносятся учеными с культами женских божеств (Афродитой, Деметрой, Афиной, Герой). При этом, не вызывает сомнений, что пряслицы и ткацкие грузила в качестве votивных приношений в культах всех этих богинь, так или иначе, были связаны, в том числе, и с женским порождающим началом².

Таким образом, новообращенные христиане, будучи неотъемлемой частью античного общества и людьми своего времени, не могли в одночасье оторваться от своих традиционных убеждений и взглядов и полностью отказаться от прошлого языческого восприятия окружающего мира. Такое быстрое духовное перерождение было попросту невозможно. Создавая новые христианские произведения и находясь под влиянием сверхъестественных представлений о различных явлениях и событиях современной им жизни, продолжая верить в магию и чудеса, они неосознанно сохраняли наиболее устойчивую в народном мировоззрении древнюю традицию почитания женских божеств. Именно эти верования и отразились в тексте Протоевангелия Иакова, в основу которого легли не только древние христианские предания о матери Иисуса, но и мотивы плодородия, переплетенные с культовыми образами женских богинь прошлого.

Библиография

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. В 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990.

Деревенский Б.Г. Иисус Христос в документах истории. СПб.: Алетей, 2001.

Ковальчук А.В., Кузина Н.В. Орудия прядения и ткачества из зольника I у поселения «Сиреневая бухта» в Крымском Приазовье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «История». Нижний Новгород, 2015. № 5-6. С. 54-63.

¹ *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры в 2 ч. Тбилиси, 1984. С. 441.

² *Ковальчук А.В., Кузина Н.В.* Орудия прядения и ткачества из зольника I у поселения «Сиреневая бухта» в Крымском Приазовье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «История». Нижний Новгород, 2015. № 5-6. С. 59-63.

- Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии / Пер. с нем. Н. Федоровой. М.: Энигма, 1996.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев: Наукова думка, 1992.
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Стилос, 2005.
- Свенцицкая И.С.* Первые христиане и Римская империя. М.: Вече, 2003.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. Киев: Институт истории Украины, 2009.

References

- Gamkrelidze T.V., Ivanov V.* Indoeuropeyskiy yazyk i indoeuropeytsy. Rekon-struktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury v 2 ch. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta, 1984.
- Goran V.P.* Drevnegrecheskaya mifologema sud'by. Novosibirsk: Izd-vo «Nauka», Sibirskoe otdelenie, 1990.
- Derevenskiy B.G.* Iisus Khristos v dokumentakh istorii. SPb.: Izd-vo «Al-teya», 2001.
- Koval'chuk A.V., Kuzina N.V.* Orudiya pryadeniya i tkachestva iz zol'nika I u pose-leniya «Sirenevaya bukhta» v Krymskom Priazov'ye // Vestnik Nizhego-rodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Istoriya». Nizhniy Novgo-rod, 2015. № 5-6. S. 54-63.
- Lauenshtayn D.* Elevsinskie misterii: Per. s nem. N.Fedorovoy. M.: Izd-vo «Enigma», 1996.
- Rusyaeva A.S.* Religiya i kul'ty antichnoy Ol'vii. Kiev: Izd-vo «Naukova dumka», 1992.
- Rusyaeva A.S.* Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatili-shcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroev. Kiev: Izd-vo «Stilos», 2005.
- Sventsitskaya I.S.* Pervye khristiane i Rimskaya imperiya. M.: «Veche», 2003.
- Skrzhinskaya M.V.* Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Pricher-no-mor'ye. Kiev: Izd-vo «Institut istorii Ukrainy», 2009.

УДК 94(495).01

УРБИКИЙ – ПРЕПОЗИТ СЕМИ ИМПЕРАТОРОВ

URBICIUS – PRAEPOSITUS UNDER SEVEN EMPERORS

Н.А. Богомаз
N.A. Bogomaz

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет
308015, Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod State National University
308015 Belgorod, Pobedy St. 85*

prodam_rojal@mail.ru

В этой статье рассматриваются вопросы, связанные с борьбой византийских дворцовых групп за власть и контроль над правительством в конце V в., а также роль, которую в ней играл праепозитус сагри кубули Урбикий. Автор попытался изучить вопросы о том, кем он был, какие группы он представлял, и какие интересы он имел.

Ключевые слова: Урбикий, праепозитус сагри кубули, Зенон, Анастасий, евнух, поздняя античность, Ранняя Византийская империя, дворцовые группы.

This article deals with the issues connected with the race of palace groups for power and control on government and the role played in it by the praepositus sacri cubiculi Urbicius. The author tried to study the questions about who he was, what groups he represented and which interests he had.

Key words: Urbicius, praepositus sacri cubiculi, Zeno, Anastasius I, eunuch, Late Antiquity, Early Byzantine Empire, palace groups.

Несомненно, что главной задачей «национальной партии» константинопольской верхушки во второй половине V века было противостояние исаврийской группировке¹, на которую опирался непопулярный в народе и среди сенаторской прослойки император Зенон. После нескольких неудачных попыток найти Зенону замену в виде ставленника столичной знати, борьба разгорелась внутри самой оппо-

¹ *Козлов А.С.* Политическая оппозиция правительству Византии в 476—491 гг. Основные направления и социальное содержание // *Античная древность и средние века.* 1988. № 24. С. 59-60.

зиции. Не последнюю роль в этом сыграла тёща Зенона Верина, большинство замыслов которой было исполнено, судя по всему, препозитом священной опочивальни Урбикием¹. Со смертью Верины императрица Ариадна продолжила намеченную своей матерью линию по подрыву власти Зенона руками всё того же Урбикия.

После неожиданной смерти Зенона собравшийся конвент савонников долго искал кандидата на освободившуюся вакансию, пока, наконец, Урбикий, не предложил, видимо, по заранее обговоренному сценарию, предоставить право выбора вдовствующей императрице². Та, в свою очередь, указала на бывшего силенциария Анастасия, который, наверняка, тоже был посвящен в эту интригу. В этой закулисной рокировке Урбикий сыграл свою маленькую, но весомую роль, которая привела к власти человека, чьё правление было одобрено «национальной партией» (перед коронацией Анастасий принёс высшим савонникам клятву в том, что не сохранит против них злобы, а патриарху лично подписал исповедание веры с признанием Халкидонского собора³) и позволило, хотя и не до конца, решить большинство внутренних и внешних проблем империи. Более в государственных делах Урбикий не участвовал. Но что это был за человек, какую группу столичной оппозиции он представлял и какие цели преследовал?

В своём сочинении, написанном в первой четверти VI века⁴, архидиакон Феодосий упоминает Урбикия и отмечает, что он служил препозитом священной опочивальни при семи императорах, начиная с Феодосия II и заканчивая Анастасием, во время правления которого он, должно быть, в весьма преклонном возрасте умер естественной смертью. Такой впечатляющий послужной список говорит о том, что изнанка императорского дворца была ему хорошо известна, и он умело маневрировал среди придворных группировок. Там же Феодосий пишет, что Урбикий «лично короновал императоров и возводил их на трон, а также свергал⁵». Несмотря на такую лестную характеристику, информации о его участии в государственных переворотах нет. Должно быть, Феодосий имеет в виду достаточно заметную деятельность Урбикия во время бурных событий правления Зенона.

Независимо от попыток императорской власти в первой половине V в. ослабить влияние придворных постельничих на управление

¹ The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980, Vol. 2. P. 1188-1190: Urbicius I.

² De cer. 417-425.

³ Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. III. Гл. 32.

⁴ Theodosius De situ Terrae sanctae / CSEL. 39. P. 148.

⁵ Ibid.

делами империи¹ и прекратить их вмешательство в политику, институт евнухов по-прежнему оставался достаточно быстрым социальным лифтом и предоставлял определённые возможности за счёт доступа к интимной стороне жизни императорской семьи. Достоверно не известно, каково происхождение Урбикия и к какому социальному слою он принадлежал до того, как оказался при дворе. Очевидно, он не был рабом. В тексте жития святого Ипатия, составленного после смерти святого, примерно до 450 г., говорится о том, что сам Урбикий имел рабов (*παῖδες*), и называется знатным человеком². Вероятнее всего, он не был варваром и происходил из знатного семейства, о котором нам ничего не известно.

Урбикий начал свою карьеру в 434 г. в качестве евнуха-постельничего (*subicularius*)³, очевидно, ещё юношей. Это была не самая престижная должность, но она обеспечивала весьма широкий круг связей. И именно в этот период Урбикий знакомится с неким Аэцием⁴, богатым жителем Константинополя, однако, имевшим психический недуг. Будучи ревностным христианином, Урбикий был связан с монашеской общиной в Руфиниане недалеко от Халкидона и её главой - святым Ипатием Вифинским, или, по крайней мере, знал об этом месте, куда и приводит больного Аэция. Лечение в монастыре пошло Аэцию на пользу, и впоследствии он становится ктитором общины, в том числе, отстраивает новую часовню и дополнительные кельи для братии⁵. Несколько лет спустя Аэций умирает в монастыре, это приводит к некоторому недопониманию, о чем пишет автор жития святого Ипатия⁶. Согласно кодексу Феодосия, имущество человека, умершего в монастыре, должна наследовать обитель⁷. Но настоятель Ипатий вместе с Урбикием, видимо, уладили этот вопрос иначе. Причём указывается, что Ипатий тут же раздал деньги другим монастырям, а одежду беднякам⁸. Урбикий же мог завладеть остальным недвижимым имуществом.

¹ Joannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831. P. 361.

² Callinicos. Vie d'Hypatios / ed. et trad. G.J.M. Bartelink. Paris, 1971. P. 319-320.

³ PLRE, II, p.1188-1190: Vrbicius 1.

⁴ PLRE, II, p. 20: Aetius 3.

⁵ PLRE, II, p.1188-1190: Vrbicius 1.

⁶ Callin., V. Hypatios, 72.

⁷ Cod. Theod. V, 3.1.

⁸ Callin., V. Hypatios, 72.

Согласно исследованию А.А. Чекаловой,¹ он владел как имением в самом Константинополе, так и в проастии (пригороде). Нужно также отметить, что он обладал немалым состоянием, что позволяло ему делать большие пожертвования. Путешествуя однажды на Восток, он передал епископу Эдессы 10 либр золота на постройку церкви Святой Марии². В 449 г. он уже занимает пост препозита священной опочивальни, и его имя наравне с именами других высших чиновников звучит в аккламациях в Эдессе³. Он продолжает меценатскую деятельность и строит для почившей братии Руфинианской общины склеп (ἡρώων), а после смерти настоятеля Ипатия оплачивает его саркофаг⁴. Во время воцарения Маркиана, очевидно, изменившаяся расстановка сил заставила Урбикия покинуть свой пост и посвятить себя религиозной жизни. Это произошло не ранее декабря 450 г.⁵

Что касается его политических симпатий, то принадлежал он, безусловно, к самой верхушке привилегированного слоя столичной знати, поскольку должность препозита наделяла его обладателя титулом иллюстрия и открывала дорогу в сенат. Эпизод с избранием императором Анастасия⁶ показывает, насколько высоко было влияние Урбикия среди высших сановников, однако сведений о том, что он каким-либо образом влиял на дела государства, нет. Возможно, здесь сказывались последствия политики Зенона по отстранению сенаторов от управления империей.

В 470 г. Урбикий снова занимает пост препозита священной опочивальни⁷. Э. Штайн предполагал, что это был пост praepositus Augustae⁸, поскольку все последующие его действия были направлены исключительно на обеспечение интересов Верины - супруги Льва I, а впоследствии и её дочери Ариадны, однако такое заявление спорно. Недовольство Зеноном растёт среди различных групп населения, в том числе, среди аристократии. Знать, недовольная посягательствами на ее собственность, непрекращающимися репрессиями состоятельных и

¹ Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя и крупная земельная собственность в IV - первой половине VII в. // Византийский временник. Т. 56(81). 1995. С. 20-31.

² PLRE, II, p. 1188-1190: Vrbicius 1.

³ Wright W. The chronicle of Joshua the Stylite. Cambridge, 1882. P. 66.

⁴ Callin., V. Hypatios, 138.

⁵ PLRE, II, p.1188-1190: Vrbicius 1.

⁶ De cer. 417-425.

⁷ PLRE, II, p. 1188-1190: Vrbicius 1.

⁸ Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Vol. II. P. 77-78.

сановных лиц и грабительской налоговой политикой,¹ формирует оппозицию, во главе которой стоит Верина. Она готовит почву для восстания², но инициативу перехватывает её брат Василиск и, с поддержкой некоторых высших сановников³, провозглашается императором. Зенон сбегает в Исаврию, куда за ним отправляется втайне от матери Ариадна. В этом грубо исполненном государственном перевороте Урбикий придерживался позиции Верины, выступавшей от группировки правящей аристократии, недовольной исаврийской клановой знатью, и сохранил свой пост. Однако конфликт Василиска с сестрой оттолкнул от него часть столичной аристократии, недовольной его заигрываниями с оппозиционными Зенону исаврами. Это в итоге привело к реставрации власти⁴. С возвращением Зенона оппозиция сановой аристократии раскалывается на тех, кто решает остаться лояльным императору (среди которых, видимо, был Урбикий, вновь сохранивший свою должность и имущество), и тех, кто Зенону предпочитает исаврийского магистра официий Илла.

Впоследствии имя Урбикия всплывает во время покушения на Илла, инициатором которого был бывший управляющий поместьем Урбикия Эпиник, действовавший под руководством Верины⁵, и ещё раз, организовав очередное покушение на того же Илла по указанию императрицы Ариадны. Судя по всему, препозит священной опочивальни Урбикий, представляя определённую дворцовую группировку, обладал значительным влиянием и связями, но использовал их, обслуживая только интересы определённых лиц, своих же целей он не имел, либо они полностью совпадали с целями царственных особ, которым он был верен.

После смерти Верины партия столичной сановней знати, главенство в которой, судя по всему, принадлежало теперь Ариадне, продолжила искать альтернативу засилью исаврийской военной знати и самому Зенону. Некоторые соображения на этот счёт, видимо, уже имелись, и имя нового кандидата императрица знала, и значит, могла обсудить это с преданным её интересам человеком. После подозрительной смерти Зенона 9 апреля 491 г. народ потребовал в императоры

¹ Козлов А.С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476—491 гг. Основные направления и социальное содержание // *Античная древность и средние века*. 1988. № 24. С. 62.

² Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. III. Гл. 3.

³ Ibid.

⁴ Иоанн Малала. Хронография. Книги I-VI. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. С. 84.

⁵ Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. III. Гл. 3.

римлянина, христианина, и вдобавок свободного от корыстолюбия и других страстей¹. После долгих прений, которые, как и предполагалось, будут таковыми, и о чём Ариадна заранее предупредила собравшийся на ипподроме народ, Урбикий, наконец, предложил предоставить выбор самой императрице². Она же незамедлительно назвала имя бывшего силенциария Анастасия, за которым немедленно отправили комитов протекторов и домашних.

Свою карьеру при дворе Анастасия Урбикий завершил к 504 году³. Иешу Стилит упоминает, что в это время он отправился на Восток, где посетил Амиду и Эдессу и пожертвовал там большие суммы денег⁴. Учитывая то, что Урбикий слыл набожным человеком, нужно полагать, что поездка была паломнической, поскольку конечным ее пунктом был Иерусалим. Видимо, к этому времени относится сообщение Феодосия о том, что Урбикий вынул камень, на который когда-то присела Богородица, и вырубил из него алтарь, чтобы отправить его в Константинополь. Однако, запряженная быками телега не могла сдвинуться с места, поэтому алтарь этот был доставлен в Иерусалим, в Храм Гроба Господня⁵. Далее Феодосий сообщает, что умер Урбикий в Константинополе, и «могила три раза выбрасывала его тело»⁶. Более сообщений об Урбикии в источниках мы не находим.

Похоже, что, как и все евнухи-препозиты до него, Урбикий в юном возрасте был вхож в императорскую семью, служа при дворе, заработал огромное состояние и получил влиятельных покровителей в лице тещи императора Зенона Верины, а позднее её дочери Ариадны, за свою исключительную преданность.

Однако, подобно евнухам его положения, таким как Евсевий или Антиох, он не использовал весь потенциал своего положения в личных целях и выступал скорее как инструмент в закулисных интригах. По крайней мере, так это отражено в источниках.

Гораздо больше сведений о нём мы встречаем не у хронистов, а в церковной литературе (историях и агиографии), где он предстаёт человеком, не лишённым глубокого чувства веры, что не помешало ему привести к власти двух монофизитов: Василиска и Анастасия, видимо, в угоду своим покровителям.

¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1. СПб.: Алетей, 2003. С. 393.

² De ser. 421.

³ PLRE, II, p. 1188-1190: Vrbicius 1.

⁴ Wright W. The chronicle of Joshua the Stylite. Cambridge, 1882. P. 66.

⁵ Theodosius de situ Terrae sanctae / CSEL. 39. С. 148.

⁶ Ibid.

Библиография

Иоанн Малала. Хронография. Книги I-VI. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016.

Козлов А.С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476—491 гг. Основные направления и социальное содержание // *Античная древность и средние века*. 1988. № 24. С. 59-60.

Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1. СПб.: Алетейя, 2003.

Чекалова А.А. Сенаторская аристократия Константинополя и крупная земельная собственность в IV - первой половине VII в. // *Византийский временник*. Т. 56(81). 1995. С. 20-31.

Callinicos. Vie d'Hypatios / ed. et trad. G.J.M. Bartelink. Paris, 1971.

Johannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. Vol.

II.

The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. 2.

Wright W. The chronicle of Joshua the Stylite. Cambridge, 1882.

References

Ioann Malala. Hronografija. Knigi I-VI. Belgorod: NIU «BelGU», 2016.

Kozlov A. S. Politicheskaja oppozicija pravitel'stvu Vizantii v 476—491 gg. Osnovnye napravlenija i social'noe sodержanie // *Antichnaja drevnost' i srednie veka*. 1988. № 24. S. 59-60.

Kulakovskij Ju.A. Istorija Vizantii. T.1. SPb.: Aletejja, 2003.

Chekalova A.A. Senatorskaja aristokratija Konstantinopolja i krupnaja zemel'naja sobstvennost' v IV - pervoj polovine VII v. // *Vizantijskij vremennik*. Т. 56(81). 1995. S. 20-31.

УДК 94(495).01

**ИОАНН ЛИД И ГЕСИХИЙ МИЛЕТСКИЙ: СПЕЦИФИКА
ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКВАРНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РАННЕЙ
ВИЗАНТИИ**

**JOHN THE LYDIAN AND GEECHIY OF MILETUS: THE SPECI-
FICITY OF FORMATION OF ANTIQUARIAN INTERESTS IN
EARLY BYZANTIUM**

М.М. Снина

M.M. Siniza

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National University

308015 Belgorod, Pobedy St. 85

sinitcam @yandex.ru

Данная статья посвящена сравнению жизни и творчества двух ранневи-
зантийских авторов, писавших в антикварном жанре, Иоанна Лида и Гесихия
Милетского. Анализ их биографий показывает общность их происхождения,
жизненного пути, социального окружения и культурной среды. Оба были
весьма образованными выходцами из эллинизированных регионов Малой
Азии, их жизнь и карьера связаны с имперской службой в столице – Констан-
тинополе. В результате этого сформировались основные черты их антиквар-
ных интересов, основные идеи которых - стремление связать античное про-
шлое с современностью, романоцентризм, интерес к древнегреческой филосо-
фии, схоластическая традиция.

Ключевые слова: Иоанн Лид, Гесихий Милетский, антикварианизм,
ранневизантйские антиквары, континуитет.

This article is devoted to comparing the life and works of two early Byzan-
tine authors who wrote in the antiquarian genre, John Lydus and Hesychius Miletus.
An analysis of their biography shows the commonality of their origin, life path,
social environment and cultural background. Both authors were highly educated
descendants from the Hellenized regions of Asia Minor, their life and career are
connected with the imperial service in the capital - Constantinople. As a result, the
main features of their antiquarian interests were formed, the main ideas of which
were the desire to connect the ancient past with modernity, romanocentrism, interest
in ancient Greek philosophy, the scholastic tradition.

Key words: John Lydus, Hesychius Miletus, antiquarianism, Early Byzantine antiquarians, continuity.

Тема данной работы посвящена сравнению двух ранневизантийских антикваров VI в. - Иоанна Лида¹ и Гесихия Милетского² в контексте исследования культурного континуитета с античностью в Ранней Византии. Оба автора являются историками и представителями антикварно-традиционного направления в Ранней Византии. Если Иоанн Лид напрямую определяется исследователями как антиквар³, то вопрос о Гесихии остается открытым, так как сочинения последнего сохранились лишь во фрагментах. Сравнение жизни и творчества обоих писателей позволяет понять истоки формирования антикварных интересов в Ранней Византии, выявить их основные черты и особенности.

Иоанн Лид является автором трех антикварных сочинений: «О месяцах», описывающее традиционный древнеримский календарь и основные праздники каждого месяца⁴; «О знамениях», в котором дан греческий перевод сочинений древнеримских писателей, посвященных природным явлениям как предзнаменованиям исторических событий⁵; «О магистратах» - главная работа писателя, где представлена история административного устройства римского государства от его образования до времен императора Юстиниана включительно, причем в центре внимания трактата находится Восточная префектура претория, рассматриваемая как ключевой административный институт современного автору государства⁶.

¹ См.: Ioannes Lydus 75 // PRLE II. P. 612-615.

² См.: Hesychius 'Illustrius' 14 // PLRE II. P. 555.

³ См.: Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York: Routledge, 1992.

⁴ По: Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: Edwin Mellen Press, 2013. Также в квадратных скобках даны главы по изданию Р. Вюнша Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus / Ed. R. Wuensh. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1898; о конкордансе изданий трактата «О месяцах» см.: Сунуца М.М. Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий // Ирсидона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С. 147-176.

⁵ По: Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / Ed. C. Wachsmuth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1897.

⁶ По: Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

В отличие от Лида, информация о сочинениях Гесихия восстанавливается из позднейших источников – «Мириобиблиона» Фотия¹ и словаря «Суда»²: известно, что он написал Всемирную хронику от времен ассирийского царя Бела до смерти императора Анастасия, историческую работу о царствовании Юстина I и Юстиниана I (Phot. Bibl. 69), «Ономатологи»³ – словарь биографий античных писателей, ставший одним из протографов «Суды» (Suid. H 611); из сохранившихся фрагментов наиболее ценен отрывок «Происхождение Константинополя»⁴, который относят к первой из вышеперечисленных работ Гесихия⁵. Оценка творчества Гесихия также позволяет считать его представителем антикварного направления в Ранней Византии, так как его произведения обладают признаками антикварианизма, выделяемыми А. Момильяно: интерес к древности, энциклопедичность, систематизация, эрудитский и отвлеченно-научный характер⁶, особенно это касается «Ономатологов».

Рассматривая биографии писателей, следует отметить сходство их жизненного пути. Оба автора были современниками, оба родились при императоре Анастасии, оба происходили из сильно эллинизированных городов западных частей Малой Азии, Иоанн из Филадельфии Лидийской, а Гесихий – из Милета. Согласно исследователям, все малоазиатские области стали в основном полностью эллинизированы в римское время⁷. В их жизни значимое место занимали образование и государственная служба.

Иоанн Лид родился в 490 г. в Филадельфии, столицы провинции Лидия (Lyd. De mag. III.26). Его отец носил христианское имя Лаврентий; считается, что он принадлежал к социальной верхушке города, так как его сын получил хорошее образование, включавшее латинский

¹ По: Photii Bibliotheca ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini typis et impensis G. Reimeri, MDCCCXXIV.

² По: Suida Lexicon ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini typis et impensis G. Reimeri, MDCCCLIV.

³ По: Hesychii Milesii Onomatologi, quae supersunt cum prolegomenis edidit Ioannes Flach. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MDCCCLXXXII.

⁴ По: Scriptores Originum Constantinopolitanarum / rec. Th. Preger. Fasciculus Prior. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MCM I. P. 1-18.

⁵ Treadgold W. Early Byzantine historians. PM, 2010. P. 272.

⁶ Momigliano A. Ancient History and Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, Vol. 13, No. ¾. 1950. P. 285-315.

⁷ Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge University Press, 2007. P. 23-24.

язык¹. В 21 год Иоанн покинул родной город и отправился в Константинополь, дабы поступить на имперскую службу в столице. Полученное образование способствовало тому, что он смог быть слушателем в частной философской школе неоплатоника Агапия в Константинополе, как указывает автор – последнего и лучшего из учеников великого Прокла (Lyd. De mag. III.26). О высоком положении семьи Лида свидетельствовали также те связи, которые молодой человек нашел в Константинополе. Согласно позднеантичной и византийской практике, молодой человек отправлялся в другой город в образовательных или карьерных целях, если там у него находились родственники или земляки². В Константинополе Иоанну покровительствовал его земляк, префект Восточной префектуры претория 512 г. Зотик, обеспечивший ему небывалый карьерный взлет: он смог за первый год службы зарабатывать тысячу золотых монет, его взяли на должность первого хартулярия адьюторы из отдела «ab actis», - неслыханное дело в те времена, кроме того, он работал секретарем и помощником скорописцев в других отделах, а также в суде префектуры, стремясь достигнуть должности «a secretis» при дворе (Lyd. De mag. III.26-28). При императоре Анастасии Иоанн служил также хартулярием в отделе комментариенсиев – государственных обвинителей преступников³ (Lyd. De mag. III.17). Кроме того, с ним вместе очень успешно служил его двоюродный брат Аммиан, способствовавший очень удачной женитьбе Иоанна (Lyd. De mag. III.28). Его молодая жена, по некоторым предположениям, могла быть дочерью его начальника⁴ и также являлась лидийкой⁵, к сожалению, она умерла вскоре после свадьбы (Lyd. De mens. IV.86 [=IV.89]). Исходя из того, что Лид первоначально планировал поступить на службу в департамент магистра оффиций, судя по всему, родственники у него были и там. После удачной женитьбы Иоанн целиком сосредоточился на службе в префектуре. Он указывает, что ожидал еще больших благ здесь, возможно, в связи с покровительством своего

¹ *Maas M.* John Lydus... Op. cit. P. 25.

² *Kalogeras N.* The Role of parents and Kin in the Education of Byzantine Children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / ed. K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. P. 133-143.

³ *Bandy A.C.* Introduction / Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013. P. 4-5.

⁴ *Downey G.* Constantinople in the Age of Justinian. University of Oklahoma Press, 1981. P. 154.

⁵ *Bandy A.C.* Introduction... Op. cit. P. 3.

тестя, однако Дж. Кейми связывает это с законом 524 г. о запрете совмещения чиновником двух должностей (CJ 12.33.5)¹. Впрочем, надежды Иоанна не оправдались, с назначением префектом Иоанна Каппадокийца, ориентировавшегося на отдел скриниариев², его карьера резко пошла на спад, он возненавидел службу и посвятил себя литературной деятельностью. Она оказалась настолько успешной, что привлекла внимание самого императора. Благоклонность императора хронологически совпадает с краткой префектурой Фоки (532 г.)³, с которой связаны последние карьерные успехи Иоанна (Lyd. De mag. III.72-73), что может говорить о том, что последний способствовал интересу императора к своему протезе. Так или иначе, василевс поручил Лиду подготовить и прочесть панегирик в свою честь на латыни перед посланниками из Рима. Он оказался настолько хорош, что Юстиниан стал побуждать автора подготовить историческую работу о его войне с персами, а также отправил приказ в префектуру города о назначении последнего на должность преподавателя в государственном университете Константинополя (Lyd. De mag. III.29). Иоанн стал преподавать, одновременно состоя на службе в префектуре. В конце своей службы он занимал должность матрикулярия (Lyd. De mag. III.66, Phot. Bibl. 180), однако она была уже чисто формальной и не приносила ему никакого дохода. Всего Лид прослужил 41 год и 4 месяца, отставка со службы происходила в очень торжественной обстановке, префект лично зачитал постановление о признании его заслуг, Иоанну были вручены награды и присвоены различные звания, хотя автор высказывает недовольство их формальным характером (Lyd. De mag. III.25, 30). Вопрос о конечном poste Иоанна Лиды является дискуссионным, М. Маас считает, что он был в должности примискриния⁴, однако К. Келли полагает, что он достиг самого высокого поста корникулярия⁵.

О карьере Иоанна Лиды в качестве преподавателя мало что можно сказать, в послании префекта при его отставке отмечаются успехи в его научной и преподавательской деятельности, однако конкретные дисциплины, которые он преподавал, не выделены. Учитывая исходные условия его назначения, наиболее вероятно предположить, что он преподавал латынь (Lyd. III.29-30). По мнению М. Мааса, ком-

¹ *Caimi J.* Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Giovanni Lido. Milan, 1984. P. 57.

² *Kelly Ch.* John Lydus and the Eastern Praetorian Prefecture // *Byzantinische Zeitschrift.* Band. 98. Heft. 2. 2005. S. 431-458.

³ Phocas 5 // PLRE II. P. 881-882.

⁴ *Maas M.* John Lydus... Op. cit. P. 31.

⁵ *Kelly Ch.* John Lydus and the Eastern...

педиальный характер сочинений Лида указывает на то, что это могли быть материалы лекций, хотя и несколько неукложе встроенные в процесс обучения¹.

Дата смерти Лида неизвестна и вызывает многочисленные споры. Большинство исследователей полагает, что он умер до конца царствования Юстиниана, хотя немецкие историки выдвинули гипотезу, что он застал царствование императора Юстина II², - исходя из его упоминаний о консульстве в «О магистратах римского народа» (Lyd. De mag. II.8). Но в настоящее время она не поддерживается: З.В. Удальцова полагала, что Лид писал свою последнюю работу до 565 г.³, с этой точкой зрения соглашается и Н.Н. Болгов⁴; по предположению Э. Штайна, последнее сочинение Лида было закончено не позже 561 г., что, соответственно, считается и верхней границей его жизни⁵, этого же мнения придерживаются М. Маас⁶ и кембриджские историки⁷. Согласно А. Бэнди, работа над последним трактатом Лида была прекращена не позже 558 г., возможно, в связи со смертью автора⁸. М. Дюбюиссон и Ж. Шамп полагают, что Лид умер между 556 и 557 гг. на основании упоминания Лидом о второй войне Юстиниана против Хосроя (Lyd. De mag. III.55)⁹. Дж. Кейми считал, что нет никаких аргументов, чтобы говорить о жизни и творчестве Лида после 552 г.¹⁰, что

¹ *Maas M.* John Lydus... Op. cit. P. 30.

² *Zachariae von Lingenthal C.E.* Joannes, des Philadelphiers Laurentius Sohn, genannt Lydus // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte.* 12. 1892, Röm. Abt. P. 79–80; *Ensslin W.* Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos περί ἀρχῶν // *Philologische Wochenschrift.* 62. 1942, No. 49/52 (December 5).

³ *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в. // *Византийский временник.* Т. 45 (70). 1984. С. 54-65.

⁴ *Болгов Н.Н.* Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // *Иресиона. Античный мир и его наследие.* Вып. 2. Белгород, 2002. С. 118-120.

⁵ *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Tome II: De la Disparition de l'Empire d'Occident à la Morte de Justinien (487-565). Paris – Bruxelles - Amsterdam, 1949. P. 839-840.

⁶ *Maas M.* John Lydus... Op. cit. P. 8.

⁷ *Ioannes Lydus* 75.

⁸ *Bandy A.C.* Introduction... P. 27.

⁹ *Jean Lydien.* Des Magistratures de L'État Romain. In 2 t. T. I. 1-ère partie. Introduction générale / Texte et., tr. et com. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006. P. XLVI-XLIX.

¹⁰ *Caimi J.* Op. cit. P. 123.

разделяет и Т. Валлинга¹. У. Тредголд, говоря о поздних умолчаниях Иоанна Лида, предположил, что он мог стать жертвой чумы 558 г.²

Гесихий был родом из Милета, откуда получил свое прозвище, сыном некоего адвоката Гесихия и Философии (Phot. Bibl. 69). Имя его матери наводит исследователей на мысль, что семья автора принадлежала к языческим интеллектуальным кругам³. Судя по всему, он получил хорошее образование, преуспел в грамматике и риторике – Фотий отмечает красоту и соразмерность слога писателя (Phot. Bibl. 69). Время жизни писателя относят к VI веку, «Суда» указывает, что он родился при императоре Анастасии (Suid. H 611). Скорее всего, он был современником Иоанна Лида и Иоанна Малалы. Кроме того, в пользу этой версии говорит одна фрагментарная надпись из Милета, посвященная некому Гесихию, что свидетельствует о его очень преклонном возрасте⁴. Гесихий был достаточно успешен на служебном поприще, получив титул «иллюстрия» - высший аристократический разряд для ранневизантийских чиновников⁵.

О служебной деятельности Гесихия предположительно свидетельствуют и милетские надписи, в одной из которых говорится, что Гесихий сын Гесихия был столичным чиновником, блестящим оратором в департаменте префекта (претория?), и получил средства от императора на восстановление бань (предположительно Фаустина, где она была найдена) в Милете. У Кодина он обозначен как скорописец (*ταχυγράφος*) (Georg. Cod. Orig. Const., p. 18)⁶, что вполне соответствует началу карьерного продвижения Иоанна Лида (Lyd. De mag. III.26). Другая надпись была сделана на базе статуи в его честь, украшенная крестами с перечислением его благодеяний городу: строительство бань Фаустина, водопровода, большого храма и колонны с изображением

¹ Wallinga T. The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA. 39. 1992. P. 359-380.

² Treadgold W. Op. cit. P. 262.

³ Kaldellis A. The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 45 (2005). P. 381-403.

⁴ О надписях в Милете, посвященных некому Гесихию, см.: Krischen F. Milet I.9 Thermen und Palaestren. Berlin 1928. P. 168-171 (nos. 341-343); Herrmann P. Inschriften von Milet VI.1. Berlin - New York, 1997. P. 213-214; Busch S. Versus balnearum: Die antike Dichtung über Bäder und Baden im römischen Reich. Stuttgart – Leipzig, 1999. P. 178-185.

⁵ Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи (Заметки о некоторых классах чиновников в IV – VI вв.) // Византийский временник. Т.29 (54). 1968. С. 88-94.

⁶ По: Georgii Codini Excerpta De Antiquitatibus Constantinopolitanis ex recensione Immanuelis Bekkeri. Bonnae impensis Ed. Weberi, MDCCCXLIII.

императора. Возможно, как и Иоанн Лид, в конце жизни Гесихий занимался преподавательской деятельностью. «Ономатологи» Гесихия могли быть сборником по истории философии, которые создавались для учебных целей¹. Фотий также сообщает, что писатель имел сына Иоанна, который умер раньше него, то есть, он был женат и имел семью (Phot. Bibl. 69). Пораженный смертью сына, писатель утратил стремление к творчеству, что может говорить о том, что это был его единственный ребенок. Смерть сына вполне могла быть связана с эпидемией чумы, периодически вспыхивавшей в Византии в течение VI века². При таких обстоятельствах потерял своих детей и многих родственников и историк Евагрий Схоластик (Evagr. HE. IV.29). Ряд исследователей доводят время жизни автора до 80-х гг. VI века³, исходя из приписываемой ему биографии историка Агафия в «Ономатолагах» (Hesych. Onomat. IVa): «Агафий Схоластик Миринейский, написавший после Прокопия «Историю» [Кесарийца, относительно Велизария и в Италии и в Ливии дел, кого есть и относительно Нарзеса в Италии, и в Лазике, и Византии]. Он составил и другие книги, и в стихах, и в прозе: и называемые «Дафники», и цикл новых эпиграмм, которые он собрал из современных поэтов. Процветал же вместе с Павлом силенциарием, и Македонием консулом, и Трибонианом во времена Юстиниана»⁴.

Работы Гесихия и Иоанна Лида имеют много общего. Они посвящены языческой древности, базируются на античных нехристианских источниках. Для них характерен романоцентризм, компилирование из многих источников, внимание к философии, интерес к языческим оракулам, провозглашение идеи континуитета с древностью на основе преемственности Рима и Константинополя. Аналогичны и ошибки писателей, их поверхностность в некоторых материях, сокращенность материала по сравнению с первоисточниками.

Огромное внимание древности уделяет Иоанн Лид. Полностью антикварный характер носит его сочинение «О месяцах». Оно разделено на четыре книги, в первой дается первоначальная история римского календаря и связанных с ним вещей: появление алфавита и счета, изобретение ипподрома, символизирующего устройство космоса и небесные тела как первооснову календаря, первые календарные реформы Ромула и Нумы в Риме; в третьей рассматривается происхож-

¹ Кривушин И.В., Кривушина Е.С. Византийская школа. Иваново, 2002. С. 25.

² Antoniou I., Sinakos A. The Six-Century Plague // Byzantinische Zeitschrift. Band. 98. Heft. 1. 2005. S. 1-4.

³ Treadgold W. Op. cit. P. 276.

⁴ Перевод наш.

дение и сущность древнеримского месяца, его разделение на календы, ноны и иды, обычаи и празднества в эти дни, образование и измерение года у римлян. Четвертая книга разделена на двенадцать частей, соответствующих каждому месяцу года. Каждая из них описывает происхождение определенного месяца, его божество-покровителя, которому дается интерпретация в свете философских учений, основные языческие праздники в каждом месяце и их обрядово-ритуальную сторону, причем упор делается на те, которые соответствуют сохраняющимся современным обычаям, различные знамения и природные явления, наблюдаемые в эти дни в древности. Воспроизведением сочинений античных писателей о различных природных явлениях (солнечные и лунные затмения, громы, молнии, землетрясения и извержения вулканов, направления ветров), наблюдавшихся в древности, является трактат «О знамениях» с кратким авторским введением. Древней истории римской власти посвящена первая из трех книг «О магистратах».

Языческая древность привлекает и Гесихия. «Происхождение Константинополя» посвящено языческой древности города Византий. «Происхождение Константинополя», как считается, относится ко «Всемирной хронике», вероятно, к пятой или шестой части работы, посвященной основанию новой столицы (см. выше). Здесь описывается дохристианское прошлое города, его историческое развитие. Гесихий дает различные версии об основании города, как аргивянами, так и мегарцами, приводя мифологические основы этого. Сам он склонялся считать основателями аргивян, связывая названия местности города «Рог» с мифом о корове Ио. Кроме того, он приводит несколько вариантов мифов о легендарном первом царе города – Византе, давшем ему свое имя. Писатель дает информацию о ритуалах при основании города, борьбе с фракийцами местных поселенцев, строительстве городских стен и сооружений, акцентируя внимание на языческих священных местах и храмах, объясняет топонимы города. При описании строительства древних сооружений он также приводит информацию, какие постройки находятся там в современное ему время (Hesych. Patr. Const. 1-18). «Ономакологи» Гесихия являются, по сути, сборником биографий античных поэтов, писателей, историков, грамматиков, медиков и философов. Статьи о них расположены в алфавитном порядке, они очень небольшие, в каждой дается краткая биография персоналии, ее происхождение, род деятельности, время жизни, а также перечисляются основные труды. Это произведение является, по сути, энциклопедией.

лопедическим компендиумом, характерным для ранневизантийского времени¹.

Особенностью антикварного подхода обоих писателей является изучение древности в традиционалистском русле, внимание на классической античности, без внимания к христианским учениям и толкованиям. В частности, исследователи отмечают, что Иоанн Лид, давая обширный материал о римских древностях, практически не ссылается на христианских авторов, которых у него можно пересчитать по пальцам². Из более чем 600 ссылок писателя на различные источники, на библейские книги дается только 5, а также на одного христианского писателя - Оригена, однако в контексте его философии; помимо этого, из более чем 50 ссылок на позднеантичных авторов (III-VI вв.) только одна дается на хронику христианского писателя Евсевия Кесарийского, тогда как все остальные - на светских поэтов, историков и философов-неоплатоников³. Что касается Гесихия, то автор статьи про него в «Суде» прямо подозревает его в язычестве, указывая, что в своем «Ономастологе» он не указал ни одного христианского автора (Suid. H 611). Выводы о криптоязычестве Лида и Гесихия делает в своих работах и Э. Калделлис⁴.

Важный вклад в развитие подобных взглядов вносит интерес обоих писателей к языческим оракулам. Лид демонстрирует высокий интерес и доверие к ним, считая их действующими и в настоящее время. Оракулы у Лида, по нашему мнению, можно разделить на три категории: халдейские, которые призваны божественно подтвердить неоплатонические тексты, исторические, которые предсказывают будущие события, и бытовые, регулирующие правила поведения в повседневной жизни⁵. Гесихий приводит оракул об основании Константинополя, полагая его актуальным и в нынешние времена (Hesych. Patr. Const. 3, 32).

Однако связывание антикварианизма обоих авторов с их религиозными взглядами кажется слишком смелым. Более близкими к ис-

¹ *Maas M. Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. by M. Maas. Cambridge University Press, 2006. P. 3-28.*

² *Удальцова З.В. Указ. соч.*

³ *Maas M. John Lydus... Op. cit. / Appendix. P. 101-134.*

⁴ *Kaldellis A. The Religion of Iohannes Lydos // Phoenix. Vol. 57. No. ¾. Autumn - Winter, 2003. P. 300-316; Ibid. The Works and Days of Hesychios...*

⁵ *Синица М.М. Сравнение образов древней истории у Иоанна Лида и Иоанна Малалы // Кондаковские чтения-V. Античность-Византия-Древняя Русь. Белгород, 2016. С. 119-138.*

тине кажутся взгляды Эв. Кэмерон, утверждавшей, что интерес к античному прошлому вне христианского контекста был лишь литературным приемом, частью классицистического литературного дискурса, характерного для нарративной традиции ранней Византии, опиравшейся на классическую систему образования¹. В пользу этого говорят и косвенные данные, которые можно извлечь о вероисповедании Иоанна Лида и Гесихия из источников. В частности, Лид непосредственно связывает свои карьерные успехи с покровительством христианского Бога (τοῦ Θεοῦ) (Lyd. De mag. III.27), противопоставляет могущество нынешней империи под покровительством христианского Бога древнеримскому государству (Lyd. De mag. II.24), резко критикует неблагочестивое поведение ставленника Каппадокийца Максиллопломбакия перед святыми христианскими реликвиями (Lyd. De mag. III.59).

Вопрос о Гесихии также следует решить скорее в пользу христианства. В частности, если религию Лида Фотий подвергает сомнению, то о Гесихии он не говорит ничего (Phot. Bibl. 69). Наоборот, некоторые исследователи, опираясь на слова Фотия о том, что Гесихий прославляет Анастасия (Phot. Bibl. 69) и восторженно и добротнo описывает творчество Иоанна Филопона (Hesych. Onomat. CCCCXIX) («Иоанн, александрийский грамматик, прозванный «Филопон». Его сочинения многочисленны: грамматические, философские, арифметические, риторические, о Священном Писании и против 18 умозаключений Прокла, а также против Севера. Кроме того, так как со стороны учителей Церкви в качестве троебожника выводился, из списков православных изгнан») в «Ономатологах», его считают монофизитом². В пользу христианства говорят также успехи Гесихия на имперской службе и строительство им храма в Милете, а также интегрированность произведений Гесихия в византийскую традицию – вся информация о его литературной деятельности сохранилась в позднейших источниках. Одна из греческих рукописей IX-X вв., содержащая информацию о жизни св. Григория Богослова, приписывает ее авторство именно милетскому автору, указывая даже, что он мог быть священником³.

Большое место у писателей отводится философии, особенно это касается Иоанна Лида. В «О месяцах» абсолютное большинство цити-

¹ Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. London, New York: Routledge, 2005. P. 35.

² Treadgold W. Op. cit. P. 270.

³ Wentzel G. Die griechische Übersetzung der viri illustres des Hieronymus (Texte und Untersuchungen 13.3). [Leipzig 1895]. S. 4 ff.

рованных относится к сочинениям философов, наиболее часто автор ссылается на Платона, Аристотеля, философов-неоплатоников (Плотин, Порфирий, Ямвлих, «Гермес Трисмегист» и др.), связанные с неоплатоническими учениями «Халдейские оракулы»; философской нумерологической интерпретации подвергается порядковый номер каждого дня семидневной недели во второй книге, античные божества и мифы в четвертой. В «О магистратах» с философских позиций осмысливается эволюция должности магистра конницы (Lyd. De mag. II.23), вульгализируется неоплатоническая концепция о сотворении мира (Lyd. De mag. III.71). Интерес Гесихия к данным вопросам проявляется в статьях об античных философах в «Ономатологах» - чтобы их создать, необходимо было ознакомиться с их жизненным путем, сущностью их учений и основными работами.

Важнейшей точкой пересечения интересов Гесихия и Лида является романоцентристская направленность их произведений. Наиболее совпадает она у обоих писателей в периодизации истории. Иоанн Лид дает периодизацию римской истории в начале трактата «О магистратах», а периодизация «Всемирной хроники» Гесихия дается в кратком пересказе Фотия. Они практически идентичны.

У Иоанна Лида (Lyd. De mag. I.2): «Совершаются, итак, от прибытия в Италию Энея до [основания] города Рима 439 лет по Катону Старшему и Варрону - римлянам, а по Африкану же и Кастору <и> Памфилу 417 лет. От [основания] города <Рима> же до изгнания [царей]-рексов пробежало 243 года. А от консулов до первого Кесаря - 465 (или согласно другим шесть) лет. От Кесаря же до Константина прошло 375 лет, от него же до кончины василевса Анастасия - 224 года, сверх [того] семь месяцев <прошло>; из них если бы кто-то вычел девять лет, каковых при основании священного Рима находился царствующим Константин, то собирается же от основания этого счастливого города 215 лет, сверх [того] семь месяцев. Итак, вычислил бы кто-то от Энея до кончины доброго Анастасия всего 1746 лет, сверх [того] семь месяцев».

У Гесихия (Phot. Bibl. 69): «...Разделяет же предмет своих усилий на шесть частей, из которых первая часть охватывает события до Троянской войны, вторая же - от взятия Илиона до основания Рима, третья же - от основания Рима до тех пор, пока римлянами консулов не было установлено господство, уничтожившими царскую власть в шестьдесят восьмую Олимпиаду; четвертая же, в которой именно римлянами предводительствовали консулы, или от шестьдесят восьмой олимпиады до сто восемьдесят второй олимпиады, когда и выбрала таковая власть Юлия Кесаря, ставшего единоличным правителем. Пя-

тая же охватывает время от монархии Юлия Кесаря до тех пор, когда Византий в великой славе силы вознесся, в двести семьдесят седьмую олимпиаду учрежденный. Шестая же, в которой Константинополь был счастлив иметь царем Константина, и до кончины Анастасия, кого сам писатель прославляет, не знаю почему, что ласковостью и кротостью от многих отличался; его кончина совпадала с одиннадцатым индиктом, когда Магн был единственным консулом. Охват времени - тысяча сто девяносто лет. В них и заключается повествование...».

Совпадение выделяемых периодов настолько разительно, что М. Дюбюиссон и Ж. Шамп делают вывод, что Лид просто воспроизвел периодизацию Гесихия, которая, в свою очередь, может восходить к общему источнику – «Константинопольской хронике»¹. Если у Лида романоцентричный характер периодизации оправдан содержанием трактата, то для Гесихия этот момент показателен. Однако датировочная система Гесихия связана с греческими олимпиадами, тогда как Иоанн Лид на протяжении трактата делает датировки в основном по консулам - официальная датировочная система, которая была принята и в законодательных памятниках.

Однако при анализе периодизаций обоих писателей сразу бросаются в глаза грубые хронологические ошибки. У Иоанна Лида получаются неверные и запутанные датировки относительно правления императора Константина, основания Константинополя, смерти императора Анастасия, что вызвало многочисленные дискуссии². Гесихий на два года ошибается в годе основания Константинополя, давая в качестве такового 332 г. (Hesych. Patr. Const. 1), хотя, в то же время, необыкновенно точно датирует смерть Анастасия консульством Магна, вполне совпадая с Марцеллином Комитом (Marc. Com. Chron. 518) и Иоанном Малалой (Malal. Chron. XVII.1). Кроме того, явно ошибочна общая сумма лет у Гесихия от ассирийского царя Бела до Анастасия, согласно Фотию, – 1190 лет, что дает начальную дату 673 г. до н.э., никак не соответствующую действительности. Выразителен в этом плане фрагмент о Рождестве Христовом, приписываемый Гесихию. Отрывок показывает, что писатель следовал «эре 6000 года», при которой Распятие произошло на 6000 год от Сотворения мира, к чему приурочивалось и Рождество с учетом 33-летия Христа. Это достаточно редкая и оригинальная эра: здесь Рождество Христово датируется 42-м годом правления Августа и сопоставляется с эрой антиохийцев

¹ Jean Lydien. Des Magistratures... P. CCXCIX.

² Wallinga T. Op. cit.

(Hesych. In nat. Chr.)¹. Об этой эре более подробно рассуждает современник Гесихия Иоанн Малала. У Малалы она пестрит ошибками, так как разные хронологические традиции смешиваются у него из конъюнктурных соображений, в результате чего возникает страшная путаница² («гибридная хронология»)³.

Еще одним общим моментом романоцентризма у Лида и Гесихия является отношение к Константинополю как Новому Риму, утверждение континуитета новой столицы с древней. У обоих авторов в периодизации основание Константинополя является важной временной точкой, от которого делается отчет лет, в чем явно видна аналогия с Римом.

Иоанн Лид при описании древнеримского ипподрома дает информацию о строительстве ипподрома в Византии императором Септимием Севером, подчеркивая преемственность Константинополя по отношению к Риму (De mens. I.6 [=I.12]). Он утверждает, что Константинополь является образом Рима, как единица является выражением монады, таким путем также утверждая исключительность Рима, прямо называя Константинополь Новым Римом после проведения обряда посвящения (consecratio) императором Константином (De mag. II.30). Также он указывает, что Константинополь носит то же священническое имя, что и Рим – *Flora*, или по-гречески *Ἀνθοῖσα* (De mens. II.13 [=IV.30], IV.77 [=IV.73, 75]), упоминая и о языческих церемониях при основании новой столицы (De mens. IV.2 [=IV.2]).

Гесихий также прямым образом указывает на преемственность Константинополя от Рима, подчеркивая, что первый перенял титул древней столицы, когда дела последнего подошли к концу (Hesych. Patr. Const.). Кроме того, древнейшая история Византия служит как бы зеркалом, в котором отражается история Рима. Выделяются следующие параллели: Визант как Ромул, семь топархов Византия как семь первых царей Рима, осада города Филиппом, спасенном собаками, как осада Рима галлами, спасенном гусьями; кроме того, общим является чередование тиранического, аристократического, демократического и монархического режимов на протяжении истории городов, а также

¹ По: Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014. С. 281-282.

² Там же. С. 286-287.

³ Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и медиализация исторического знания в Ранней Византии. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2017. С. 24.

формирования населения за счет переселенцев из других местностей¹. В отличие от Зосима (Zos. Hist. Nov. II.30-31, 36-37), Гесихий рассматривает языческую историю города в позитивном ключе, что отражает стремление автора интегрировать историю города в русло классической традиции, не отторгая христианскую столицу от языческой истории, а подчеркивая преемственность.

Информация у обоих писателей часто пересекается и совпадает, в частности, это касается построек в Константинополе. Например, Гесихий и Лид выводят происхождение названия Августейона от того, что там стояла статуя матери императора Константина Елены (Hesych. Patr. Const. 40; Lyd. De mens. IV.121 [=IV.138]); упоминают о строительстве ипподрома с портиками и подмостками, а также бань в местечке Зевксипп {Ζεῦξιππῶν} императором Севером, правда, этимология происхождения названия у них разнится: если Гесихий связывает его с алтарем конного Зевса {Δίος Ἰππίου} (Hesych. Patr. Const. 37), то Иоанн Лид – с именем мегарского царя Зевксиппа, при котором мегарские колонисты стали заселять Византий (Lyd. De mens. I.6 [=I.12]; De mag. III.70). Относительно построек и легенд о Константинополе с Гесихием очень сближается и Малала (Malal. Chron. X.51, XII.20, XIII.7-8).

Близость Гесихия с Иоанном Лидом обнаруживается и в их интересе к эпиграфическим материалам Константинополя: Гесихий приводит надпись, сделанную афинским стратегом Харесом относительно умершей жены, и надпись, посвященную Византу, на статуе, поставленной стратегом Калиадом (Hesych. Patr. Const. 30, 34). Лид упоминает колонну в Константинополе с надписью посвящения Фортуне как свидетельство победы Помпея над готами (Lyd. De mens. IV.5 [=IV.132]) (как полагают, ошибочно²), указывая впрочем, что сейчас это место стало таверной; приводит сатирическую надпись-стих на железной статуе императора Анастасия на ипподроме (Lyd. De mag. III.46).

Общность сюжетов даже приводит к выводу, что Иоанн Лид и Гесихий могли знать друг друга, были знакомы с сочинениями один другого, и даже дружили. На эту мысль наводит и содержание статьи «Суды» об Иоанне Лиде, приписываемой Гесихию, хотя, в целом, вопрос об авторстве статей, посвященных современникам милетского автора, является дискуссионным³. В ней указано следующее (Hesych.

¹ Kaldellis A. The Works and Days of Hesychios...

² Иванов С.А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., 2011. С. 164.

³ Treadgold W. Op. cit. P. 277.

Onomat. CCCCXVII): «Иоанн Филадельфиец Лид. Он написал «О месяцах» первую книгу и «О знамениях» другую, [и о неких других математических принципах]. Посвятил же это префекту Гавриилу».

Здесь не указано сочинение «О магистратах», вероятно, это связано с тем, что автором статьи был действительно Гесихий, и он написал ее около середины VI в., когда уже вышли первые две работы, а «О магистратах» еще не было издано. Как указывалось, Лид, в свою очередь, заимствовал информацию у Гесихия. Так как писатель родился в эпоху Анастасия, период творческой активности его должен восходить к 540-550 гг., примерно как и у Иоанна Лида, писавшего именно в это время из-за карьерных проблем на государственной службе для образованных чиновников¹, возможно, даже позже.

Таким образом, Иоанн Лид и Гесихий Милетский являются представителями антикварного направления в Ранней Византии, что связано с их происхождением, образованием и карьерой, и социальным положением. Традиционное греческое образование и государственная служба определили специфику их антикварных интересов, необыкновенное сходство в методах и содержании их произведений. Это может быть связано и с тем, что авторы принадлежали к одному кругу, были знакомы и читали произведения друг друга.

Основные черты их антикварианизма: интерес к древности, использование многих письменных, эпиграфических, скульптурных и архитектурных источников, стремление интегрировать античное прошлое в современную идеологию, романоцентризм, провозглашение идеи преемственности Византии от древнеримского государства, выражающейся через преемственность Константинополя от Рима, что может быть связано с имперским мышлением, выработанным обоими писателями на государственной службе. Лояльность к античному язычеству и внимание к философским учениям могли быть отражением традиционализма, закладываемого ранневизантийским образованием, а компилятивность и энциклопедичность их работ связана со схоластической традицией.

Библиография

Antoniou I., Sinakos A. The Six-Century Plague // Byzantinische Zeitschrift. Band. 98. Heft. 1. 2005. S. 1-4.

Busch S. Versus balnearum: Die antike Dichtung über Bäder und Baden im römischen Reich. Stuttgart – Leipzig, 1999.

¹ *Maas M. John Lydus...*

Caimi J. Burocrazia e diritto nel De magistratibus di Gionvanni Lido. Milan, 1984.

Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. London, New York: Routledge, 2005.

Downey G. Constantinople in the Age of Justinian. University of Oklahoma Press, 1981.

Ensslin W. Nochmals zur Abfassungszeit von des Johannes Lydos περί ἀρχῶν // Philologische Wochenschrift. 62. 1942. No. 49/52 (December 5).

Georgii Codini Excerpta De Antiquitatibus Constantinopolitanis ex recensione Immanuelis Bekkeri. Bonnae impensis Ed. Weberi, MDCCCXLIII.

Herrmann P. Inschriften von Milet VI.1. Berlin - New York, 1997.

Hesychii Milesii Onomatologi, quae supersunt cum prolegomenis edidit Ioannes Flach. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MDCCCLXXXII.

Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013.

Ioannis Laurentii Lydi Liber De Mensibus / Ed. R. Wuensh. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1898.

Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / Ed. C. Wachsmuth. Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana, 1897.

Jean Lydien. Des Magistratures de L'État Romain. In 2 tt. T. I. 1-ère partie. Introduction générale / Texte et., tr. et com. par M. Dubuisson, J. Schamp. Paris: Les Belles Lettres, 2006.

Kaldellis A. Hellenism in Byzantium: The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge University Press, 2007.

Kaldellis A. The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix. Vol. 57. No. ¾. Autumn - Winter, 2003. P. 300-316.

Kaldellis A. The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 45. 2005. P. 381-403.

Kalogeras N. The Role of parents and Kin in the Education of Byzantine Children // Hoping for Continuity: Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages / ed. K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto. Rome: Institutum Romanum Finlandiae, 2005. P. 133-143.

Kelly Ch. John Lydus and the Eastern Praetorian Prefecture // Byzantinische Zeitschrift. Band. 98. Heft. 2. 2005. S. 431-458.

Krischen F. Milet I.9 Thermen und Palaestren. Berlin, 1928.

Lydus. On the Months (De Mensibus) / Tr. and ed. by A. Bandy. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2013.

Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York: Routledge, 1992.

Momigliano A. Ancient History and Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, Vol. 13, No. ¾. 1950. P. 285-315.

Photii Bibliotheca ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini typis et impensis G. Reimeri, MDCCCXXIV.

Scriptores Originum Constantinopolitanarum / rec. Th. Preger. Fasciculus Prior. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, MCMI.

Stein E. Histoire du Bas-Empire. Tome II: De la Disparition de l'Empire d'Occident a la Morte de Justinien (487-565). Paris – Bruxelles - Amsterdam, 1949. P. 839-840.

Suida Lexicon ex recensione Immanuelis Bekkeri. Berolini typis et impensis G. Reimeri, MDCCCLIV.

The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II, A.D. 395 – 527 / Ed. by J. R. Martindale. Cambridge University Press, 1980.

Treadgold W. Early Byzantine historians. PM, 2010.

Wallinga T. The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA. 39. 1992. P. 359-380.

Wentzel G. Die griechische Übersetzung der viri illustres des Hieronymus (Texte und Untersuchungen 13.3). [Leipzig 1895].

Zachariae von Lingenthal C.E. Joannes, des Philadelphiers Laurentius Sohn, genannt Lydus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 12. 1892, Röm. Abt. P. 79–80.

Maas M. Roman Questions, Byzantine Answers: Contours of the Age of Justinian // The Cambridge Companion to the Age of Justinian / Ed. by M. Maas. Cambridge: University Press, 2006. P. 3-28.

Болгов Н.Н. Иоанн Лид и его сочинение «О магистратах римского народа» // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 118-120.

Гийан Р. Исследования по административной истории Византийской империи (Заметки о некоторых классах чиновников в IV – VI вв.) // Византийский временник. Т.29 (54). 1968. С. 88-94.

Иванов С.А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М.: Вокруг света, 2011.

Кобзева А.В. «Хронография» Иоанна Малалы: антикварная традиция и медиализация исторического знания в Ранней Византии. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2017.

Кривушин И.В., Кривушина Е.С. Византийская школа. Иваново, 2002.

Кузенков П.В. Христианские хронологические системы. История летоисчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции. М., 2014.

Синица М.М. Иоанн Лид: проблемы конкорданса изданий // Иресиона. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ». Белгород, 2016. С.147-176.

Синица М.М. Сравнение образов древней истории у Иоанна Лиды и Иоанна Малалы // Кондаковские чтения-V. Античность-Византия-Древняя Русь. Белгород, 2016. С. 119-138.

Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в. // Византийский временник. Т.45 (70). 1984. С. 54-65.

References

Bolgov N.N. Ioann Lid i ego sochinenie “O magistratakh rimskogo naroda” // Iresiona. Antichniy mir i ego nasledie. Vyp. 2. Belgorod, 2002. S. 118-120 (in Russian).

Guiyan R. Issledovanie po administrativnoy istorii Vizantiyskoy imperii (Zametki o nekotorykh klassakh chinovnikov v IV-VI vv.) / Per. s fr. R. Ivyansky // Vizantiyskiy vremennik. T.29 (54). 1968. S. 88-94 (in Russian).

Ivanov S.A. V poiskakh Konstantinopolya. Putevoditel' po vizantiyskomu Stambulu i okrestnostyam. – M.: Vokrug sveta, 2011 (in Russian).

Krivushin I.V., Krivushina E.S. Vizantiyskaya shkola. Ivanovo, 2002 (in Russian).

Kobzeva A.V. «Hronografija» Ioanna Malaly: antikvarnaya tradicija i medievizacija istoricheskogo znaniya v Rannej Vizantii. Avtoref. diss. ... k.i.n. Belgorod, 2017 (in Russian).

Kuzenkov P.V. Khristianskie khronologicheskie sistemy. Istorija letoisчисleniya v svyatootecheskoy i vostochnokhristianskoy tradicii. M., 2014 (in Russian).

Sinitca M.M. Ioann Lid: problemy konkordansa izdaniy. // Iresiona. Vypusk V. K 30-letiyu kafedry vseobtchey istorii NIU "BelGU". Belgorod, 2016. S. 147-176 (in Russian).

Sinitca M.M. Sravnenie obrazov drevney istorii u Ioanna Lida i Ioanna Malaly // Kondakovskie chteniya-V. Antichnost'-Vizantiya-Drevnyaya Rus'. Belgorod, 2016. S. 119-138 (in Russian).

Udal'tcova Z.V. Iz vizantiyskoy khronografii VII v. // Vizantiyskiy vremennik. T. 45 (70). 1984. S. 54-65 (in Russian).

УДК 94(37).08 + 94(495).01

РАЗРУШЕНИЕ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО СЕРАПЕУМА

DESTRUCTION OF THE ALEXANDRIAN SERAPEUM

М.А. Руднева

M.A. Rudneva

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

*Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85, Pobedy St., 308015*

e-mail: mariya.rudneva.91@mail.ru

Статья посвящена исследованию разрушения Серапеев в Александрии Египетской. Этот храм был одним из крупнейших языческих центров города, имел важное значение в религиозной и культурной жизни, был известен во многих регионах империи. Разрушение Серапеев нанесло непоправимый урон авторитету языческого сообщества Александрии. Это событие вызвало широкий общественный резонанс, отражённый в трудах ранневизантийских авторов. Разрушение Серапеев стало кульминацией антиязыческой кампании в Александрии и одним из наиболее значительных событий процесса христианизации империи.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Александрия Египетская, Александрийский Серапеев.

The article deals with Serapeum's demolition in Alexandria, Egypt. This temple was one of the biggest pagan's centers of the city, had important meaning in cultural and religious life, was known in many regions of the empire. Serapeum's demolition caused irreparable damage to pagan's community authority. This event caused a wide public response, reflected in the works of many early Byzantine authors. Serapeum's demolition became the culmination anti-pagan's campaign in Alexandria and one of the significant events of process of christianization of the empire.

Keywords: Late Roman empire, Early Byzantium, Alexandria, Egypt, Alexandrian Serapeum.

Александрия Египетская на протяжении ранневизантийского периода оставалась одним из крупнейших городов Восточного Средиземноморья. В это время в многонациональном городе, ощущавшем влияние как западных, так и восточных культов, происходили значи-

тельные изменения, связанные с общеимперским процессом христианизации. Одним из наиболее значительных событий данного процесса в Александрии является разрушение Серапеума. Исследование этого эпизода позволит детализировать представление об антиязыческих мерах в Александрии, реакции на них языческого сообщества, их влиянии на процесс исторического развития города.

Исследователи связывают начало активных мер по христианизации с провозглашением на Втором Вселенском соборе в 381 г. решения о принятии христианства в качестве единственной государственной религии. Успешное осуществление этих мер было связано с деятельностью префекта претория Матерна Кинегия, под покровительством которого в конце 380-х гг. осуществлялось уничтожение языческих храмов в восточной части империи¹. В данной обстановке на престол Александрийской Церкви вступает Феофил (385-412 гг.), в предстояние которого происходит разрушение Серапеума.

Култ Сераписа получил распространение ещё в эллинистический период. Храмы, посвящённые этому синкретическому божеству строились в крупнейших городах империи. В Александрии он приобрёл особое значение, так как Серапис считался покровителем города и царской четы². В городе находилось множество частных святилищ, посвящённых Серапису, имелось небольшое святилище Сераписа и Исиды, а также грандиозный Серапеум, который располагался в египетском квартале города (Ракотиде)³. Серапеум был построен в период правления Птолемея I Сотера (323 - 283/282 гг. до н.э.). Его строительством занимался архитектор Пармениск. Храм был сооружён в эллинском, а не египетском стиле⁴, однако, строения включали некоторые египетские элементы. Например, Дж. Мак-Кензи отмечает, что, согласно египетскому обычаю, была осуществлена закладка специальных табличек под основание строящегося храма⁵. За историю своего существования храм неоднократно расширялся и перестраивался. Главное святилище и периптер были построены в период правления Птолемея III (246-222 гг. до н.э.). Во время императора Траяна (98-117

¹ *Matthews J.F.* A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius // *Journal of Theological Studies*. Vol. 18. 1967. P. 438-446.

² *Давыдова А.Б.* Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст // *Вестник Московского городского педагогического университета*. Серия: Исторические науки. 2009. № 2. С. 83-91.

³ Там же.

⁴ *Empereur J.-Y.* Alexandria Rediscovered. L., 1998. P. 90.

⁵ *McKenzie J.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence // *Journal of Roman Studies*. 2004. № 94. P. 73-121.

гг.) храм был разрушен в ходе еврейского восстания, восстановлен в правление императора Адриана (117-138 гг.), тогда же была установлена большая статуя Аписа, обнаруженная в 1895 г. и хранящаяся в настоящее время в Греко-Римском музее Александрии. В римский период храм был перестроен, после того, как около 181 г. сгорел при пожаре (Clem. Alex. Protr. LIII. 2). Серапеум был расширен и обнесён одним рядом коринфских колонн по наружному периметру¹. В храме появился атриум, где находился вход в подземные помещения. Во времена правления императора Клавдия (41-54 гг.), храм доводится до размера больших святилищ (185 x 92 м).

До сегодняшнего дня не сохранилось никаких наружных частей этого грандиозного здания. В ходе археологических раскопок, предпринятых экспедицией под руководством Алана Роу, в 1944 г. были обнаружены и исследованы остатки фундамента Серапеума. Осталось несколько вырубленных в скале коридоров, которые могли служить для проведения мистерий Сераписа, а ниши в стенах коридора могли быть предназначены для хранения папирусов Александрийской библиотеки².

В период своего существования храм поражал грандиозностью и масштабом. Аммиан Марцеллин в своей «Истории» пишет, что в Александрии были очень высокие храмы, среди которых Серапеум особенно выделялся (Amm. Marc. Res gest. XXII.16.12). «Обширные, окруженные колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью, и множество других произведений искусства, все это украшает его настолько, что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает Вселенная» (Amm. Marc. Res gest. XXII.16.12-13). В этом храме были помещены книжные сокровища неопределимого достоинства, они пострадали во время Александрийской войны (Amm. Marc. Res gest. XXII.16.12-13).

Не менее яркое описание мы находим в «Церковной истории» Руфина Аквилейского, который отметил «огромное пространство», занимаемое храмом. Автор сообщает о сооружениях с многочисленными светильниками и потайными святилищами, использовавшихся «для различных служб и тайных обрядов» (Ruf. HE. XI. 23). «Сверх того, по краям всего этого пространства были расположены экседры и пастофории (палаты), а также дома, поднимающиеся в высоту, в которых обычно находились служители храма или те, кого именуют чи-

¹ Давыдова А.Б. Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст. С. 83-91.

² Haas C. Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; London, 1997. P. 162.

стыми, то есть, те, кто себя очищают» (Ibid.). Также Руфин Аквилейский описывает своеобразные «хитрости», нацеленные произвести большой эффект на посетителей храма. Первый из «обманов» заключался в оконце, расположенном напротив статуи Сераписа под таким углом, что при проникновении в него лучей солнца достигался эффект «будто солнце поцелует приветствует Сераписа». Вторым был основан на свойстве магнита притягивать железо. В момент, когда солнце проникало в окошко магнит, закреплённый на потолке притягивал фигуру Солнца, выполненную «из тончайшего железа», и присутствующим казалось, будто статуя поднимается и повисает в воздухе. И чтобы скорое падение не изобличило эту [хитрость], пособники обмана говорили: «Взошло солнце, чтобы, поздоровавшись с Сераписом, уйти во свояси» (Ibid.).

Евнапий пишет о том, что, «благодаря храму Сераписа, Александрия была словно некая священная вселенная: число тех, кто стекался в нее отовсюду, приближалось к числу ее собственных граждан, и все они после того выполняли ритуалы поклонения божеству» (Eunap. Vit. soph. VI.2).

По вопросу датировки разрушения Серапеума в исследовательской среде существуют различные мнения. М.А. Ведешкин в своей работе производит подробный анализ данного вопроса¹. Он отмечает, что вывод исследователя Дж. Б. Бьюри о том, что данное событие произошло в 389 г.², не является достоверным, так как Бьюри опирается в своём мнении на сообщение Марцеллина Комита (Marc. Com. A. 389), в то время как Аммиан Марцеллин, окончивший свой труд в 390-391 гг., пишет о Серапеуме как о действующем храме³. Также он считает маловероятным вывод Дж. Хана, предположившего на основе анализа «Александрийской хроники», что Серапеум был разрушен в 392 г.⁴, так как августал Евагрий и комит Роман, упоминаемые Евнапием (Eunap. Vit. soph. VI.2) и Созоменом (Sozom. HE. VII.15), от-

¹ *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV-VI вв. // Дис. на соиск. научн. степ. канд. ист. наук. М., 2014. С. 202.

² *Bury J.B.* History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). L., 1923. P. 369.

³ *Mathews J.F.* The origin of Ammianus // Classical Quarterly, 45. L., 1994. P. 252-269.

⁴ *Hahn J.* The Conversion of the Cult Statues. The Destruction of the Serapeion 392 A.D. // *Hahn J. u. a.* From Temple to Church / RGRW 161. Leiden, 2008. P. 335-366.

правляли свои должности именно в 391 г.¹ Исследователь считает, что наиболее вероятной является версия, поддерживаемая большинством исследователей², что разрушение Серапеума произошло в 391 г., так как сведения об этом подтверждаются в «Галльской хронике» 452 г. (Chron. Gall. 452 A. 391).

Руфин Аквилейский сообщает, что инициатива по развязыванию противоборства между христианами и язычниками принадлежала последним, так как они не вытерпели разоблачения своих злодеяний, открытых во время строительства одного из христианских храмов, и начали «безумствовать и открыто бесноваться» (Ruf. HE. XI.22).

Сократ Схоластик возлагает инициативу начала антиязыческих выступлений в Александрии на архиепископа Феофила (Soc. HE. V.16), который «хлопотал» перед императором, и тот издал повеление разрушить языческие храмы, возложив ответственность за проведение этих мер на архиепископа Александрии. Феофил «опираясь на такие полномочия», направил все силы на то, чтобы «покрыть бесславием» языческие обряды, выставив «на позорище» митраистские мистерии и показав «нелепости обрядов Сераписа» (Ibid.), что и побудило язычников вступить с христианами в открытое противоборство.

Описывая дальнейшие события, церковные авторы упоминают борьбу, развернувшуюся между христианами и язычниками (Soc. HE. V. 16; Sozom. HE. VII.15; Ruf. HE. XI. 22).

Языческий автор Евнапий сообщает о том, что христиане не встретили серьёзного сопротивления, однако, здесь же он говорит о разрушителях храма как о людях, «обагривших руки кровью» (Eunap. Vit. soph. VI.2).

Руфин пишет, что на улицах одно за другим происходили столкновения, многие были ранены и убиты. После чего язычники бежали в храм, «словно в некую крепость». Там на протяжении нескольких дней язычники заставляли захваченных христиан совершать жертвоприношения, предавали различным мучениям и убивали (Soc. HE. V. 16; Sozom. HE. VII.15; Ruf. HE. XI. 22). Избрав в вожди некоего философа Олимпия, они защищали храм. «Те же, кому были доверены соблюдение римских законов и забота о правосудии», сбежали к храму

¹ *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV-VI вв. С. 202.

² *Athanassiadi P.* Persecution and Response in Late Paganism: the Evidence of Damascius // *Journal of Hellenic Studies.* Vol. 113. Cambridge, 1993. P. 1-29; *Chuvin P.* A Chronicle of the Last Pagans. Cambridge, 1990. P. 66; *Trombley F.* Hellenic Religion and Christianization. P. 370-529. Vol. II. Leiden; New York; Köln, 1994. P. 129; *Haas C.* Op. cit. P. 148.

и пытались выяснить причины злодеяний язычников, на что те, «укрепив вход», «не сказали ничего определенного» (Ruf. HE. XI.22).

На основании имеющихся источников достаточно сложно составить конкретное представление о язычниках, оказавших сопротивление в данном эпизоде. Американский исследователь К. Хаас полагает, что в стремлении защитить языческую святыню могли объединиться ученики языческих философов и грамматиков, стекавшиеся в Александрию из разных городов империи, жители городского квартала Ракотида, а также посетители храма и паломники, стекавшиеся из различных регионов¹. Сократ Схоластик отмечает значительную роль, которую сыграли в инциденте языческие философы, среди которых грамматика Элладий и Аммоний, у которых он учился в Константинополе (Soc. HE. V. 16). В источниках содержится информация о том, что в качестве предводителей язычников выступал Олимпий, «носивший одежды философа» (Sozom. HE. VII.15), обладавший способностями красноречия и убеждения (Damascius fr. 92 (ed. Zintzen p. 70)). Исследователи отмечают, что термины, описывающие преданность Олимпия язычеству и его ораторский талант, способный вызвать в окружающих религиозные чувства, описывается в стиле, сравнимом с описанием христианских проповедников². Это был харизматический лидер (Sozom. HE. VII.15), не ограничивающийся кругом учеников, способный найти сторонников среди всех возрастных групп и социальных уровней языческого сообщества города³. Известно, что в период, следовавший за событиями 391 г., некоторые из философов оставили свою преподавательскую деятельность, что могло быть связано с враждебным отношением к ним из-за участия в языческом сопротивлении времени конфликта (Soc. HE. V. 16).

Из-за отсутствия сил для штурма храма о происшествии было доложено императору. На это тот предписал, что «следовало уничтожить причину злодеяний и корень разлада, которые появились из-за защиты идолов, ибо, когда они [идолы] будут уничтожены, также исчезнет и причина для войны». Он не стал «требовать наказания за тех, кого пролитая на алтаре кровь сделала мучениками» (Ruf. HE. XI.22). После того как эти предписания пришли в Александрию, наступило перемирие, в момент которого «и те, и другие явились на переговоры в храм». Там было зачитано послание императора, «оцепенение и страх охватили язычников», и они, искав укрытия, бежали (Ibid.) или тайком бросались в ряды христиан (Ibid.). Сократ Схоластик в ярких эпи-

¹ Haas C. Op. cit. P. 164-167.

² Ibid. P. 164.

³ Ibid.

тетах описывает ужас язычников, боявшихся гнева властей и рассеявшихся по разным городам империи (Soc. HE. V. 16), однако уже авторы источников V в. отмечали, что традиционные языческие обряды продолжали практиковаться на протяжении последующего времени в Александрии, а также в её пригородах – Канопе и Менуфисе (Damascius fr. 100 (ed. Zintzen p. 75); Zach. Mytil. v. Sev. (ed. Kugener) 18.20-21.29).

Руфин сообщает, что язычниками распространялось мнение о том, что если человеческая рука тронет статую, то «разверзнется земля и тотчас увлечет в преисподнюю, и тут же небо рухнет в бездну», что привело народ в замешательство. Однако, один солдат обрушил удар секиры на голову статуи и отсёк её. Также были отрублены части тела Сераписа и сожжены в разных частях города, а туловище сожгли в амфитеатре (Ruf. HE. XI. 23).

После прекращения возмущения александрийский префект Евагрий и командующий египетскими войсками Роман содействовали Феофилу в устранении языческих «капищ» (Soc. HE. V. 16; Sozom. HE. VII.15). Евнапий, описывая гибель храма, сообщает, что христиане не гнушались воровством и разрушили и увезли всё, кроме больших камней, которые нельзя было унести (Eunap. Vit. soph. VI.2). Когда «нечестивые святилища» были снесены до основания, «на могиле Сераписа» с одной стороны был построен храм мученика в честь Иоана Предтечи (Ruf. HE. XI. 28), а с другой церковь (Ruf. HE. XI. 27). Созомен же пишет, что храм Сераписа был через некоторое время «обращен в церковь, названную по имени Аркадия» (Sozom. HE. VII.15).

После того как была сожжена статуя, в народе распространилось убеждение, что Серапис будет мстить и не даст больше разливаться реке Нил, за который он «отвечал». Однако, разлив был таков, «что никакая прежняя эпоха подобного не помнит». И измеритель воды реки Нил (пехун) после этого стали вносить в церковь (Ruf. HE. XI. 30).

Разрушение Серапеума вызвало широкий общественный резонанс. Многие авторы, вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности, отмечали особую значимость этого события. Христиане восприняли это событие как важную победу над язычеством. Христианский писатель Иероним Стридонский восторженно отозвался об этом событии, что «уже египетский Серапис сделался христианином» (Jerom. Ep. 107.2). «После гибели Сераписа, который никогда не жил, какие еще святилища какого демона могли устоять?» - отметил Руфин, описывая широкую волну христианизации, последовавшую за

этим в Александрии и во всём Египте (Ruf. HE. XI. 28). В свою очередь, язычники восприняли это событие как трагедию (Ant. Pal. X.82).

Разрушение Серапеума стало кульминацией движения по пресечению нехристианских религиозных объединений в позднеантичном Египте. Данное событие значительно подорвало авторитет языческого сообщества Александрии, однако, оно не искоренило языческих практик, еще продолжавших существовать на протяжении последующего времени.

Библиография

Ведешкин М.А. Языческая интеллектуальная элита Восточной Римской империи в V - VI вв. // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 2 / Под ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2014. С. 153-191.

Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи: IV-VI вв. / Дис. на соиск. научн. степ. канд. ист. наук. Белгород, 2014. 316 с.

Давыдова А.Б. Храмы Сераписа в Египте: социокультурный контекст // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. М.: Московский городской педагогический университет, 2009. № 2. С. 83-91.

Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism: the Evidence of Damascius // Journal of Hellenic Studies. Vol. 113. Cambridge, 1993. P. 1-29.

Breccia E. Alexandria ad Aegyptum: guide de la ville ancienne et moderne, et du musée Gréco-Romai. Part. I. Bergamo: Istituto Italiano D'arti Grafiche, 1914.

Bury J.B. History of the later Roman Empire: from the death of Theodosius I to the death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). L., 1923.

Chuvin P. A Chronicle of the Last Pagans. Cambridge: Harvard University Press, 1990.

Empereur J.-Y. Alexandria Rediscovered. L.: British Museum Press, 1998.

Haas C. Alexandria in late antiquity: topography and social conflict. Baltimore; London: Johns Hopkins univ. press, 1997.

Hahn J. The Conversion of the Cult Statues. The Destruction of the Serapeion 392 A.D. / *Hahn J. u a.* From Temple to Church // RGRW 161. Leiden, 2008. P. 335-366.

Matthews J.F. A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius // Journal of Theological Studies. 1967. Vol. 18. P. 438-446.

McKenzie J.S., Gibson S., Reyes A.T. Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence // The Journal of Roman Studies. 2004. Vol. 94. P. 73-121.

Schwartz J. La fin du Serapeum d'Alexandrie // American Studies in Papyrology. 1966. P. 97-111.

Trombley F. Hellenic Religion and Christianization, c. 370-529. Vol. II. Leiden; New York; Köln, 1994.

References

Vedeshkin M.A. Pagan intellectuals of the Eastern Roman Empire in the V–VI centuries // Intellectual Traditions in Past and Present. Vol. 2 / Ed. by M.S. Petrova. M.: Akvilon, 2014. P. 153-191.

Vedeshkin M.A. Yazycheskaya oppozitsiya khristianizatsii Rimskoj Imperii: IV-VI vv. / Dis. na soisk. nauchn. step. kand. ist. nauk. Belgorod, 2014. 316 s.

Davydova A.B. Social and cultural context of Sarapis' Temples in Egypt // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istori-cheskie nauki». M.: MGPU, 2009. № 2. P. 83-91.

УДК 94(495).01

**РОЛЬ ПАПЫ РИМСКОГО В УПРАВЛЕНИИ АФРИКАНСКИМ
(КАРФАГЕНСКОМ) ЭКЗАРХАТОМ**

**THE ROLE OF THE POPE IN THE ADMINISTRATION
OF THE AFRICAN (CARTHAGNE) EXARCHATE**

**Н.Е. Третьякова
N.E. Tretyakova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

*Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85, Pobedy St., 308015*

e-mail: tretyakova_n_e@mail.ru

Статья посвящена анализу места и роли Римского Понтифика в управлении Африканским (Карфагенским) экзархатом. Политика «смягчения», проводимая императором Маврикием, способствовала распространению ересей, что, в частности, беспокоило Римскую Церковь. Маврикий всячески препятствовал попыткам вмешательства Папы для решения проблем в Африканском (Карфагенском) экзархате, а также упорно добивался для константинопольского патриарха титула Вселенского.

Ключевые слова: Папа Римский, Ранняя Византия, Африканский (Карфагенский) экзархат, Маврикий.

The article is devoted to the analysis of the role of the Pope in the administration of the African (Carthagne) exarchate. The "softening" policy pursued by the Mauritius promoted the spread of heresies, which worried the Roman Church. Mauritius in every way prevented attempts to prevent the Pope from solving problems in the African (Carthagne) exarchate, and also persistently sought Patriarch of the Ecumenical title of Constantinople.

Key words: Pope, Early Byzantium, African (Carthage) exarchate, Mauritius.

Африканский экзархат был образован как административно-территориальная единица и, по совместительству, византийская провинция, в 590 г. императором Маврикием¹. Во главе экзархата нахо-

¹ Флавий Маврикий Тиберий Август – византийский император в 582–602 гг.

дился экзарх, который совместил в себе функции гражданского, судебного, военного управления. Любопытно заметить, что, несмотря на совмещение этих функций, в экзархате по-прежнему оставалась должность префекта.

Многие проблемные аспекты истории Африканского экзархата в отечественной науке являются малоизученными. Например, место и роль Римской церкви в административном аппарате экзархата. Именно поэтому целью данного исследования является изучение и анализ влияния Церкви на управление Африканским экзархатом, несмотря на примат светской власти над духовной, который констатирует подчинение Церкви императору. На наш взгляд, данная проблема является актуальной, поскольку она лишь единожды затрагивалась в исследовании французского ученого Шарля Дилиа и то, в косвенном плане¹.

В конце VI в. мы можем наблюдать достаточно веские причины для вмешательства Понтифика в дела Африки. В это время пост Папы Римского занимал Григорий Великий². Здесь, на наш взгляд, более подробно стоит остановиться на описании внутреннего и внешнего положения дел не только в провинции Африка, но и во всей Империи. Напомним, что Маврикий пришел к власти после краха Юстиниановского режима, более того, на его время пришлось сдерживание вторжений лангобардов, персов, славян на территорию Ромейской державы. Конечно же, подобное военное положение повлекло за собой истощение казны и вызвало ряд финансовых проблем. В этой ситуации Маврикий чувствовал необходимость поддержания внутреннего мира и порядка: всяким образом он пытался задушить проблемы в зародышевом состоянии, которые могли бы вызвать недовольство внутри провинции, а также успокоить инакомыслящих. Им были смягчены законы, принятые Юстинианом в отношении ереси и инакомыслящих движений, например, евреям разрешалось спокойно строить синагоги.

Именно толерантность и терпимость в религиозных вопросах ослабила дисциплину не только в Африканском экзархате, но и по всей империи, т.к. ересей «везде хватало». Вдобавок ко всему, экзархат считался полунезависимым территориальным образованием, где зачастую управление полностью осуществлял экзарх, как «преемник Императора», а также удаленность провинции от Константинополя играла свою роль. Церковная дисциплина была ослаблена, епископы демонстрировали частые примеры неповиновения, безнравственности и кор-

¹ *Diehl, Charles. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris, 1896. 644 p.*

² Григорий I (~540-604 гг.)

рупции, что беспокоило Папу Римского. Например, прелаты Бизацены не исполняли приказы примаса (Greg., 9, 24). В Нумидии вспыхивали бесконечные конфликты между главами епархий и приходами из-за «неправильно собранных взносов». Симония¹ и коррупция особенно тревожили Папу: епископ *Tigisis* диоцеза *Lamiggiga* продавал церковные должности; в Нумидии ересь донатистов «взяла верх», что было вызвано терпимостью правительства к ереси. По указу Маврикия донатистам² разрешалось иметь свои церкви и епископов (Greg., 1, 75), но при условии, что они (донатисты) не могли занимать посты религиозного руководства в провинции и должны были быть благосклонны к императорской администрации. Вся эта ситуация обернулась тем, что донатисты начали насильственно изгонять православных священнослужителей. Более того, данная ересь получила настолько широкое распространение, что многие давали согласие на крещение по донатистскому обряду. «Высшие ранги общества, которые были заражены этой инфекцией (имеется в виду донатизм), а также крупные землевладельцы использовали свое влияние, чтобы «посадить за руль» после них людей, зависящих от их полномочий» (Greg., 4, 41; 6, 34). За шесть полных лет, с 591 по 596 г., непрерывно в переписке Григория Великого обсуждалась растущая дерзость донатистов. Маврикий и сам обратил на это внимание, но «напрасно в 594 г. императорский указ пытался остановить это бедствие; из-за толерантности или причастности администрации к этому течению, порядки императора оставались на бумаге; а епископы, которые пытались предпринять попытки борьбы против ереси, были подвергнуты преследованиям со стороны последних» (Greg., 4, 32; 6, 59, 61; 8, 15.). Или, например, на Сардинии, да и в самой Африке, многие прелаты были попросту равнодушными к происходящему. Несмотря на усилия, предпринятые со стороны императорской администрации, а именно насильное навязывание ортодоксальной веры, многие продолжали оставаться язычниками и поклоняться деревьям и камням (в отношении Сардинии - Greg., 4, 25, 27, 29; 5, 38; 9, 204; 11, 22; Корсики - Greg., 8, 1; по Африке Greg., 1, 72).

Для того, чтобы восстановить пошатнувшуюся дисциплину в экзархате римский понтифик должен был осуществлять точный мониторинг внутри провинции и Африканской Церкви, хотя данное решение должно было исходить от экзарха провинции, который понимал, что с ересью и произволом необходимо бороться. Но экзарх оставался

¹ Продажа и покупка духовного сана или церковных должностей.

² Согласно их учению, главным признаком истинной церкви является святость, а также то, что действительными считаются лишь те таинства, которые совершаются епископом, находящимся в Церкви.

в стороне от решения этих проблем. По причине вмешательства папы Григория Великого в дела РOMEЙСКОЙ империи, в частности, для решения проблемы в Африканском экзархате, Маврикий попытался воспрепятствовать этому и упорно добивался для константинопольского патриарха титула Вселенского¹. Более того, Григорий Великий в одном из писем к Маврикию обвинил Иоанна Постника² в чрезмерной гордости: «Я должен при этом воскликнуть и произнести «о, времена! о, нравы!»³. В такое время, когда вся Европа подпала под власть варваров, когда города разрушены, крепости срыты, провинции опустошены; когда поля остаются без рук, идолопочитатели свирепствуют и господствуют на погибель верующим, — и в такое-то время священнослужители домогаются тщеславных титулов и гордятся тем, что носят новые, безбожные наименования, вместо того, чтобы повергаться в прах, обливаясь слезами. Разве я защищаю, благочестивейший государь, свое собственное дело? Неужели я хочу, говоря так, отомстить личную свою обиду? Нет, я говорю в защиту дела Всемогущего Бога и дела вселенской церкви... Кто оскорбляет святую вселенскую церковь, в чьем сердце бушует гордость, кто хочет пользоваться особенными титулами и, наконец, хочет этим титулом поставить себя выше прерогативы вашей власти — того нужно наказать» (Epistulae, V, 20 (PL, LXVII, col. 746—747); Monumenta Germaniae Historica, Epistularum, 1, 322 (V, 37).

Политика, которую вел Григорий Великий была достаточно самостоятельна, и он позволил себе направить в Африку легата Гилария для наблюдения за поведением архиереев, вместе с двумя епископами, которые также заслуживали доверие Папы. Первый из них - Доминик - митрополит Карфагенский Африканского диоцеза. Нужно сказать, что уже во второй половине VI века главенство над Карфагеном утвердилось за Римской кафедрой. Доминик в течение девяти лет получал от Григория свидетельство самой нежной дружбы, и своей крепкой верой заслужил уважение со стороны Римской кафедры. Второй - Колумб, епископ Нумидии. Ему и предстоятелю провинции (Доминику)⁴ Григорий дал задание пересмотреть и решить все важные вопросы, касающиеся распространения ереси и при любых обстоятельствах известить и, в случае надобности, запросить помощи у любимого пре-

¹ Diehl, Charles. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris, 1896. P. 503.

² Константинопольский патриарх в 582-595 гг.

³ O, tempora, o, mores.

⁴ Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. V. III: A.D. 527-641. Cambridge, 1992. P. 410.

лата¹. Этих людей Григорий направил восстанавливать африканское единство и церковную дисциплину. В 594 г. Совет Карфагена боролся с донатистами и грозил епископам, которые пренебрегали преследованиями инакомыслящих в Нумидии, благодаря призывам Папы, направленным против борьбы с врагами Церкви. Африканские церкви обратились к Риму; между епископами Африканской епархии и судом понтифика был постоянный обмен письмами и агентами. Папа вмешивался в дела для осуждения несправедливости, и ни одно важное решение не принималось без его согласия, а это противоречило основным указам императора.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, несмотря на примат светской власти над духовной, Римская церковь контролировала события, происходящие в Африканском экзархате, и имела свое влияние на разрешение тех или иных проблемных вопросов в рассматриваемый период (590-е гг.). Причиной этому может быть и слишком самостоятельная политика, проводимая Папой Григорием Великим, и политика «смягчения» Маврикия, которая и способствовала развитию и укреплению еретических движений в экзархате.

Библиография

Diehl, Ch. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). P.: Ernest Leroux, 1896. 644 p.

Martindale, J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. V. III: A.D. 527-641 / J.R. Martindale, A.H. M. Jones, J. Morris. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 688 p.

¹ *Diehl, Charles.* L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris, 1896. P. 507.

УДК 94(495).01

**АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПИСЬМЕННОМ НАСЛЕДИИ
ХРИСТИАНСКОГО РИТОРА ХОРИКИЯ ГАЗСКОГО**

**THE ANTIQUE HERITAGE IN THE WRITINGS OF THE CHRIS-
TIAN RHETORICIAN CHORICIUS OF GAZA**

М.Ю. Лопатина

M.Yu. Lopatina

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National University

308015 Belgorod, Pobedy St. 85

e-mail: lopatina@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются произведения Хорикия Газского (VI в.), охватывающие основные жанры постклассической греческой риторики. Сочинения Хорикия можно условно разделить на три большие группы: речи, декламации, вступления к декламациям. Декламации Хорикия показывают богатый потенциал риторического жанра, важным источником которых служили истории и персонажи классической литературы и мифологии.

Ключевые слова: поздняя античность, Газа, Хорикий, жанр, сюжет, декламация, античный.

The article reviews the works of Choricus of Gaza (500-590), covering the main genres of post-classical Greek rhetoric. All Choricus's writings can be nominally divided into three large groups: speeches, declamations and introductions. Choricus's recitations show the rich potential of his genre, and its important sources were stories and characters of classical literature and mythology.

Keywords: late antiquity, Gaza, Choricus of Gaza, genre, plot, recitation, antique.

Хорикий Газский (ок. 500—590 гг.) — известный ранневизантийский оратор, один из наиболее выдающихся деятелей Газской христианской риторической школы. Христианин по своим религиозным убеждениям, он, тем не менее, являлся представителем классической античной риторики.

Для античной классической риторики были характерны следующие жанры:

1) Экфрасис (др.-греч. — высказываю, выражаю) — описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте (например, описание щита Ахилла в 18-й песне «Илиады» Гомера).

2) Эпитафия (др.-греч. «надгробная надпись») – траурная речь, которую на церемонии захоронения павших произносил публично один из выдающихся граждан Афин. Эпитафия строится по обычной, традиционной схеме: во введении оратор подчеркивает трудность своей задачи, в главной части речь идет о воспитании и жизни павших за свой полис, восхваляются погибшие и их дела, заключительная часть содержит обращение к живущим, а также слова утешения близким покойных. Одновременно речь славит город Афины и его государственное устройство. Среди немногих сохранившихся известны траурные речи Перикла (у Фукидида), Сократа (в платоновском «Менексене») и Гиперида в память павших в Ламийской войне¹.

3) Энкомий (др.-греч. «хвалебная песнь») – сочинение, прославляющее определенное лицо. Энкомии, написанные в стихах, предназначались для праздничного шествия или пира. Их исполнение сопровождалось игрой на флейте, форминге, лире. Энкомии писали многие поэты, в частности, Симонид, Пиндар. В прозе энкомий – панегирик или риторическое упражнение, в котором восхвалялся мифологический персонаж или реальное лицо².

4) Этопея (др.-греч. «изображение нрава») – первоначально так называли исключительно ораторов-логографов, умевших так сочинить речь, чтобы она целиком отвечала нраву клиента и потому легко бы им запоминалась. Впоследствии, во времена Римской империи, этопея – риторическое упражнение, которое учащийся должен сочинить от имени некоего (чаще всего) мифического персонажа, попавшего в затруднительное положение: «Что сказал бы Геракл, видя, как вместо одной отрубленной головы у Гидры вырастают новые?». Этопею сочиняли и в прозе и в стихах. Большой набор прозаической этопеи сохранился в «Прогимнамах» Либания, стихотворной – в обеих антологиях³.

5) Монодия (др.-греч. песнь одного) – разновидность древнегреческой лирики в противоположность хоровой. В драме так называ-

¹ Словарь античности / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Прогресс, 1989. С. 661.

² Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2002. С. 311.

³ Там же. С. 322.

лась сольная песнь актера¹. Как правило, это печальная песнь, оплакивание.

6) Панегирик – в Древней Греции речь на праздничном собрании, например, хвалебная речь Исократ 380 г. до н.э. об Афинах и их истории («Панафинейская»). Поскольку эти праздничные речи, как правило, носили характер хвалебных и поощрительных, с римского времени слово «панегирик» стало употребляться как название хвалебных речей и стихов².

7) Эпиталамий – песнь, исполнявшаяся хором юношей и девушек перед входом в брачный покой с пожеланием счастья молодым. Наиболее ранние образцы сохранились в фрагментах из стихотворений Сапфо. В римской литературе известны эпиталамии, сочиненные Катуллом (стих. 61, 62, 64), а в более позднее время (IV–V вв.) – Авсонием, Клавдианом, Сидонием Аполлинарием³.

8) Апология (др.-греч. оправдание) — защитительная речь или защитительное письмо, сочинение, текст, направленный на защиту чего или кого-либо. Предполагается, что объект апологии подвергается внешним нападкам.

Сохранившиеся произведения Хорикия Газского охватывают основные жанры постклассической греческой риторики. Он является одним из самых известных риториков, в основном, за счет хвалебных речей, посвященных двум церквам Газы, которые содержат некоторые из наиболее известных ранних примеров экфрасиса⁴. Также он оставил примеры других эпидейктических речей, в которых отмечены моменты из жизни членов его общины (1. Энкомий Маркиану; 2. Энкомий дуксу Аратию и архонту Стефану; 3. Энкомий полководцу Сумму; 4. Эпиталамий Захарии; 5. Эпиталамий Прокопию, Иоанну и Элии; 6. Эпитафия Марии, матери Маркиана; 7. Эпитафия Прокопию, а также речи «О Брумалиях императора Юстиниана» и 8. «Слово о подражании жизни в театре Диониса»). Сохранились 12 декламаций (1. Полидам; 2. Антилогия. Приам; 3. Лидийцы; 4. Мильтиад; 5. Юноша-воин; 6. Сребролюбивый старец; 7. Тиранноубийца; 8. Спартанец; 9. Дитя-убийца; 10. Патрокл; 11. Воин; 12. Оратор), которые были сохранены вместе с их вступительными дискурсами (*dialexeis*) и теоретическими введениями (*theoriai*), предриторическим материалом, который дает

¹ Там же. С.173.

² Словарь античности. С. 409.

³ Античная культура. С. 316.

⁴ *Laudationes Marciani* (Iand II= Or. 1, 2) // *Choricii Gazaei opera* / R. Foerster, E. Richststeig. Leipzig: Teubner, 1929.

нам бесценный комментарий к основным речам¹. Поэтому сочинения Хорикия можно условно разделить на три большие группы: речи, декламации, выступления к декламациям.

Сами речи посвящены тому или иному случаю, но сам эпизод и персонажи являются вымышленными, поскольку ритор принимает роль какого-либо исторического или общего персонажа на протяжении всего времени выступления. Декламации Хорикия, например, иллюстрируют полный спектр персон: персонажи Троянской войны (Приам, Полидам и Патрокл), персонажи классической истории (Мильтиад и спартанец - современник Праксителя), и общие персонажи, населяющие классический полис и дающие обобщенное представление о нем (молодой герой, его скупой отец, полководец, оратор). Сценарии многих декламаций основаны на канонических текстах классической Греции, поэтому все они использовались долгое время в качестве источников для многих ораторов своего времени. Декламации относятся к многовековой традиции практических риторических речей, где оратор берет на себя роль конкретного персонажа, стоящего перед правовой или моральной головоломкой, и должен приготовить соответствующую речь. Традиционно, ситуации заимствовались либо из греческой истории (категория, которая могла включать Троянскую войну), либо из набора типичных сценариев, связанных с персонажами - скрягой, героем, убийцей-тираном. Один повторяющийся пример, который мы находим в репертуаре Хорикия, связан с конфликтом, возникающим из воображаемого закона, который дает герою выбор вознаграждения за спасение своего города. Две из декламаций Хорикия посвящены конфликту, который обусловлен выбором молодого героя брака с бедной девушкой в качестве награды, вопреки желаниям его скупого отца. Сначала Хорикий представляет аргументы молодого человека (Декламация 5), а затем, по народному запросу, он описывает, отцовские (Декламация 6). Еще четыре из сохранившихся декламаций Хорикия используют традиционные характерные типы и ситуации. Эти вымышленные темы (*plasmata*) устанавливают неспецифический город прошлого, который Д. Рассел охарактеризовал как «Софистополис»². В одной из речей (Декламация 7), где Лукиан в образе говорящего повествует о том, как хотел убить тирана, но убил его единственного сына, а тиран покончил с собой. Далее утверждается, что он должен получить традиционное воздаяние за тираноубийство, даже если сам

¹ *Schouler B.* Choricus déclamateur / Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Salerno: Helios, 2005. P. 119.

² *Russell D.A.* Greek Declamation. Cambridge: Cambridge Academ, 1983. P. 83.

акт был косвенным¹. В другой речи (Декламация 9), отец, убивший свою дочь, чтобы спасти ее от тирана, несет ответственность за смерть ее молодого любовника после того, как он совершил самоубийство.

Одна из гомеровских речей (Декламация 10) представляет воображаемые слова Патрокла Ахиллесе, когда тот просит его вернуться в бой. Эпизод основан на Илиаде XVI, и часто требуется, чтобы декламатор работал над хорошо известным текстом и сам думал о том, как найти и развить соответствующие аргументы. Здесь нет попытки воссоздать гомеровский язык, за исключением самого обобщенного, но есть очень близкие намеки на текст, который, естественно, образованная аудитория, несомненно, должна была признать и оценить².

Другие две речи (Декламации 1 и 2), посвященные Троянской войне, были также вдохновлены материалом «Илиады». В их основе история о том, как Ахилл влюбился в дочь Приама, Поликсену, и предложил союз с троянцами в обмен на их брак³. В первой речи Полидам аргументирует ценз Ахилла в качестве зятя и союзника, во второй Приам представляет контраргументы, основанные на описании Ахилла в «Илиаде». Как объясняет Хорикий во введении (theoria), Приаму нужно очернить характер Ахилла, как Демосфен это делает с Филиппом, и поэтому он подчеркивает его высокомерие, любовные дела, неустойчивый характер, отсутствие уважения к власти, непочтительность и плохое обращение с Гектором⁴. Как показывает этот пример, истории и персонажи классической литературы и мифологии по-прежнему были важным источником материала для риторических манипуляций.

Малькольм Хит подчеркивает, что искусство торжественной речи было эффективным способом обучения навыкам аргументации, которые оставались актуальными в эпоху поздней античности⁵. В частности, на самом высоком уровне декламация также охватывала навыки, которые можно было бы считать «литературными», такие как описание, характеристика и мастерство лингвистического стиля. С

¹ Heath M. *Hermogenes On Issues: Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 175-179.

² *Declamation 10 / Choricii Gazaei opera* / R.Foerster, E. Richststeig. Leipzig: Teubner, 1929.

³ Gantz T. *Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 628.

⁴ *Declamation 2 / Choricii Gazaei opera* / R.Foerster, E. Richststeig. Leipzig: Teubner, 1929. P. 153.

⁵ Heath M. *Menander: A Rhetor in Context*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 224.

точки зрения содержания, драматические и романтические сюжеты всегда были особенностью декламации. Пристрастие к рассказам о молодых героях, пиратах, о страсти и насилии, несомненно, служило стремлением привлечения внимания обучающихся, но многие из этих тем, как утверждал Роберт Кастер и другие, имели более широкое социальное значение¹. Свод Хорикия не является исключением. Тема сексуального желания, ведущего либо к браку, либо угрозе насилия, проявляется в высокой пропорции декламаций оратора: есть желание Ахилла по отношению к Поликсене, любовь сына скряги к красивой, но бедной молодой девушке, замеченной на фестивале, и треугольник отношений девушки, которая желает как тирана, так и молодого человека, который убивает себя из-за ее смерти.

Сама практика декламаций требовала создания целостного, вымышленного мира. Опора античных методов аргументации на правдоподобные и вероятные означала, что практические речи должны были быть установлены в мире, где действия определенного характера можно было бы считать вероятными или маловероятными, и где имелся аналогичный набор моральных ценностей для тех, кто имеет отношение к реальному миру ораторов и аудитории. Результатом является самодостаточная вселенная, населенная персонажами, чей нравственный облик и действия которого в значительной степени продиктованы исторической и литературной традицией, из которой они происходят².

Хорикий придавал первостепенное значение нравственному облику для каждого персонажа³. Один из самых ярких примеров встречается в речи Полководцу, который одет как женщина (Декламация 11). Эта речь посвящена победившему полководцу, который спас свой город, одеваясь как женщина, чтобы обмануть вражеские войска. Это воображаемая традиция в мнимом полисе, ознаменовавшая победу, сохранит впоследствии детали для потомков. В одном отрывке оратор размышляет над состоянием ума, которое заставило его пересечь эту особенно чувствительную границу⁴: «Ибо я видел, что по мере того, как сила наших войск ослабевала, и сила противника возрастала, ситуация требовала от меня умных и хитрых действий, и, изображая (*anaplasas*) в моем сознании захват города, я думал об ужасных вещах,

¹ *Kaster R.A. Controlling Reason: Declamation in Rhetorical Education at Rome // Education in Greek and Roman Antiquity / Ed. Y.L. Too. Leiden: Brill, 2001. P. 321.*

² *Heath M. Hermogenes... P. 31.*

³ *Heath M. Menander... P. 238.*

⁴ *Declamation 11 // Choricii Gazaei opera / R. Foerster, E. Richtsteig. Leipzig: Teubner, 1929. P. 486-487.*

оскорблениях, которые обычно совершают захватчики (eiothe): оскверняют брачные комнаты, насилуют незамужних девушек, не щадят мальчиков. Именно из-за этого мысленного образа, как он объясняет, решил переодеться, скрывая свою истинную природу, чтобы защитить женщин и молодых людей города». Этот отрывок является примером топосов с давней традицией в истории, поэзии и ораторском искусстве: экфрасис города¹.

Скрытность, а также тождество или диссонанс между внешним видом человека и его внутренней природой - еще одна повторяющаяся тема в своде декламаций Хорикия. В дополнение к речи полководца, в которой сочетаются темы маскировки и художественного представления при обсуждении того, должна ли быть представлена его военная хитрость, есть еще один пример в одной из исторических речей, Декламация 3, «Лидийцы». Речь относится ко времени правления Кира и основана на эпизоде из «Истории» (1.155) Геродота. После поражения Кира лидийцам было приказано одеться в женскую одежду и проводить время, играя на лирах вместо своих традиционных боевых занятий. Теперь, когда Киру понадобилась военная помощь, он попросил их оставить лиры и снова взять оружие, но их представитель стал возражать против возвращения к прежнему образу жизни. В этой речи, как объясняет Хорикий в своем предисловии, фигурирует «*eschēmatismenos*», то есть реальное намерение говорящего, противоположное его явному намерению. Лидийцев следует понимать как отчаявшихся сбросить свои одежды и снова взять оружие, но опасаящихся, что Кир увидит в них угрозу, если они скажут это открыто. Выступая против возвращения к военной жизни, они надеются убедить Кира в том, что они настолько основательно феминизированы и умиротворены, что больше не представляют опасности.

Эти две декламации исследуют связанные темы представления и олицетворения речи лидийцев, в частности, задавая вопросы о связи внешнего вида и реальности и о влиянии привычки на персонажа. Лидийцы пытаются доказать, что их артистические и «женские» занятия привели к необратимым изменениям в своей природе, и что они являются живым доказательством того, что «манеры делают человека». Их аргумент имел прочную основу в древней мысли о способности образования к формированию человека, отраженного в идее, что повторное подражание может оказать прочное воздействие на душу. Тем не менее, во введении ясно видно, что лидийский оратор играет определенную роль. Несмотря на то, что он утверждает, что внешний вид отра-

¹ *Paul G.M. Urbs Capta: Sketch of an Ancient Literary Motif // Phoenix. Vol. 36. 1982. P. 146.*

жает реальность, на самом деле его женоподобный вид скрывает неизменный характер, подобно тому, как полководец подчеркивает, что маскировка под женщину не влияет на его природу.

Интерес к персонажам, который также проявляется в декламациях Либания, может быть признаком повышенного интереса к жизни и к личности в поздней античности, о которой говорит Эврил Кэмерон¹. То, что действительно отличает свод Хорикия, - это акцент в самих речах на темы художественного представления и обманчивой внешности. В VIII декламации спартанец выступает против скульптуры Афродиты Праксителя, которая используется как культовое место приношения богине. В этом вымышленном сценарии спартанцы заказали скульптуру в качестве приношения, чтобы успокоить богиню и положить конец уродливости, которую она наложила на своих дочерей. Однако, поскольку Пракситель смоделировал эту особую статую со своей любовницы, куртизанки Фрины, оратор утверждает, что нецелесообразно использовать то, что на самом деле является портретом куртизанки, как культовую статую. В речи спартанцев, что неудивительно, говорится о связи субъекта и его представления. В ней рассматривается вопрос о том, как определяется объект статуи, когда оратор утверждает, что визуальное сходство, будь то через функции или атрибуты, является ключевой проблемой, и что просто название, которое может быть заменено и изменено, не является достаточным. Он также затрагивает представление о божественном, ссылаясь на рассказ о гомеровском вдохновении великой статуей Фидия Зевса из Олимпии, изложенной Дионом Хризостомом [Ог. 12].

Свод декламаций Хорикия показывает богатый потенциал риторического жанра. Декламация обеспечивала сложную подготовку по анализу, представлению и аргументации, как это совершенно ясно из сложных теоретических трактатов, которые сохранились от поздней античности. Произведения Хорикия, как результат культурного консерватизма, сохранили древние традиции в городе, который был отрезан от основного культурного потока, что, в свою очередь, сделало Газу «чрезвычайно приятным местом жительства для ученых людей»². Престиж традиции имел много общего с выживанием искусства декламации. Интенсивное изучение риторики сохранилось здесь, поскольку оно оставалось актуальным, предоставляя необходимые навыки адвокатам и другим. Та важная роль, которую Хорикий, как прием-

¹ *Cameron A. Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 147.*

² *Downey G. Gaza in the early Sixth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1963. P. 112-113.*

ник Прокопия, играл в образовательном и административном управлении местной школы риторике, а также его связь с важными современными представителями церкви и императорского трона, косвенно подтверждает значение его риторической и схоластической деятельности и успеха, который сопутствовал ему в повседневной жизни в Газе. Его известность доказывают имена людей, на которых были направлены его общественные усилия: Епископ Маркиан; военный предводитель и архонт Стефан; полководец Сумм; Мария, сестра Энея, епископа Газского и мать Маркиана; и император Юстиниан. Так что вполне легко предположить, что привлекательность обучения у Хорикия заключалась в его образованности, и он вскоре был признан лучшим примером риторики, что позволило ему найти последователей и учеников, и возможно, даже некоторые из его литературных и академических коллег оказались под его влиянием. Его сочинения были ценны для преподавателей риторики в качестве образца, который приводят в пример ученикам, показывая особенности стиля и языка. Такие условия сохранения сочинений Хорикия в Византии, кроме того, также являются общими и для других писателей, воплотивших некоторые важнейшие основы для сохранения классической основы культуры Византии. Работы этих классиков дошли до нас не потому, что им обеспечивалась сохранность, а потому, что они или использовались в школах, или были расценены как весьма полезные моральные поучения, которые можно было извлечь из них.

Библиография

- Словарь античности / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
- Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 2002. 352 с.
- Cameron A.* Christianity and the Rhetoric of Empire. Berkeley: University of California Press, 1991. 262 p.
- Downey G.* Gaza in the early Sixth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1963. 172 p.
- Foerster R., Richststeig E.* Choricii Gazaei opera. Leipzig: Teubner, 1929.
- Gantz T.* Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. 836 p.
- Heath M.* Hermogenes On Issues: Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric. Oxford: Oxford University Press, 1995. 284 p.
- Heath M.* Menander: A Rhetor in Context. Oxford: Oxford University Press, 2004. 390 p.

Kaster R.A. Controlling Reason: Declamation in Rhetorical Education at Rome // Education in Greek and Roman Antiquity / Ed. Y.L. Too. Leiden: Brill, 2001. P. 317-337.

Paul G.M. Urbs Capta: Sketch of an Ancient Literary Motif // Phoenix. Vol. 36. 1982. P. 144-155.

Russell D.A. Greek Declamation. Cambridge: Cambridge Academ, 1983. 152 p.

Schouler B. Choricus déclamateur // Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Salerno: Helios, 2005. P. 117-133.

References

Slovar' antichnosti / Pod red.V.I. Kuzishchina. M.: Progress, 1989. 704 s.

Antichnaya kul'tura. Literatura, teatr, iskusstvo, filosofiya, nauka: Slovar'-spravochnik / Pod red. V.N. Yarkho. M.: Labirint, 2002. 352 s.

УДК 94(495).01

**СВЕДЕНИЯ НЕЦЕРКОВНОГО ХАРАКТЕРА В III-IV КНИГАХ
«ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО**

**SECULAR INFORMATION IN THE III-IV BOOKS OF THE
“CHURCH HISTORY” OF ZACHARIAH OF MITYLENE**

**В.М. Кириллов
V.M. Kirillov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет,*

Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85, 308015

*Belgorod State National Research University,
Russian Federation, Belgorod, 85 Pobedy St., 308015*

e-mail: vlmkir@yandex.ru

Статья посвящена сведениям светского характера из III-IV книг «Церковной истории» Захарии Митиленского. Рассматриваемые книги охватывают события середины V века, которые были связаны с монофизитскими спорами и Вселенским собором 451 г. в Халкедоне. Однако, в это же время происходят и важные общеисторические события. Под натиском варваров рушится Западная Римская империя, с огромной скоростью меняются правящие ею лица. Борьба за власть идёт и на Востоке, где придворные группировки постоянно строят друг другу козни. В «Церковной истории» Захарии светские события отражены с минимальной точностью. Тем не менее, некоторые моменты могут представлять для исследователя довольно большой интерес.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, Ранняя Византия, Захарий Митиленский, «Церковная история», римские императоры, Александрия.

The article is devoted to details of the secular character of the III and IV books of the "Church history" of Zachariah of Mytilene. These books covers the events of the middle of the V century, which were connected with the Monophysite controversies and the Ecumenical Council of 451 in Chalkedon. However, at the same time there are important historical events. Western Roman Empire crumbling under the onslaught of the barbarians and changing her face with the high speed. In the East there was a struggle for power, in which court groups constantly built each other's machinations. In "Church history" of Zachariah secular events are reflected with minimal accuracy. However, some points may represent for the researcher a great deal of interest.

Keywords: Late Roman empire, Early Byzantium, Roman emperors, Zachariah of Mytilene, Alexandria, "The Church History".

«Церковная история» Захарии Схоластика, епископа города Митилена на Лесбосе, является древнейшим памятником сирийской церковной историографии. Согласно одной из выдвинутых версий, оригинал его был написан по-сирийски¹ (отсюда и более распространённое название – «Сирийская хроника»), однако в тексте источника имеется прямое указание на то, что изначально «Церковная история» была написана на греческом языке². Подлинный текст рассматриваемого сочинения не сохранился, и мы имеем только её сирийский перевод, воспроизводящий оригинал с произвольными изменениями. Оригинал хроники был доведён до 491 года³. Он является, как можно понять из слов Захарии, логическим продолжением «Церковной истории» Сократа Схоластика. Сирийская переработка, помимо исправлений и сокращений, продолжила оригинальный текст до 569 года⁴. Имя переписчика осталось неизвестным, и в историографии он обозначается как Псевдо-Захария. Поскольку дошедший до нас текст является плодом именно его трудов, в историографии может встречаться такое название источника, как «Хроника» Псевдо-Захарии.

Поскольку документ относится к церковной историографии и содержит, по преимуществу, соответствующие данному жанру сведения, необходимо поставить вопрос, чем он может быть полезен для изучения других сфер общественной жизни. О первой и второй книгах мы уже писали ранее, поэтому сейчас, следуя порядку, обращаем внимание на третью и четвёртую.

Третья книга посвящена событиям Халкедонского Собора и волнениям, охватившим государство после него. Одно из них – восстание в Александрии Египетской, причиной которому послужило осуждение на Соборе архиепископа Диоскора и назначение на его место Протерия. Поводом для бунта, согласно Захарии, послужило жестокое обращение нового иерарха с местным населением (*Zach.* III. 2). Волнения были подавлены императорскими войсками, называемыми в хронике «римлянами». Восстание произошло и в Иерусалиме (*Zach.* III. 5). Однако, здесь оно приняло несколько иную форму: горожане попросту не пустили в город патриарха Ювеналия, который, уезжая на

¹ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви, первый том. Введение в церковную историю. СПб., 1907. С. 195.

² The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / translated into English by F.G. Hamilton, E.W. Brooks. London, 1899. P. 38.

³ Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 107.

⁴ Hamilton F., Brooks E. Op. cit. P. 16.

Собор, пообещал горожанам отстаивать сторону Диоскора. Однако, во время заседания он отказался от своих взглядов и согласился с осуждением Диоскора и его сторонников. В итоге, чтобы вернуться на свою кафедру, Ювеналий был вынужден прибегнуть к помощи правительственных солдат. Эти события ставили под угрозу порядок в государстве, поэтому мы считаем необходимым поместить их и в категорию светской истории.

В этой книге мы можем найти и пример традиционной римской политики по отношению к соседним народам: «Среди них также был Пётр Иберийский, муж чудесно прославленный по всему миру, царский сын, который был дан Феодосию [Младшему] как заложник...» (*Zach.* III. 4). Обычай забирать детей у местных правителей и воспитывать их в романском духе существовал уже очень давно. Достаточно вспомнить Арминия, вождя херусков, разбившего в 9 году легионы Квинтилия Вара, который даже стал римским гражданином (*Vell. Hist. Rom.* II. 118).

Также следует обратить внимание на рассказ Захарии о миссии силенциария Иоанна в Александрии (*Zach.* III. 11). Он был послан туда императором и должен был убедить александрийцев принять Протерия и примириться с ним. Поскольку Иоанн является светским чиновником, а проводимое им дело важно для государства, мы относим и это повествование к нецерковным сведениям сочинения Захарии. Здесь следует заметить, что христианство представляло собой, помимо прочего, идеологическую теорию поздней Римской империи. И именно политическая сторона обусловила особый интерес императоров к этому учению. Оно являлось не просто философией. В нём было замечено свойство функции цивилизации, и оно было воспринято как принцип и средство управления человеческим поведением¹. Как следствие – идея единства римской цивилизации влекла за собой идею единства церкви. Такой образ мыслей исключал существование внутри государства любых еретических течений, которые светская власть, помимо духовной, старалась безжалостно подавить уже на самых ранних стадиях их возникновения.

В конце этой же книги автор помещает известие о смерти императора Майориана и данные об его преемниках. Он пишет: «Когда Антемий процарствовал пять лет, он был убит Рицимером. И Север, процарствовав один год, умер. И Олибрий, который царствовал после Севера вместе с Антемием один год, умер. И Лев Первый, также, умер, процарствовав с Антемием в течение трёх лет, и два года после [него]»

¹ *Бейкер Дж.* Юстиниан. Великий законодатель / Пер с англ. А.Н. Анваера. М., 2004. С. 62.

(*Zach.* III. 12). В реальности картина обстояла совершенно иначе. После Майориана императором стал Либий Север (*Chron. Gall. anno DXI.* 633-636), умерший примерно через четыре года. В 467 г. Лев Макелла посадил на римский трон Прокопия Антемия, убитого весной 472 г.¹ по приказу своего зятя Рицимера (*Iord. Get.* 239). После него трон на короткое время занял Аниций Олибрий. Получается, что Лев I правил в одно время с ними всеми, и пережил их ещё примерно на два года.

Интересен и следующий абзац: «В первый год Льва Антиохия, действительно, была уничтожена землетрясением, которое произошло [там]; и там случился, также, великий пожар. И на второй год его правления был убит Сулиф(а?), тиран готов. И на третий год его царствования были убиты стратилат Аспар и его сыновья» (*Zach.* III. 12). Здесь описывается положение дел в Восточной империи. Косвенное подтверждение землетрясения 457/8 гг. в Антиохии мы можем найти у Марцелина Комита. Под 459 годом он сообщает, что некий антиохийский священник по имени Исаак «оплакивал руины Антиохии в элегической поэме» (*Marc. Com. Chron.* 459). Через год был убит некий вождь готов Сулифа, названный тираном. Более подробной информации про это событие пока найти не удалось. Гибель Аспара, одного из лучших полководцев империи на тот момент, первого патрикия, носившего, среди прочих, титул *Princeps senatus*, автор относит к третьему году правления Льва (460 г.). Аспар по происхождению был варваром. Он выдвинулся ещё во времена Феодосия Младшего и Маркиана, благодаря высокому положению его отца Ардавура и своим личным успехам в военной борьбе с Аттилой и персами. Дело дошло до того, что после смерти Маркиана Аспар выступил в качестве одного из претендентов на императорский престол. Касаемо первых лет правления Льва Макеллы, папа Лев Великий считает Аспара соправителем императора (*Leo PP. I. Ep.* 149). Через несколько лет в качестве нового фаворита императора выдвинулся Зенон. Его конфликт с Аспаром, а также претензии последнего на императорскую власть закончились убийством военачальника и его сына, которые были заколоты в императорском дворце. Другие источники относят это событие к 471 году (*Marc. Com. Chron.* 471; *Iord. Get.* 239; *Procop. Caes. De bell. Vand.* VI. 27). Иных нецерковных сведений в третьей книге не имеется.

Четвёртая книга посвящена дальнейшим, связанным с монофизитством событиям, происходившим во время правления императора Льва. Во вступлении автор пишет, что она «освещает и относится к

¹ Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н. э. — 476 г. н. э. / Пер. с англ. М. Гитт. М., 1998. С. 363.

событиям, происшедшим после смерти Маркиана, и Мориана, и Антемия, и Севера, и Олибрива, совокупное время правления которых составило двенадцать лет» (*Zach. IV*). Под именем «Мориан», очевидно, имеется в виду римский император Майориан. Здесь Захария снова приводит неверную хронологическую последовательность и время правления. Маркиан правил на Востоке с 450 года, он умер в 457 г. В этом же году на престол Западной империи взошёл Майориан. Его убили в 461 г. по приказу Рицимера (*Chron. Caes. Reliq.* 461). Хронологию правления остальных императоров мы уже приводили выше. Таким образом, их совокупное время правления составляет не 12 лет, а 22 года.

Первая глава этой книги рассказывает об очередном восстании в Александрии против халкедонитов. После прихода в город вести о кончине императора Маркиана, который покровительствовал епископу Протерию, поставленному после Халкедонского собора, горожане восстали, воспользовавшись тем, что стратиг Александрии Дионисий вместе с войском в этот момент находился в Верхнем Египте, на довольно далёком расстоянии. Александрийцы привели из пустыни некоего аскета Тимофея, которого позже назовут Элуром, и рукоположили его как епископа города. Вернувшийся Дионисий отдал приказ арестовать Тимофея.

Далее Захария помещает интересную нам фразу: «И Дионисий издал указ, что они должны увести его в место, названное Sabarsarin» (*Zach. IV. 1*). Английские издатели текста «Хроники» считают, что это является сирийской транскрипцией греческого слова Ταφοσίριον (*Euseb. H.E. VI. 40*), и, в таком случае, может означать «Гробница Осириса»¹. Имеется в виду Тафосирис Магна, город и храмовый комплекс, находящийся в 45 км от Александрии. Этот храм был построен на месте мифической гробницы, где покоится якобы растерзанное Тифоном и собранное затем Исидой тело Осириса (*Plut. De Os. Et Is. XXI*). Реальная дата возведения памятника – 282-246 гг. до н.э. До конца птолемеевской эпохи Тафосирис Магна являлся экспортёром качественного вина, которое в самой Александрии ценилось как марочное и сохранялось для старения, которое ещё сильнее повышало его вкусовые качества². Согласно одной из версий, в подземельях именно этого храма могут находиться спрятанные от римлян тела Марка Антония и

¹ Hamilton F., Brooks E. Op. cit. P. 65.

² Chauveau C. Egypt in the age of Cleopatra. History and society under the Ptolemies / translated from French into English by David Lorton. London, 2000. P. 62.

Клеопатры¹. В IV столетии в этом месте находилась монашеская община, при этом сохранялись более древние постройки, среди которых особо выделяется мощная башня². Вероятно, именно туда, как в надёжное и, при этом, не сильно удалённое от Александрии место и был посажен Тимофей в 457 г. Таким образом, Захария даёт нам сведения о функционировании этого храма в середине V века.

В следующей главе он рассказывает об убийстве александрийцами Протерия. По его версии, это произошло во время конфликта епископа с римскими солдатами, во время которого он был заколот мечами. После убийства они «потасили его в Тетрапилон» (*Zach. IV. 1*). Упомянув тетрапилон, Захария даёт сведения относительно общественных построек в Александрии V в. Тетрапилон – тип сооружения, квадратного в плане, представляющий собой две пересекающиеся под прямым углом арки³. Обычно они ставились на перекрёстках дорог и улиц. Такие сооружения являются типичными постройками периода расцвета римской архитектуры и сохранились во многих провинциальных городах Империи. Александрийские памятники такого типа, к сожалению, до наших дней не дошли, но, благодаря Захарии, мы имеем сведения об наличии как минимум одного подобного строения в городе. Следует отметить, что в этой же главе автор упоминает и александрийский ипподром, который до наших дней также не сохранился.

Как мы видим, содержащиеся в работе Захарии нецерковные данные неполны и разнообразны. Здесь мы можем увидеть отражение событий политической истории ранней Византии, природных катаклизмов. В содержании описанного Захарией мы можем увидеть две проблемы – запутанность датировок и нарушение реальной последовательности событий. Такая ситуация может быть вызвана либо слабой осведомлённостью автора, либо является результатом ошибок Псевдо-Захарии. Тем не менее, некоторые сообщаемые данные, например, о состоянии Тафосириса и его функционировании в то время, имеют высокую степень значимости для исследователя. Что-то же, например, история гота Сулифы, нуждается и в дальнейшем, более глубоком и конкретно на это направленном исследовании.

¹ *Mati Milstein*. Cleopatra bust among treasures found in Egypt temple // National Geographic news. – May 30, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.nationalgeographic.com/news/2008/05/080530-antony-cleopatra.html> (дата обращения 13 апреля 2017).

² *Bard Katrin A., Blake Steven S.* Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt. London - New York, 1999. P. 928.

³ Тетрапилон / Архитектура. Терминологический словарь / составитель Ф.Р. Хаялина. Оренбург, 2008. С. 121.

Библиография

Bard Katrin A., Blake Steven S. Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt. London - New York: Routledge, 1999. 1227 p.

Chauveau C. Egypt in the age of Cleopatra. History and society under the Ptolemies / translated from French into English by David Lorton. London: Cornell university press, 2000. 226 p.

Mati Milstein. Cleopatra bust among treasures found in Egypt temple // National Geographic news. – May 30, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.nationalgeographic.com/news/2008/05/080530-antony-cleopatra.html> (дата обращения 13 апреля 2017).

The Syriac Chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / translated into English by F.G. *Hamilton and E.W. Brooks.* London, 1899. 344 p.

Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель / Пер с англ. А.Н. Анваера. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 398 с.

Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви, первый том. Введение в церковную историю. СПб.: Типография М. Меркушева, 1907. 234 с.

Грант М. Римские императоры: Биографический справочник правителей Римской империи 31 г. до н.э. — 476 г. н.э. / Пер. с англ. М. Гитт. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. 400 с.

Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 107-115.

Хаялина Ф.Р. Архитектура. Терминологический словарь. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. 202 с.

References

Bejker Dzh. Justinian. Velikij zakonodatel' / Per s angl. A.N. Anvaera. M.: ZAO Centrpoligraf, 2004. 398 s.

Bolotov V.V. Lekcii po istorii drevnej Cerkvi, pervyj tom. Vvedenie v cerkov-nuju istoriju. SPB.: Tipografija M. Merkusheva, 1907. 234 s.

Grant M. Rimskie imperatory: Biograficheskij spravochnik pravitelej Rimskoj imperii 31 g. do n. je. — 476 g. n. je. / Per. s angl. M. Gitt. M.: TERRA—Knizhnyj klub, 1998. 400 s.

Pigulevskaja N.V. Sิริjskij istochnik VI v. o narodah Kavkaza // Vestnik drevnej istorii. 1939. № 1. S. 107-115.

Hajalina F.R. Arhitektura. Terminologicheskij slovar'. Orenburg: IPK GOU OGU, 2008. 202 s.

УДК 94(495).01

**ЗАРОЖДЕНИЕ И РАННИЕ ФОРМЫ
ХРИСТИАНСКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА**

**THE BEGINNING AND EARLY FORMS
OF THE CHRISTIAN PILGRIMAGE**

Е.О. Родина

E.O. Rodina

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет*

308015, Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National University

308015 Belgorod, Pobedy St. 85

betti.smit2014@yandex.ru

В статье рассматривается история возникновения паломничества как христианского феномена. Для изучения данного вопроса в статье рассмотрены разные варианты понятия «святое место». Показана история возникновения и становления видов раннехристианских паломничеств. Рассмотрена часть основных источников по каждому виду паломничества. Статья также частично касается появления культа мученичества.

Ключевые слова: Поздняя античность, Святая земля, святое место, паломничество, мученики, культ, путешествие

The article discusses the history of the pilgrimage as a Christian phenomenon. This article describes the different variants of the notion of "Holy place". The author considers some of the main sources for each type of pilgrimage and tried to show the history of the pilgrimage in Late Antiquity. The article is partially deals with the emergence of a cult of martyrs.

Key words: Late antiquity, the Holy land, the Holy place, pilgrimage, martyrs, cult.

До нас дошло крайне мало сведений о путешествиях и путешественниках раннехристианской эпохи к «святым местам». Вероятно, они были немногочисленны, так как христианство ещё было преследуемой религией, а нахождение интересующих большинство верующих «святых мест» точно известно не было. Изучая работы раннехристианских авторов, можно сделать вывод, что единое понятие «святое место» ещё не было сформировано; у всех авторов данный термин упо-

требляется в разных контекстах. Наиболее близкий по значению термин встречается в «Строматах» Климента Александрийского. Апологет использует слово ἄχωρητος («не ограниченный пространством») для географического описания Палестины как Святой Земли¹. Обращаясь к Ветхому и Новому Завету, видно, как в них различаются концепция «святого места»: в Ветхом Завете под святым местом понималось конкретное место явления Бога или Храм, а в Новом Завете происходит своеобразное территориальное расширение понятия «священное». В качестве примера можно принять слова самого Христа в разговоре с самарянкой: Христос говорит: «поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Ин. 4:21). С III века понимание «святого места» начинает меняться: начинается отход от иудейского восприятия богопочтения, ограниченного конкретным местом². В первых веках нашей эры главной святыней для христиан был сам Спаситель: высшей святостью считалось его воплощение.

Термин «паломник» появляется к V веку, когда получили массовое распространение путешествия в Палестину. Само слово образовалось от сокращения слова «пальмовник», которое, в свою очередь, родилось от латинского «palma», т.е. пальмовая ветвь³. Путешествие становилось важнейшим событием не только для самого путешественника, но и для его близкого окружения (семья, друзья, община). С началом путешествий к святым местам появилась традиция приносить с собой в качестве сувенира такую же пальмовую ветвь, с которым встречали Иисуса Христа жители Иерусалима. В наши дни употребление терминов «паломник» и «паломничество» довольно часто критикуется, т.к. они зародились в христианской культуре для определения практик путешествия конкретно к Святой Земле.

Следует отметить, что до IV века, а именно принятия Миланского эдикта, паломничества носили единичный характер. Например, по сообщению Евсевия Кесарийского, епископ Сардийский, Мелитон, в 190 г. посетил Палестину и, возможно, Синайский полуостров. Цель его путешествия была проста – увидеть своими глазами места, напрямую связанные со священной историей. Кроме этого, Евсевий упоми-

¹ *Wilken R.L.* The Land Called Holy. Palestine in Christian History and Thought. New Haven, L., 1992.

² *Finney P.C.* Sacred Place Again // *Sacralidad y Arqueología. Antig. Crist. (Murcia)* XXI, 2004. P. 71.

³ *Morinis E.A.* Introduction: The Territory of the Anthropology of Pilgrimage // *Sacred Journeys: The Anthropology of Pilgrimage* / Ed. E.A. Morinis. Westport, Connecticut. 1992. P. 4.

нает об Александре, епископе Каппадокии, который в 251 г. совершил путешествие в Иерусалим, где был положен в сан епископа Иерусалимского¹.

Все известные раннехристианские паломничества разделяют на три вида. Первая, наиболее значимая и наиболее ранняя форма паломничества – путешествие на Святую Землю. Первоначальные цели путешественников носили некоторый символизм: паломники направлялись к Святой Земле, например, чтобы креститься как сам Христос в Иордане, или же исполнить какие-либо обеты, совершить молитву на Святой земле. С развитием данной формы паломничества на свет появляется литературный жанр итинерариев (*itineraria*) – путеводителей или паломнических отчётов. Первым итинерарием признан отчёт анонимного паломника из г. Бордо. Данный текст представляет собой стандартный путеводитель: в нём описан маршрут, но путевые отметки содержат довольно живописное описание деталей².

Наиболее информативное описание своего маршрута оставила нам паломница Эгерия, совершившая масштабное путешествие по местам библейской истории в 381–384 гг. Свое путешествие она описала в большом письме, адресованном домой с целью духовного наставления своим близким, известным как *Peregrinatio Aetheriae*, или *Peregrinatio ad Loca Sancta*, или *Itinerarium Egeriae*. Предположительно, Эгерия была зажиточной женщиной или монахиней галльского происхождения. Часть работы была утрачена: сохранилась только средняя часть письма, которая вошла в *Codex Aretinus XI* в.

Ограничить хронологические рамки паломничества периодом с 371 по 394 гг. позволяют объекты, описанные паломницей в письме. В мелких подробностях описаны постройки Константина Великого, но ни слова не встречается о постройках Юстиниана на Синае. Эгерия рассказывает о красивой, большой, недавно построенной церкви, описывая свою поездку в Эдессу³. Кроме того, в отчёте также описаны гробница св. апостола Фомы, которая была перенесена в церковь позже, в 394 г., епископом Киром. В письме путешественница упоминает Фиваиду уже как пункт христианского паломничества, следовательно, уже известного подвигами отшельников, например свв. Антония и Па-

¹ Eusebius Caesariensis. *Historia ecclesiastica*. 4.26.14.

² Бордосский путник // Восточная Литература – библиотека Средневековья [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IV/320-340/Bordosskij_putnik/frameset.htm. – Дата доступа: 01.08.2017.

³ Egeria. *Itinerarium Egeriae seu Peregrinatio ad loca sancta* / Ed. P. Geyer, O. Cuntz. (CCSL; 175). Turnhout: Brepols, 1965. P. 37–90.

хомия. Общий маршрут путешествия великой паломницы включает Египет, Синай, Палестину, Сирию и Малую Азию. Она прожила три года в Палестине, откуда и совершала свои поездки к святым местам.

Кроме описания библейских мест, в своем отчете Эгерия оставила подобное описание богослужения в Иерусалиме¹. Она детально описывает литургию Иерусалимской церкви, что позволяет представить процесс её развития. Паломница оставила первое описание литургических сезонов в том виде, в каком они существовали ещё до отделения праздника Рождества Христова от праздника Богоявления. Здесь же впервые рассказывается об иерусалимском бдении в ночь на Великую пятницу.

Кроме путеводителей описания паломничеств на Святую землю встречаются в письмах, например, Иеронима Стридонского. В письмах 46 и 108 содержится описание паломничества Павлы и Евстохии. Авторство 46 письма остается спорным, т.к. предположительно оно написано от имени самих путешественниц. В письме паломницы предлагают Марцелле, их духовной сестре, присоединиться к ним и продолжить путешествие по святым местам вместе². В письме хорошо выражена идея святости Иерусалима и святых мест, вокруг которой существовало множество споров в то время, но которую разделяют авторы письма. Письмо 108, адресованное Евстохии, написано Иеронимом по случаю смерти Павлы. В письме автор описывает их паломничество как важнейший эмоциональный и духовный опыт, полный глубокого понимания Священного писания и значимости Святой земли³.

Кроме путешествий к библейским местам Святой земли, широкое распространение получили паломничества к местам захоронений первых христианских мучеников. Этот вид паломничества развился исключительно на основе христианской догматики: первые христиане считали, что мученики – единственные, кого не коснётся Страшный Суд, их души были сразу же взяты в Царство Небесное. Таким образом, почитание мучеников – один из способов общения с Богом, следовательно их захоронения также святы, как и храмы.

Во II веке у христиан появляется традиция захоронения усопших (в т.ч., и мучеников) в катакомбах. Возможно, такая традиция была перенята от иудеев. Со временем на местах массовых христианских захоронений стали проводиться богослужения. Одно из первых свиде-

¹ Там же.

² Письмо к Марцелле от имени Павлы и Евстохии, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/pisma-44-86/ . – дата доступа: 01.08.2017.

³ Там же.

тельств о катакомбах встречается у Иеронима Стридонского, который писал: «Когда я был ещё юн и учился в Риме, тогда каждое воскресенье ходил с товарищами и сверстниками к могилам апостолов и мучеников, находившихся в скровах подземных. Там стены наполнены гробницами усопших, а подземелья эти так темны, что в них, кажется, осуществились слова Пророка: да снидут живые в ад»¹. С возрастаньем популярности катакомб как места паломничества с IV века над ними начинается массовое строительство базилик и церквей. Позже из этой традиции вырастет другая: перенос мощей мучеников в другие церкви².

Наравне с паломничеством, к погребениям мучеников развивается третий вид раннехристианского паломничества – путешествие к живым современникам: монахам, пустынникам, столпникам и т.д. Данный вид паломничества получил распространение в связи с активным развитием аскетического монашества в Палестине и Египте с V века. Главными источниками в этом вопросе выступают жития святых и различные агиографические тексты.

К VII веку паломничество становится полноценной духовной практикой; феноменом, имеющим географические рамки. Паломничество угасает с началом арабских завоеваний на Востоке, и возобновление паломничества как массового феномена происходит уже в Средневековье после Крестовых походов, но его формы и смысл уже заметно отличаются.

Библиография

- Finney P.C.* Sacred Place Again // *Sacralidad y Arqueología. Antig. Crist. (Murcia)* XXI, 2004. P. 69-74.
- Markus R.A.* How on Earth Could Places Become Holy? Origins of the Christian Idea of Holy Places // *Journal of Early Christian Studies*, 2. 1994. P. 257–271.
- Morinis E.A.* Introduction: The Territory of the Anthropology of Pilgrimage // *Sacred Journeys: The Anthropology of Pilgrimage* / Ed. E.A. Morinis. Westport, Connecticut, 1992.
- Wilken R.L.* The Land Called Holy. Palestine in Christian History and Thought. New Haven - L., 1992.

¹ Порфирий (Успенский). Святые земли италийской (Из путевых зап. 1854 г.). М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. Монастыря, Православ. паломник, 1996. С. 191.

² Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск: Универсум, 2002. С. 145–147.

Порфирий (Успенский). Святыни земли италийской (Из путевых зап. 1854 г.). М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. Монастыря, Православ. паломник, 1996. 286 с.

Казakov М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск: Универсум, 2002. 464 с.

References

Porfirii (Uspensky). Svyatyni zemli italiiskoy (Iz pytevykh zan. 1854 g.). M.: Izd-vo Spaso – Preobrag. Valaam. monastyrya: Pravoslav. Palomnik, 1996. 286 p.

Kazakov M.M. Christianizacia Rimskoy imperii v IV veke. Smolensk: Universum, 2002. 464 p.

ИОАНН МАЛАЛА. ХРОНОГРАФИЯ. Книга IПеревод с древнегреч. по изд. Ханса Турна.¹**М.М. Синица****Вступление**

ЭНКИКЛИОН² (ОБЗОР МИРОВОЙ ИСТОРИИ) ИОАННА³, ВОЗВРАЩАЮЩИЙСЯ ОТ ВРЕМЕН КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО⁴, НАЧИНАЯ СО ВРЕМЕНИ СОТВОРЕНИЯ МИРА.

Я решил, что было бы правильно после сокращенного материала из еврейских книг, написанных Моисеем⁵, ...⁶ [и сведений, изложенных] в рассказах хронистов Африкана, Евсевия Памфила, Павсания, Дидима⁷, Феофила, Климента, Диодора, Домнина, Евстафия⁸ и многих других трудолюбивых летописцев, и поэтов, и ученых историков, изложить⁹ тебе со всей истинностью случившееся по порядку во времена императоров, вплоть до событий в мои собственные времена, которые достигли моего слуха; я имею в виду события от Адама до царствования Зенона¹⁰ и тех, кто правил позднее. Мои преемники должны дополнить [это] повествование в будущем ради добродетели. Итак, рассказали многочисленные писатели всемирной истории изложение следующим образом.

КНИГА I¹¹. Времена Адама¹²

¹ *Thurn, Ioannes (ed.). Ioannis Malalae Chronographia. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2000.*

² Славянский перевод: «Свод мировой истории».

³ Славянская версия, возможно: «Иоанна Малалы».

⁴ Славянская версия: «происходящая из города Антиохии Великой (Малой) Сирии».

⁵ Славянская версия: «из историй, рассказанных летописцем Моисеем».

⁶ Славянская версия не дает никакой помощи для заполнения этой лакуны, просто перечисляя ряд летописцев после Моисея.

⁷ Славянская версия: «Сисиния».

⁸ Славянская версия: «Каафа».

⁹ Парижская рукопись (P): «поэтов и сведущих»; Славянская версия: «историков и поэтов, и связать».

¹⁰ Славянская версия: «от правления Зенона».

¹¹ I книга отсутствует в основной рукописи Ва. Реконструирована по ряду иных рукописей.

¹² Славянская версия: «Что касается Адама и тех, кто пришел после него. Эллинский хронограф, или летописец, начинает свой рассказ о происхождении мира, таким образом».

1. Адам, первый человек, был сделан, или сотворен Богом из земли. Он был шести футов ростом вместе со своей головой, каковая величина в размере 96 пальцев; его же пядь имела 14 пальцев¹, его же локоть имел 24 пальца; стопа же его имела 16 пальцев. А прожил он 930 лет [Р.6].

А жена же его, сказано, Ева, и она родила трех сыновей - Каина, Авеля и Сифа, и двух дочерей – Азуру и Асуам². По Божьему велению нарек Адам имена всем четвероногим зверям, крылатым существам, амфибиям, пресмыкающимся, рыбам и своим собственным детям. Ведь его собственное имя и его жены Ангел Господень сказал им.

Его сын Сиф имел мудрость от Бога, и по повелению Божию дал имена всем звездам и 5 планетам для того, чтобы они могли быть опознаны людьми. Он назвал первую планету - Кронос, вторую же - Гера³, третью же - Арес, четвертую же – Афродита, а пятую - Гермес. Он также 7 гласных по 5 звездам и двум светилам изложил. Он был первым, кто изобрел еврейские письмена и начал писать ими. Два же великих светила Сам Бог назвал - солнце для управления днем, и луну для управления ночью. Это же мудрейший Фуртун, римский летописец, записал в сочинении, с которым выступил в Константинополе.

Сиф же жил 912 лет и взял себе жену из своих собственных сестер – Асуам. Он стал отцом многих детей, и породил многие поколения и мужчин и женщин. И Каин также ведь принял свою сестру, Азуру, как жену.

2. [Р.7] В середине времен, итак, от них произошел праведный Енох, сын Ярефа, и не умер. Он был перемещен (на небо) после 1287 лет⁴. Ведь он был седьмым от Адама, *согласно интерпретации Аквилы еврея, которую тот дал на еврейские писания от Моисея. Ведь иереи иудеев интерпретировали еврейские сведения Моисея следующим образом*⁵: «Сыновья Божьи увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал и вошли к ним, как говорит Моисей, и они рождали себе сыновей, и были гиганты на земле в те дни, мужи, которые были искони люди ужасные» (Быт. 6.2,4).

¹ Славянская версия: «его предплечье было длиной в 24 пальца».

² Вариант ряда рукописей: Суанни (Сусанни).

³ Вариант ряда рукописей: Зевс.

⁴ Вариант (рукопись А): 1200.

⁵ Курсивом дана возможная интерполяция в рукописи Р.

От Адама до того, как ангелы, сыновья Сифа, возжелали женщин, а точнее дочерей человеческих, племени Каина¹, было 2122 года².

3. В те времена Бог послал огненный шар с неба против гигантов в кельтской земле и сжег ее и их. Шар упал в реку Иордан и был потушен. Рассказывают³ (разные) истории об этом огне и говорят, что был Фаэтон, сын Солнца, который упал с колесницы на землю, какой рассказ Овидий⁴ записал поэтически. Но херонеец Плутарх говорит об этом более правдиво, он говорит, что огненный шар обрушился на кельтскую землю.

Хотя остальные гиганты видели, сколь многих из них поразила молния, [Р. 8] они оставались непокорными. И сказал Бог разгневанный им: «Да не будет Мой Дух пребывать в этих людях, ибо они плоть» (Быт 6,3), как записано в трудах Моисея.

Ученейший Писандр (Пиндар⁵), который был эллинским поэтом после времен Моисея, показал этих гигантов поэтично, как мужей, рожденных от земли, имеющих змеиные ноги, которые отважились (совершить нападения) против наивысших Божественных сил. Он назвал их змееногими, сказав, что они были совершенно уничтожены богами через различные наказания.

Ученейший Тимофей интерпретировал эту поэтическую историю таким образом, говоря, что причина, по которой поэт назвал этих людей змееногими, была в том, что они имели звериный дух, и никакие из человеческих ценностей не признавали, а ноги имели, шагающие в сторону порока и несправедливых дел на земле. Из-за этого Божественный... (обычного) движения⁶ и солнца, и луны одним от огня молнии приказал быть уничтоженными, у других же телам превратиться в камень, третьим же самыми быстрыми смертельными стрелами быть поражаемыми, иным же быть разорванными ранами как от копья, а остальные должны были быть утоплены в глубинах вод. Таким образом, гиганты, или змееногие существа, зло уничтоженные,

¹ Вариант (рукопись А): «Сыновей Божьих, возжелавших дочерей человеческих».

² Славянская версия: 2000.

³ Славянская версия: «Эллины рассказывают».

⁴ Славянская версия: Ундий.

⁵ Славянская версия: Писандр.

⁶ Славянская версия: «движения звезд и». Так как существует разрыв в полстроки в Р перед «обычными» (воικης), *Gleye*, 1899, 505 авторитетно предлагает «астрономические» (αστρονοικης); мы отмечаем лауну в надежде, что, по крайней мере, одно-два слова здесь выпали.

закончили собственную жизнь. Сервий¹ говорит, что они проводя жизнь на низменных равнинах вели войну с людьми с горных вершин, и *руками* и животами (по-пластунски) забираясь (туда), «как змеи вползая, согласно тем»², были уничтожены горцами.

4. [Р. 9] И был человек по имени Ной, который был любим Богом. И было ему 500 лет, когда он породил трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. Бог повелел Ною сделать ковчег, и он сделал так, как Господь приказал ему. Ной достиг возраста 600 лет, и Господь повелел ему взять всё в ковчег с собой. Ной взял всё в ковчег с собой – весь свой род и всех четвероногих зверей, и пресмыкающихся, и крылатых существ и амфибий, как мужского, так и женского пола, как повелел ему Господь. И был потоп на земле в течение 40 дней и 40 ночей, и всякая плоть, что имела дух жизни, погибла, что и записано в еврейских писаниях. Таким образом, приблизительно от Адама до потопа было 2552 лет и 10 поколений.

70-73: EV 157, 3-7 hunc habent textum:

После уничтожения гигантов родился человек по имени Ной, который был любим Богом. И было ему 500 лет, когда он породил трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. Бог повелел Ною сделать ковчег, и он сделал так, как Господь повелел ему.

На 601-м году жизни Ной вышел из ковчега, и его жена с дочерьми и сыновьями, и жены сынов его, и каждая душа рода его, и все четвероногие звери, и крылатые существа, и амфибии, и пресмыкающиеся, которые были в ковчеге, и увеличились согласно роду их. После прекращения потопа и успокоения воды обнаружен этот ковчег остановившимся в горах Арарат в провинции Писидии, чья столица - Апамея³. И его древо существует там и по сей день, как Пергам Памфилиец записал. Иосиф же и Евсевий Памфил, и другие летописцы утверждали, что горы [Р. 10] Арарат находятся рядом с Арменией, между парфянами, армянами и адиабенцами, и ковчег остановился там.

Семейство Ноя произвело на свет детей, и возникло множество мужей и жен, и построили (Вавилонскую) башню. Они же знали, как построить ковчег и первые изобрели судна, и установили их на

¹ Вариант Псевдо-Симеона: Сервий. Славянская версия: «ученейший Сервий».

² Славянская версия и Псевдо-Симеон: «и что они нападали на горцев на своих руках («и ногах»), и ползли по-пластунски, как змеи».

³ Вариант (рукопись Р): Апамасия.

водах, чтобы плавать. Таким образом, от наводнения до сооружения башни прошло 370 лет.

5. В середине же этих времен после потопа Сим, сын Ноя, родил Арфаксада, мужа мудрого, а Арфаксад - Каина, он же после потопа писал об астрономии, обнаружив от Сифа, сына Адама, и его детей имена звезд, вырезанные на каменной доске; как и ученейший Иосиф написал во второй книге своей «Археологии», что внуки Сифа были богобоязненными мужами и, предвидя в те времена, что людям предстоит гибель или изменение, сделали две стеллы с надписями, одну из камня, а другую из глины. На них они написали всё, что Сифом, их дедом, изложено о небесном, полагая, что если земной мир людей изменится посредством воды, то каменная стелла останется и то, что на ней написано; если же через огонь, то сохранится глиняная, и ее надпись станет известной тем, кто спасется и выживет после этой (катастрофы). Эта каменная стелла осталась на горе Сирис (Σίριδος) после потопа, и находится там до сих пор, как изложил это тот самый Иосиф. [Р. 11]. И остальной род Арфаксада продолжал существовать до строительства (Вавилонской) башни. Жил же Арфаксад¹ 135² лет. Таким образом, от Адама до (Вавилонского) столпотворения прошло 2922 года.

6. В будущем племена сыновей Ноя, я имею в виду Сима, Хама и Иафета, трех братьев, разделились. И племя Сима заняло (территории земель от Персии и Бактрии вплоть до Индии по долготе, а по широте³ до Ринокуруры⁴, что есть от востока до регионов юга, в том числе Сирии и Мидии, и реки⁵, называемой Евфрат. Племя Хама же, второго сына Ноя, заняло (территории) от (земель) Ринокуруры в Египте, обращенные к югу, вплоть до регионов запада, и всю Ливии, и реку Нил, называемую Золотоносной, а также Африку как до Мавритании и столпов Геракла, так и большого Адриатического моря⁶. А племя Иафета, третьего сына Ноя, взяло (территорию) от Мидии на север вплоть до Британских островов, в том числе, всей площади Понтий-

¹ Вариант (рукопись А): «длилось до завершения строительства Башни, и Арфаксад жил...».

² Вариант (рукопись А): 125.

³ Вариант: «от Индии».

⁴ Вариант (Сикелл, Псевдо-Симеон, Кедрин): «в Египте».

⁵ Вариант (Синкелл, Псевдо-Симеон, Кедрин): «реки, определявшей его границы».

⁶ Странная фраза, возможно, испорченное как-то из «Gadeira», что используется в другом месте в аналогичном порядке наследования Хама.

ского моря¹, до регионов запада, и рек Дунай и Танаис², и области гор Кавказа и абазгов; и все те народы, начиная от реки Тигр, которая разделяет³ Мидию и Вавилонию, и до Понтийского моря, близ Родоса, Кипра и Атталесии (Ατταλήσις)⁴. Три племени же разделились по всей земле на 72 народа, как установил ученейший летописец Евсевий Памфил.

7. Во времена же эти [Р. 12] из рода Арфаксада явился некий ученый индийский муж, астроном по имени Гандубарий (Γανδοῦβάριος)⁵. Он был первым, кто написал об астрономии для индийцев. Был же еще один человек из колена Сима, по имени Куш, эфиоп, который стал отцом Неброда, гиганта, который построил Вавилон⁶. Персы говорят, что он был обожествлен и стал звездой в небе, которую они называют Орион. Он был первым, кто открыл⁷ охоту и обеспечил всех (людей) дикими животными для еды, и был вождем среди персов.

8. В этом же самом племени Сима, первого сына Ноя, правящим над Сирией, Персией и остальными районами Востока, был рожден и явился человек, который был из рода гигантов, по имени Крон, прозванный своим собственным отцом Дамном⁸ по названию планеты. Он же был могущественным (человеком), который был первым научившим царствованию, то есть, власти и управлению над другими людьми. И он царствовал над ассирийцами в течение многих лет, и подчинил всю землю Персии, начиная с Ассирии. Он же в страхе держал всех, как жестокий и воинственный (человек), который всех уничтожал.

Он имел жену Семирамиду, также называемую ассирийцами Рейей⁹, потому что она была горда и хвастлива. Была же и она из того племени (Сима, сына Ноя)¹⁰. Крон же имел сына, именем Пика, который был также назван Зевсом его родителями также по названию са-

¹ Славянская версия дополняет: «и Великого моря».

² Рукопись Р: Эяс (Aias).

³ Рукопись Р: «они были разделены».

⁴ Рукопись В оставляет пустое место после первой буквы слова. Глейе (1899) дополняет строку текстом: «и некоторые другие», но это неудовлетворительно по-гречески.

⁵ Так в Славянской версии и рукописи Р; Пасхальная хроника, Псевдо-Синкелл, Кедрин дают: Андубарий.

⁶ Вариант в ряде рукописей: Вавилонию.

⁷ Вариант: «преследовал».

⁸ Славянская версия: Домн; Анон. Мал.: Уран.

⁹ Вариант в большинстве рукописей: Арея.

¹⁰ Вариант Пасхальной хроники: «Она была из колена Сима, сына Ноя».

мой планеты. Этот Крон имел же и еще одного сына, названного Нин, а также дочь [Р. 13] имел по имени Гера. Пик Зевс взял же себе в жены собственную сестру по имени Гера; ее же некоторые люди называли «воздаянием женам»¹, как благодарные ей, потому что она была доброй, и справедливой и безмерно доброжелательной². Пик имел от нее сына, которого он также назвал Бел, потому что ребенок был очень резким.

9. Праотец же Крон, оставив своего сына Пика в Ассирии и свою жену Рею Семирамиду со своим сыном Пиком Зевсом и собрав большое ополчение, множество благородных людей, ушел на Запад, который был без царя и не подчинялся никакому правителю; и он завладел западными областями, пропав из Ассирии. Он оставался правящим и царствующим над всем западом много лет и имел жену по имени Филира, от которой у него был сын по имени Афр (ὁ Ἄφρος), которому он отдал землю близ Ливии. Афр владел тамошними странами, царствуя над ними; он женился на Астиноме с острова Лакерия и породил дочь, которую он назвал Афродитой, также по имени самой планеты, небесной Афродиты. Она стала философом и вышла замуж за Адониса сына Кинира Афинского, тоже философа от его собственной дочери.

{Этот} именно Кинир, совершив этот (акт), который оскорбляет природу, унеся (ребенка), бросил его в горах. Он же воспитывался так называемыми горными нимфами. Когда он стал необыкновенно красив, Афродита влюбилась в него. Арес же рассердился [Р. 14] и ударил его. Ибо он был соперником для его чувств к Афродите. Говорят, что Афродита пошла вместе с Адонисом в Аид, не как умершая, но как сильно любящая³ и намеревающаяся воскресить (его). И некоторые другие рассказывают истории об этом, которые также именуется мистериями⁴. Говорят, что они практиковали философию вместе⁵ до самой смерти.

¹ Славянская версия: «называл ее своей законной женой». По мнению комментаторов австралийского издания, «Трудно понять, как эта фраза в тексте могла быть предназначена в качестве комплимента; чтение Малалы дает что-то вроде «сбалансированной справедливости».

² Вариант Пасхальной хроники: «доброй и жаждавшей всей справедливости».

³ Корректурa: «любила это».

⁴ Текст, выделенный курсивом, нигде более не засвидетельствован, возможно, является интерполяцией.

⁵ Пасхальная хроника: «Они продолжали практиковать философию вместе целомудренно». Возможно, оригинал Малалы в этом месте заставил позднейших переписчиков сделать интерполяцию.

Крон имел же от Филиры и другого сына, называемого Хирон, и тоже философа.

10. После того же, как Пик Зевс процарствовал над Ассирией в течение 30 (четырёх¹) лет, он также оставил свою мать и Геру, свою сестру и жену, и, сделав своего сына Бела царем Ассирии, ушел на запад к отцу Крону. Бел же царствовал над ассирийцами в течение 2 (восьми²) лет, и умер, а персы обожествили его. Когда же Крон увидел своего собственного сына Пика Зевса, пришедшего³ к нему на Запад, он уступил ему царство на Западе. Ибо был немощен и страдающий этот Крон⁴, и царил над Западом, то есть, Италией Пик Зевс еще 62 года. После Бела же Нин, другой сын Крона, правил Ассирией, который именно взял свою мать Семирамиду как жену; от него обычай у персов жениться на собственных матерях и сестрах: поэтому Пик тоже [Р. 15] взял свою собственную сестру Геру в жены⁵, как ученый Гомер утверждает следующее: «он обратился к Гере, своей родной сестре и супруге»⁶. И умер Крон.

11. После же Нин стал владыкой Ассирии, он построил Ниневию, город ассирийцев, и стал первым править в нем, держа Семирамиду Рею, свою жену и мать, вместе с собой. Из его рода, итак, был рожден Зороастр, знаменитый персидский астроном, который молился перед смертью о том, чтобы небесным пламенем быть поглощенным. Он сказал персам: «Если огонь сожжет меня, возьмите (несколько) из моих обугленных костей и сохраните их; владычество уйдет с вашей земли столько времени, сколько вы сохраните кости мои». И, помолвившись Ориону, он был поглощен огнем с неба. И персы сделали, как он сказал им, и они сохранили его (сожженные) останки в пепле до сих пор.

12. После Нина человек по имени Фура (Фарра⁷) царствовал над ассирийцами. Его отец Цам (Ζάμης), брат Реи, переименовал его в

¹ Ряд рукописей дает: 30.

² Ряд рукописей дает: 2.

³ Вариант: «пересекшего Запад».

⁴ Славянская версия дополняет: «Другие, однако, утверждают, что Пик захватил своего отца и вырезал его почки, и бросил их в море, и погрузил (тело) своего отца в глубину, и отобрал его царство». По мнению австралийских комментаторов, в оригинале этого места, видимо, не было.

⁵ Славянская версия дополняет: «И потому, что Нин взял свою мать Семирамиду». Это место считает подлинным Глеве, но отвергает Райнерт. Австралийские комментаторы склоняются скорее к мнению Райнерта, но отвергают его мнение о наличии здесь лакуны.

⁶ Ном. II. XVI, 431-432, XVIII, 356.

⁷ Ряд рукописей дает: Фура.

Ареса, в честь планеты. Он был диким бойцом, который воевал против северных стран. Он напал на некоего Кавказа, который и сам был сильным человеком из рода гигантов и очень воинственный; он происходил из колена Иафета, сына Ноя. И он, борясь с этим Кавказом, победил его¹ и завладел его землей. [Р. 16] Он (затем) пришел во Фракию, где, умерев, лёг. Именно этому Аресу ассирийцы возвели первый памятник, и они поклонялись ему как богу; и по сей день они называют его по-персидски Белом², что означает в переводе «Арес, бог войн (бог-воин³)». Это упоминают пророческие слова Даниила и трех отроков, (говоря,) что они были вынуждены поклоняться ему⁴. После смерти Ареса царствовал Ламес, а после Ламеса ассирийцами правил Сарданапал Великий, которого Персей, сын Данаи⁵, убил и отнял державу от ассирийцев. И царствуя над ними, он по своему собственному имени назвал их персами. Мемброний Вавилонский записал это для персов⁶.

13. А брат Нина, Пик Зевс, продолжал царствовать над Италией. В его времена же не было ни какого города или владения на Западе, но просто вся земля была заселена там переселившимися туда из племени Иафета, сына Ноя. Пик Зевс же жил 130 лет⁷, владея Западом и будучи царем над ним. И у него было много сыновей и дочерей от прекрасных женщин (потому что он их обманывал, нечто мистическое и поражающее воображение делал и изумлял их): эти же женщины как бога его почитали, и были соблазнены им, так как он показывал им нечто фантастическое с помощью механических средств. Имел же этот Пик Зевс сына по имени Фавн, которого он также называл Гермесом по планете. [Р. 17] Когда этот Пик Зевс был на грани смерти, он приказал, чтобы его останки были погребены (в могиле)⁸ на острове Крит. И его дети построив ему храм, положили его в гроб на острове Крит. Эта гробница, которая была на Крите, сохранилась до настоящего времени, на ней написано: «Здесь лежит умерший Пик Зевс, которого также называют Дием». Диодор, образованнейший летописец, написал об этом, кото-

¹ Ряд рукописей дает: «убил его».

² Ряд рукописей дает: Баалом.

³ Ряд рукописей дает: «бог войн».

⁴ Возможно, выделенное курсивом – интерполяция в рукописи Р.

⁵ Вариант: Даны (Δανάης).

⁶ Славянская версия: «как Семпроний, вавилонский перс, записал». Возможно, этот вариант более корректен.

⁷ Ряд рукописей дает: 120.

⁸ Рукопись Р опускает «упокоилось». Ряд других рукописей опускают «в могиле». Псевдо-Синкелл и Кедрин дают: «упокоился в смерти».

рый и в изложении своего трактата сказал о богах, что Зевс, сын Крона, лежит на Крите.

14. После смерти же Пика Зевса, его сын Фавн Гермес царствовал над Италией в течение 35 лет. Он был муж хитрый и ученый (желавший узнать¹), кто первым открыл золотые рудники на Западе и плавление; узнал же он, что завидуют ему его братья, (происходившие) от жен, которых имел его отец Пик Зевс: ибо они хотели убить его. Ведь было множество их около семидесяти – потому что, соединившись со многими женщинами, родил детей Зевс. Родился некий <сын>, называемый Майад². Конечно, Зевс с фиванской Алкменой, женой Амфитриона, вместе соединившись, имел еще одного сына от нее, по имени Геракл, сын Алкмены, который (также) известен как Триеспер (τριεσπερος)³. Он был первым, кто учил философии в вечерних (ἑσπερίοις) областях, то есть, в западных. Те, кто из его рода, обожествив его после его смерти, назвали звезду на небе [Р. 18] по его имени звездой Хитон Геракла. Его изображают носящим львиную шкуру и дубину держа, владеющим тремя яблоками, о которых сообщает миф, говорящий, что он украл три яблока, когда он убил дракона дубиной; то есть, он победил лукавые мысли низкого желания дубиной философии, опоясавшись доблестью ума, как будто львиной шкурой, и таким образом он украл три яблока, то есть три добродетели - свобода от гнева, свобода от алчности и свобода от чувственности. С дубиной стойкости души и львиной шкурой решительнейшей целомудренной мысли, он стал победителем в земной борьбе с порочным желанием, занимаясь философией до (самой своей) смерти, как написал ученейший Геродот⁴, который рассказал, что были семь и других Гераклов.

То, что было сказано аллегорически об этом Геракле, было установлено Феофилом ученейшим летописцем. Итак, когда Гермесу стало известно о заговоре его братьев против него, он удалился, присвоив чрезмерное количество золота для перехода, и ушел в Египет, к племени Хама, сына Ноя. Они же приняли его с честью, и он остался там, относившись ко всем с высокомерием и нося золотые одежды. Он практиковал философию среди египтян, произнося прорицания для них. Он ведь был по (своей) природе очень рациональным. И они поклонялись ему, называя богом Гермесом, так как он предсказывал [Р.

¹ Ряд рукописей дает: «большой учености».

² Славянская версия: «Зевс имел (сына) Фавна Гермеса от его первой жены Майи, которую он соблазнил в Италии». Кедрин: «Он был сыном Майи, первой жены, которую Зевс имел в Италии».

³ Ряд рукописей ошибочно дает: Триеспер.

⁴ Славянская версия: Диодор.

19] будущее, оказывая им помощь ответами от бога о будущем и снабжая их деньгами; его же и «податель богатства» они называли, как считающие¹ его золотым богом.

15. Итак, когда этот Гермес пришел в Египет, Местраим (Μεστραίμ) из рода Хама тогда царствовал над египтянами. Когда он скончался, египтяне сделали Гермеса царем, и он правил над египтянами в течение 39 лет в высокомерии. И после него Гефест царствовал над египтянами в течение 1680 дней, то есть в течение четырех с половиной лет и 38 дней². Египтяне тогда не знали, как измерять годы, но они называли цикл дней «годами». Они же назвали этого Гефеста богом. Ведь он был и воином и мистиком. Он же отправляясь на войну, упал со своей лошади, и остался хромым из-за удара. Этот же Гефест издал закон, что египетские женщины должны быть единобрачными и жить целомудренно, а те, кто был пойман в прелюбодеянии, должны быть наказаны. Египтяне были благодарны ему, так как это был первый закон о целомудрии, которые они получили. Этот же Гефест через некую мистическую молитву получил щипцы из воздуха для изготовления орудий из железа. Отсюда и победоносным он был найден в войнах. Итак, его обожествили, так как он законодательно установил целомудрие, и еду людям через изготовление орудий доставлял, и в войнах могущества и безопасности добивался; ибо прежде его (времени) дубинками и камнями (люди) воевали.

¹ В этом месте заканчивается рукопись P, а рукопись V (первоначально часть той же массы, но теперь отделенная) продолжает далее текст без перерыва. Рукопись V (она не опубликована) используется далее в качестве базового текста для перевода, пока рукопись Va не начинается с Во 23.1.

² Славянская версия: «четыре с половиной лет и 38 дней».

Научное издание

ЭРГАСТИРИЙ

**Сборник материалов Всероссийской летней
школы по византиноведению**

(г. Белгород, август 2017)

Электронное издание

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет подписан 15.11.2017. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 8,9. Заказ 249.
Оригинал-макет подготовлен в ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85